

МАРК РАВИНА

Последний

самурай

МОСКВА
•ЭКСМО•
2005

УДК 82(1-87)-94
ББК 84(7США)
Р 12

Mark RAVINA

THE LAST SAMURAI:
THE LIFE AND BATTLES OF SAIGO TAKAMORI

Перевод с английского Д. Воронина

Оформление переплета художника Е. Савченко

Равина М.
Р 12 Последний самурай. — М.: Изд-во Эксмо, 2005. — 384 с., ил.

ISBN 5-699-10573-5

ISBN 5-699-11061-5

Эта книга рассказывает о драматической судьбе легендарного Сайго Такамори, «последнего самурая», великого воина, интеллектуала, политического деятеля, дипломата и поэта, определившего дальнейшее развитие японской цивилизации. Его звезда вспыхнула на общественном небосклоне Японии в переломную для страны эпоху — во второй половине XIX века, когда в ходе кровопролитной гражданской войны стремительно рушилось древнее самурайское государство и на смену власти сёгуната приходила монархия западного образца.

Этические принципы кодекса Бусидо и высокий моральный дух Сайго Такамори всегда ставил выше политических выгод и побед любой ценой. Вооруженные мечами самураи под его командованием бесстрашно атаковали, оснащенные новейшими винтовками императорские войска — и не всегда победа доставалась огнестрельному оружию... Не случайно этот удивительный человек не только стал легендой среди простых японцев, но и был официально канонизирован после смерти новым императорским правительством, с которым беспощадно боролся.

Уже в наши дни Сайго Такамори стал прототипом одного из главных героев знаменитого голливудского блокбастера «Последний самурай».

Теперь у вас появилась возможность узнать подлинную историю жизни великого мятежника.

УДК 82(1-87)-94
ББК 84(7 США)

© 2004 by Mark Ravina. All rights reserved.
Authorized translation from the English language
edition published by John Wiley & Sons, Ltd.
© Перевод Д. Воронин, 2004
© Издание на русском языке. Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2005

ISBN 5-699-10573-5 (ТДЦ)
ISBN 5-699-11061-5 (ТДС)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Даты

До 1873 года в Японии был принят лунный календарь, в соответствии с которым год делился на двенадцать месяцев, по 29 или 30 дней в каждом. Продолжительность лунного года составляла 354 дня. Для согласования этого лунного календаря с солнечным годом использовались добавочные, или «високосные», месяцы. Подобная система применяется и для корректировки других, лунных/солнечных календарей, например, таких, как традиционный иудейский календарь, где также используются «високосные» месяцы для приведения в соответствие лунных месяцев с солнечным годом.

В своем историографическом сочинении я выражал даты лунного календаря в общепринятом формате день/месяц/год и переводил японские годы, но не дни и месяцы, в годы григорианского календаря. Таким образом, пятый день одиннадцатого месяца шестого года эры Горэки будет выглядеть как 5/11/1756. Буква *d* представляет добавочный, или «високосный», месяц. Дата 5/д11/1756 означает пятый день одиннадцатого добавочного (или двенадцатого) месяца 1756 года. При конвертировании дат я полагался на таблицы Цутихаси, опубликованные в 1952 году.

Японский год начинался «с запозданием», и точная григорианская дата японского Нового года приходится на период от 21 января до 19 февраля. Правительст-

во Мэйдзи приняло григорианский календарь в 1873 году. 1 января 1873 года и 1/1/1873 — это одна и та же дата.

Имена, латинизация и система мер

Японские и китайские имена приведены здесь в традиционной манере: личное имя следует за фамильным. Следует отметить, что перевод японских имен на английский представляет определенную трудность. В Японии девятнадцатого века все важные люди, как правило, использовали сразу несколько имен. Например, Сайго Такамори при рождении получил имя Сайго Кокити, а Такамори он стал только после того, как достиг совершеннолетия. В то же время он писал стихи под именем Сайго Нансю. Самураи и аристократы, поднимаясь по иерархической лестнице, брали новые имена. Таким образом, даймё Хитоцубаси Ёсинобу стал Токугава Ёсинобу после того, как получил титул сёгуна. Кроме того, японские имена часто имели сразу несколько вариантов прочтения, поскольку японские иероглифы можно прочесть как по-японски, так и по-китайски. К примеру, Ёсинобу и Кэйки — это просто разные прочтения двух одинаковых иероглифов. Сталкиваясь с подобными проблемами, я всегда ставил на первое место интересы западного читателя. Я последовательно называю людей одним и тем же именем даже в тех случаях, когда это исторически неточно. Так, например, я продолжаю использовать имя Хитоцубаси Кэйки даже после того, как этот исторический персонаж стал сёгуном и взял себе семейное имя Токугава. Более того, в тех случаях, когда существует несколько прочтений одного

имени, я выбираю то, которое кажется мне наиболее характерным: отсюда Кэйки вместо Ёсинобу, так как первое имя позволяет лучше отличать этого персонажа от его главного соперника, Ёситоми. Я также использовал неофициальные имена, в тех случаях, когда они показались мне более легкими для запоминания: так, даймё провинции Фукуи я называю Мацудайра Сунгаку, а не Мацудайра Ёсинага.

Еще одну проблему представляют собой японские географические названия, суффиксы которых часто бывают описательными. Например, Сирояма означает «замковая гора», поэтому технически словосочетание «гора Сирояма» будет избыточным. Казалось бы, от этой избыточности можно избавиться, опуская суффиксы, но тогда здесь возникают новые сложности. Каждый, кому потребуется найти название Сирояма, будет искать именно его, а не Сиро или гора Сиро. У этой проблемы нет общепринятого решения. Я старался избегать избыточных определений, но местами, для большей ясности, все-таки добавлял такие слова, как «гора» или «храм».

Следующая проблема связана с владениями даймё. Крупные владения были известны под несколькими названиями: названию призамкового города, названию дома даймё, названию провинции или названию региона. В этой работе я обычно идентифицирую княжества по названию их призамкового города, за следующими важными исключениями: княжество Тёсю вместо княжества Кагосима и княжество Тоса вместо княжества Коти.

Я старался соблюдать систематичность при переводе японских титулов. Однако я использовал термин

«правитель», чтобы отразить ранг некоторых исторических фигур из рода Токугава, которые имели многочисленных вассалов, но при этом не носили титула даймё. Например, Токугава Нариаки был доминирующей силой в Мито, даже после того, как он отрекся от титула даймё в пользу своего сына. И наоборот, Симадзу Хисамицу никогда не был даймё, но тем не менее он эффективно управлял княжеством Сацума через своего сына, Симадзу Тадаёси. В Японии эпохи Токугава существовали специальные японские термины, как для отцов даймё, так и даймё, удалившихся на покой, но на английском я ради простоты называю всех этих могущественных людей просто «правители».

Словосочетание *Сэйнан сэнсо* на английский принято переводить как «восстание в Сацума», но мне кажется, что такой перевод недостаточно точно передает как оригинальный японский смысл, так и характер самого исторического события. Боевые действия велись далеко за пределами княжества Сацума, и по своим масштабам они были значительно ближе к гражданской войне, чем к восстанию. Поэтому вместо «восстания в Сацума» на протяжении всей книги этот японский термин переводится как «война на юго-западе».

Система мер

Я перевел все единицы измерения в американскую систему мер и весов, за исключением коку. Содержание самураев, а также и доходы даймё измерялись в коку риса: один коку равен 4,95 бушеля, или 180 литрам.

ВВЕДЕНИЕ

Где же голова Сайго Такамори? Этот вопрос не давал покоя японскому правительству одним беспокойным утром 1877 года. Императорские войска подавили поднятое Сайго восстание. Они сократили численность его тридцатитысячной армии грозных, воинственных самураев до нескольких сотен, превратив их в нестигаемых сторонников. Затем утром 24 сентября 1877 года правительственные силы начали последнюю атаку на остатки армии мятежников. Через несколько часов силы Сайго были полностью разгромлены.

Война на юго-западе — самый кровавый конфликт в Японии за последние триста лет — была закончена. Но триумф победы правительства был неполным. Императорская армия получила тело Сайго, но не смогла обнаружить его голову. А без головы Сайго победа правительства была незавершенной.

Почему голова Сайго имела такое важное значение? Занимаясь поисками головы Сайго, японская армия следовала одной из старейших традиций воинского сословия. Представление отрубленных голов являлось неотъемлемой частью средневековых войн, и японский национальный эпос наполнен многочисленными описаниями этого формального ритуала. Самураи отрубали головы у поверженных врагов и подносили их своему повелителю. В крупных сражениях одержавшая победу

армия собирала сотни вражеских голов. Головы простых воинов сваливались в кучи и демонстрировались в качестве мрачных трофеев. Однако если это были головы благородных врагов, то с ними, по крайней мере согласно преданию, обращались совсем иначе. Один из знаменитых примеров подобного рода связан с историей взаимоотношений между первым японским сёгуном Минамото Ёритомо и его единокровным братом Минамото Ёсицунэ. Поначалу они были союзниками, но затем Ёритомо потерял доверие к своему родственнику и приказал его убить. Ёсицунэ был объявлен бунтовщиком и изменником, но тем не менее благородным изменником. Согласно хорошо известной истории, в 1189 году, когда сторонники Ёритомо в конечном итоге добыли голову Ёсицунэ, они обращались с ней с большим почетом. Голову Ёсицунэ тщательно омыли и положили в черную лаковую шкатулку, наполненную сакэ, чтобы в таком виде представить ее Ёритомо. Как гласит история, когда офицеры Ёритомо получили голову Ёсицунэ, они оплакивали его безвременную кончину.

Голова поверженного врага не только была самым убедительным средством его идентификации, но и, что не менее важно, расценивалась как доказательство его посмертной лояльности. Отрубленная голова вражеского генерала символизировала безоговорочную преданность вассала, готового пойти на любой риск, лишь бы добыть такой ценный трофей для своего господина. Преподнося такие «подарки», самураи доказывали, что они достойны расположения правителя. А, с другой стороны, победившие военачальники, принимая головы, тем самым демонстрировали свое превосходство

над другими правителями, чьи вассалы не сумели успешно поддержать их в бою.

24 сентября 1877 года этот средневековый ритуал возродился с новой энергией и силой. Это была ироничная посмертная победа Сайго. Занимаясь поисками его головы, императорская армия отдавала дань традиции, от которой она официально отказалась. Новая японская армия демонстративно отбросила в сторону все феодальные обычаи и символы. Она была основана на современном национализме, а не на феодальной преданности. Солдаты императорской армии были преданны императору и стране, а не региональным феодальным правителям.

В 1872 году вышел закон о воинской повинности, где самурайские традиции были объявлены проявлением вопиющего неравенства, в то время как создание новой армии описывалось как величайший эгалитарный проект:

«С одной стороны, феодальные князья, которые на протяжении многих поколений вели праздный образ жизни, лишались своих привилегий; а с другой — все четыре сословия [самураи, крестьяне, ремесленники и торговцы] получали свободу. Таким путем было установлено социальное равновесие и гарантированы равные права для всех. Это стало основой для объединения крестьян и солдат в единую нацию. Люди стали не такими, как в прежние дни. Теперь они были равноправными подданными империи, между которыми не существовало различий в их обязанностях перед государством»¹.

¹ Юи, Фудзивара и Ёсида, Токио, 1989.

У этой новой армии не было причин интересоваться головой Сайго. На самом деле, правительство объявило публичную демонстрацию голов ярким примером жестокости старого режима. Офицерам правительственной армии не вменялось в обязанность подносить императору отрубленные головы врагов в знак своей преданности.

Поражение Сайго должно было стать поводом для празднования наступления «новой» эры в истории Японии. Армия, подавившая восстание Сайго, стала символом быстрого преобразования Японии после реставрации императорской власти в 1868 году. Императорская армия представляла собой современную, общенациональную силу. Она комплектовалась призванными на военную службу простолюдинами, содержалась за счет государственных налогов, снабжалась поездами и пароходами и поддерживала связь при помощи телеграфа. Японское правительство применяло против мятежников самые современные и смертоносные виды оружия. Так, например, впервые в японской истории правительство использовало наземные и морские мины, мины, разбрасываемые с воздушных шаров, и даже ракеты. И, напротив, повстанческие силы Сайго — самураи — сражались преимущественно мечами. Хотя они начинали войну вооруженные пушками и огнестрельным оружием, боеприпасы уже давно были полностью израсходованы. Мечи против артиллерии — эту битву нельзя описать точнее. Кроме того, две армии сражались за два диаметрально противоположных взгляда на государственное устройство Японии. Повстанцы отказались подписывать манифест, но главной их целью было восстановление самурайской чести. Новое правительство

в Токио отменило монополию самураев на военную службу и правительственные посты. Оно оспорило один из главных принципов старого порядка: идею, согласно которой только самураи обладают достаточной отвагой, чтобы быть воинами, а также моральными качествами, необходимыми для того, чтобы служить государственными чиновниками. Отвага Сайго и его людей ни у кого не вызвала сомнений. И все же, когда призванные в новую армию простолюдины встретились с самураями на поле боя, простолюдины одержали победу. Это была битва между новой и старой Японией. Старая Япония потерпела поражение.

Так зачем же тогда понадобилось искать голову Сайго? То, что современная японская армия решила следовать средневековой традиции, вряд ли можно назвать случайностью. Защита самурайских традиций была основной причиной восстания Сайго. Сайго и его товарищи не сумели восстановить общественный статус самураев силой оружия. Однако они были преисполнены решимости своей смертью прославить самурайскую традицию. Кончина самураев почти с театральной выразительностью демонстрировала их отвагу и решительность. Повстанцы заняли свои последние оборонительные рубежи на склонах горы Сирояма, за стенами замка Кагосима. Этот замок когда-то был резиденцией семьи Симадзу, управлявшей княжеством Сацума, теперь известным как префектура Кагосима. Но в 1877 году он был, если не фактически, то формально, собственностью японского правительства. Сайго укрылся в пещере на горных склонах, возвышающихся над водами залива Кагосима. Он уже давно перестал бояться смерти, но теперь мир действительно воцарился в его

душе. Примирившись со смертью и поражением, Сайго провел последние дни в размышлениях и созерцании, наслаждаясь красотами родных пейзажей. Он вел себя почти легкомысленно: обменивался стихами со своими товарищами, играл в японскую игру го, смеялся и шутил. Спутники Сайго разделяли его настроение. 22 сентября Сайго сказал им, что предстоящая битва будет для них последней, и призвал всех встретить свой конец с достоинством и отвагой:

«Поскольку мы все твердо решили сражаться до конца; выполнить наши моральные обязательства перед общим делом; и умереть за императорский двор; так давайте успокоим свой разум и приготовимся сделать этот замок своим [последним] пристанищем. Очень важно собраться с духом и преисполниться решимости не оставлять нашим потомкам причин для стыда».

Следующей ночью, согласно легенде, Сайго отпустил всех, кто не хотел умереть. С ним остались только самые преданные сторонники, готовые умереть вместе с Сайго. Вечером 23 сентября мятежники праздновали свою скорую смерть. Под яркой луной они пили sake, пели песни, зачитывали стихи о чести, преданности и смерти.

Финальный штурм правительственных войск начался в 3.55. Повстанцы защищали свои позиции на доминирующих высотах, но были быстро отброшены назад превосходящими силами противника. В 5.30 императорская армия разрушила укрепления повстанцев и, разместив на занятых позициях артиллерию, начала вести концентрированный огонь по расположенной

внизу долине. От войска Сайго осталось не более сорока человек. Около семи утра Сайго и его спутники начали спуск с вершины холма, чтобы встретиться лицом к лицу с солдатами правительственной армии и умереть. Сайго окружали самые близкие и верные союзники: Кирино Тосиаки, Мурата Синпати, Кацура Хисатакэ и Бэппу Синсукэ. На половине спуска Сайго был ранен в правое бедро. Пуля прошла мякоть насквозь и застряла в левой бедренной кости. Сайго упал на землю. Согласно легенде, Сайго собрал последние силы и приготовился совершить сэппуку — самурайское ритуальное самоубийство. Повернувшись к Бэппу, он сказал: «Мой дорогой Синсукэ, мне кажется, это место вполне подойдет. Пожалуйста, будь моим секундантом (*кайсаку*)». После этого Сайго, повернувшись лицом на восток, в сторону императорского дворца, принял спокойную созерцательную позу и вскрыл себе живот. В то же мгновение Бэппу одним быстрым точным ударом отрубил ему голову, которую передал слуге Сайго, Китидзаэмону, чтобы тот убежал и спрятал ее от приближающихся правительственных войск. Обряд ухода из жизни потерпевшего поражение героя был завершен. Сайго умер как образцовый самурай. *Нисикиэ*, цветные гравюры на дереве, заменявшие тогда массовые иллюстрированные журналы, распространили эту легенду в еще более приукрашенной интерпретации. На этих гравюрах Сайго, торжественный и благородный, вонзал меч в нижнюю часть своего живота.

Однако вскрытие тела Сайго поведало несколько другую историю. С простреленным бедром Сайго вряд ли мог сесть в созерцательную позу и обсуждать свою смерть с Бэппу. И хотя голова Сайго была отрублена од-

ним точным ударом, на его животе не было никаких ран. Покалеченный и, по всей видимости, испытывавший сильнейший болевой шок, Сайго не имел возможности покончить с собой в полном соответствии с традиционным самурайским ритуалом¹. Но эти факты никак не повлияли на легенду о благородной кончине Сайго. С каждым пересказом самообладание Сайго становилось все более полным, его монолог, обращенный к Бэппу, все более длинным, а напряженность этой сцены все более интенсивной. Поскольку Сайго олицетворял собой все самурайские доблести, его смерть должна была полностью соответствовать самурайским традициям. Незирая на физиологию, традиция требовала, чтобы Сайго сел на раздробленное бедро и спокойно попросил Бэппу помочь ему умереть. Сайго стал легендой, и японские СМИ решили тиражировать легенду, а не реального человека.

Смерть Сайго повлекла за собой смерть целой концепции японской политики. Сайго и его люди сражались за традицию местной независимости. Если последователи Сайго еще могли как-то смириться с присутствием солдат-простолюдинов в Токио, то попытки центральных властей оспорить самурайские традиции в родной провинции Сацума вызывали у них бурный протест. Англоязычная газета *Tokio Times*, в выпуске от 1 октября 1877 года, так описала эту трансформацию, используя аналогию с американской историей:

«Идея национальной целостности была провозглашена и установлена. Широко распространившись по всей империи, она была принята как никогда ранее —

¹ Здесь следует отметить, что один из вариантов сэппуку допускает, чтобы жертва просто позволила секунданту себя обезглавить.

не кучкой полусуверенных и соперничающих друг с другом властителей, а всей нацией. В этом отношении моральный аспект внутренней борьбы имеет близкое сходство с уроком гражданской войны в Америке. Здесь, как и там, один из основополагающих вопросов заключается в отношении государства к центральной власти, и в обоих случаях результатом было отстаивание последней из своих претензий на то, чтобы стать верховным и конечным судьей. То, что этот «неизбежный кризис» здесь, как и в Америке, был должным образом воспринят и благополучно преодолен, несомненно, представляет собой повод для поздравлений».

Газета «Хоти синбун», процитированная в том же номере *Tokio Times*, сосредоточила свое внимание на крахе самурайского могущества:

«С того времени, когда феодальная система сменилась современной формой правления, *сидзоку*, или древний воинский класс, быстро терял свою власть. Сопротивление Сайго центральному правительству представляло собой попытку *сидзоку* восстановить прежний военный милитаристский контроль над государственными делами... Таким образом, нынешняя победа — это не только подавление мятежа Сайго, но и общий триумф над феодальной идеей повсеместного превосходства *сидзоку*».

Статья заканчивалась на ликующей ноте: «И разве все население нашей страны не возрадуется всем сердцем, услышав такую радостную новость?»

Однако на самом деле многие японцы были настроены далеко не так празднично. Даже «Хоти синбун» признавала, что Сайго «оставался верным себе до самого конца... ушел из жизни, не запятнав своей чести, и за-

крыл глаза в мире, полностью удовлетворенный чувством выполненного долга». К большому неудовольствию правительства, Сайго начал олицетворять собой все положительные качества, связанные со званием самурая. Несмотря на мощную пропагандистскую кампанию, Сайго продолжал пользоваться огромной популярностью. Его рассматривали как образец самурая: преданный, отважный, равнодушный к смерти, честный и справедливый. Сайго ставил себя выше простолюдинов, но как сочувствующий им лидер, а не тираничный правитель. Для Сайго самурайская власть требовала благосклонного отношения к подданным. В ней не должно оставаться места для деспотизма. Хороший самурай правит не ради личной выгоды, а чтобы служить небесам. Будучи скорее слугой, чем господином, самурай обязан вести простую, скромную жизнь. Для Сайго скромность и умеренность были моральными императивами. Сайго славился своей любовью к простой одежде, и, даже занимая высокий пост, он избегал надевать пышный придворный костюм.

Согласно легенде, Сайго однажды посетил императорский дворец, облаченный в простое хлопковое кимоно и в соломенных сандалиях. На выходе из дворца его остановил стражник, который решил, что столь бедно одетый человек мог проникнуть сюда только незаконно. Сайго назвал себя, но стражник не верил ему, пока Ивакура Томоми, высокопоставленный придворный вельможа, не подтвердил его слова. В эту беспокойную эпоху репутация простого и честного человека была особенно привлекательной.

Сайго пользовался большим уважением и у своих политических оппонентов. Одним из главных защитни-

ков Сайго был просветитель и публицист Фукудзава Юкити, который первым начал пропагандировать в Японии западные идеи и ценности. Его книга «Стимулы образования», прославляющая западный стиль обучения, была бестселлером в Японии 1870-х. Фукудзава считал, что отстаивание Сайго самурайских привилегий заслуживает осуждения. Но еще большее недовольство вызывала у него правительственная пропаганда, в которой он видел диффамацию честного и благородного человека. Страстно защищая Сайго, Фукудзава утверждал, что этот человек поднял восстание не ради того, чтобы захватить власть, а лишь в ответ на правительственную тиранию. Фукудзава был против насилия, но он видел в Сайго жертву автократии. «Мы должны испытывать сочувствие к Сайго, — писал он, — поскольку именно правительство довело его до гибели».

В то время как интеллигенция защищала Сайго в печати, простое население защищало его с помощью легенд и слухов. Согласно одному популярному мифу, Сайго не погиб на склонах Сирояма. Вместо этого он убежал в Китай и теперь собирает там войска для второй атаки, которая освободит Японию от несправедливости и коррупции. По другой версии, Сайго скрывался в Индии и готовился там к своему триумфальному возвращению. Эти слухи родились вскоре после поражения Сайго и не утихали на протяжении десятилетий.

В 1881 году на улицах Осака зачитывались памфлетами, в которых описывались сражения Сайго на острове, расположенном к югу от Индии. Читатели воспринимали эти памфлеты вполне серьезно. Как гласила местная газета, судя по всему, никто не верил в то, что Сайго в действительности умер. Легенды о том, что

Сайго жив, возобновились с новой силой в 1891 году. Поводом для них послужил визит в Японию наследника российского престола, цесаревича Николая Александровича. Согласно пересмотренной легенде, Сайго на самом деле все это время скрывался в России и теперь он должен вернуться в Японию вместе с Николаем, на русском крейсере. По возвращении Сайго захватит власть, изгонит коррумпированных чиновников, пересмотрит неравноправные договоры Японии с западными странами и возглавит вторжение в Корею. Этот слух был встречен с таким энтузиазмом, что, когда Сайго не появился, японский полицейский Цуда Сандзэ заподозрил нечестную игру и ударил цесаревича.

Привлекательность Сайго была такой большой, что он еще при жизни превратился в полубога. Большинство японских газет послушно сообщило о поражении «изменника» Сайго и выразило свой восторг по поводу победы императорской армии. Но огромная популярность Сайго просачивалась через жесткие ограничения правительственной цензуры. В общественном сознании поражение Сайго на самом деле являлось частью его пути на небеса. В Осака истории о вознесении Сайго к звездам впервые появились в августе 1877 года, когда сам Сайго находился на востоке Кюсю. Ранним утром 2 августа в юго-западной части небосклона появилась комета. 3 августа газета «Осака ниппо» сообщила о том, что если посмотреть в телескоп на эту «яркую звезду», то перед взором наблюдателя предстает портрет Сайго — здорового, сильного и в полной императорской униформе. Эта история мгновенно распространилась по всему городу, и на следующую ночь тысячи жителей поднялись на свои террасы для сушки белья, чтобы во-

очию увидеть небесного героя. Вскоре появились гравюры, изображающие явление Сайго, на которых он, окруженный звездным сиянием, взирает с небес на всех японцев. На этих гравюрах, в соответствии с газетной историей, Сайго был облачен в официальный мундир. Это очень любопытная деталь: правительство объявило Сайго изменником, но ему не удалось лишить его прежнего ранга в народном воображении. Ассоциацию Сайго с кометой укрепляла предрасположенность японцев к игре слов, поскольку поэтическое название кометы, *хоки боси*, можно прочесть как «мятежная звезда», связав его с восстанием Сайго. Слухи об этом «явлении Сайго» становились все более интенсивными. К тому времени, когда история достигла Токио, комета Сайго стала объектом всеобщего поклонения, и люди забиралась на крыши своих домов, чтобы получше ее рассмотреть. Многие желающие увидеть Сайго получили серьезные травмы, после того как под ними проломились крыши.

Миф о вознесении Сайго на небеса был поддержан еще одним астрономическим явлением. В августе и сентябре 1877 года Земля и Марс находились на необычайно близком расстоянии друг к другу, и красная планета сияла на небе с исключительной яркостью. 19 августа газета «Тёйя синбун» написала, что Сайго, пылающий гневом, превратился в планету Марс. В том же самом месяце японская пресса сообщила о том, что американский астроном Асаф Холл открыл спутник, вращающийся вокруг Марса. Для почитателей Сайго этот спутник стал не чем иным, как воплощением Кирино, преданного компаньона Сайго, который сопровождал своего друга и на небесах. К сентябрю превращение

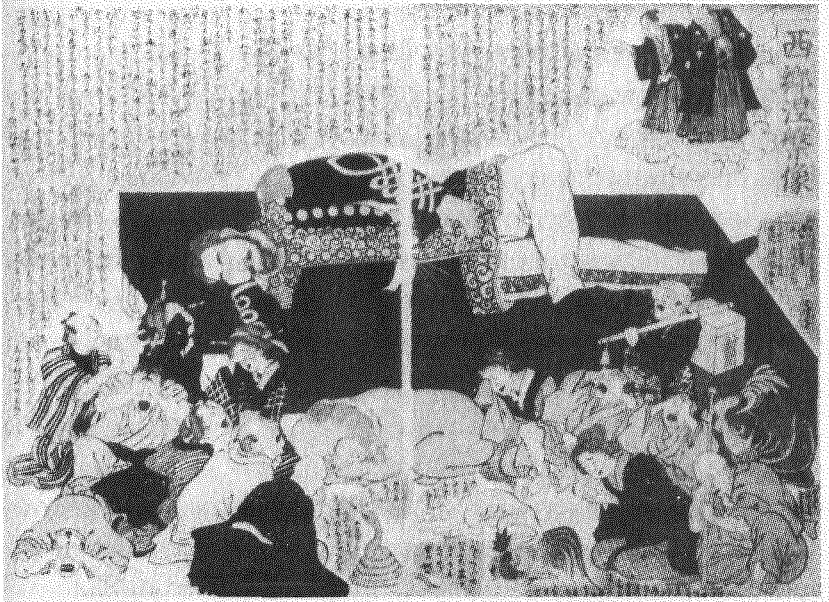
Сайго на небесах

Сайго в планету Марс стало главной темой популярных цветных гравюр. Эдвард Морзе, американский зоолог, известный тонкими наблюдениями, отметил эти гравюры в своем дневнике:

«Проезжая по улицам [Токио], сразу же обращаешь внимание на людей, толпящихся перед красочными

витринами книжных лавок, где продаются цветные гравюры. Восстание в Сацума служит главным источником тем для иллюстраций. На картинах преобладают красные и черные тона, офицеры находятся в самых драматических ситуациях, и «кровавая война» предстает перед нами во всех деталях, хотя, с нашей точки зрения, и в несколько гротескной форме. На одной из картин изображена сияющая в небе звезда (планета Марс), в центре которой находится генерал Сайго, предводитель повстанцев, горячо любимый всеми японцами. После захвата правительственными войсками провинции Кагосима он и его офицеры совершили *харакири*. Многие люди верят в то, что он перевоплотился в Марс, который теперь сияет в небе с необычайной яркостью».

Другой тип изображений, *Сайго нэхандзо*, имел под собой глубоко религиозную основу. На них Сайго предстает перед нами как просветленный, приготовившийся прервать свое физическое существование. Все еще облаченный в военный мундир, он окружен простыми японцами — мужчинами и женщинами, молодыми и старыми, — которые усердно молятся о его возвращении в земной мир. Эти гравюры тесно связаны с традиционными гравюрами, изображающими смерть и переход в нирвану основателя буддизма Шакьямуни. Как и Будда, Сайго встречает смерть спокойным и умиротворенным. Вместо учеников его окружают представители всех слоев общества, в том числе лавочники, продавцы газет, гейши и монахи. Укрепляя параллель с Буддой, над уходом Сайго из жизни горюют также лошадь, собака, петух и змея — тем самым гравюра подразумевает, что Сайго, как и Шакьямуни, боролся за спасение всех живых существ. Для японской публики это было при-

Сайго достигает нирваны

мерно то же самое, что изобразить Сайго распятым на кресте, хотя в *Сайго нэхандзо* отсутствовали какие-либо кощунственные намеки. Сайго мог быть Буддой, при этом не оскорбляя достоинства исторического Будды, Шакьямуни.

Эти странные трансформации, несмотря на свою символичность, имели очень большое значение. В Японии девятнадцатого века граница между миром живых и миром мертвых была тонкой и расплывчатой. Души могущественных людей переживали физические тела. К духам и призракам относились со всей серьезностью. Большинство японцев верили в то, что каждое лето души усопших возвращаются в мир живых с кратким визитом. Чтобы приветствовать духов, в японских дерев-

нях было принято в июле или августе исполнять народные танцы, называвшиеся *бон одори*. Облаченные в легкие летние кимоно, крестьяне танцевали под звуки барабанов, гонгов и флейт. Эти празднества можно связать с древним ритуалом умиротворения злых духов, хотя призраки крестьян считались значительно менее опасными, чем призраки воинов. В некоторых деревнях существовало поверье, что, получив должный прием от своих родственников, души умерших присоединяются к танцующим.

Души великих людей, таких, как Сайго, требовали к себе особого внимания, поскольку они обладали способностью навлекать беды и несчастья на головы своих врагов. Согласно японской традиции, этих могущественных духов можно было умиротворить только в том случае, если бывшие враги начнут поклоняться им как божествам (*ками*) и совершат соответствующие ритуальные подношения. Самый известный случай гнева могущественного *ками* был связан с личностью Сугавара Митидзанэ (845—903). Талантливый администратор, выдающийся поэт и ученый, он значительно превзошел полученный при рождении статус, заняв второй по значимости пост в государственном совете. В 901 году он был ложно обвинен врагами в измене и выслан из столицы Киото, получив малозначимую должность в глухой провинции. Там он умер через два года, разлученный с друзьями и близкими. В годы, последовавшие после его смерти, враги Сугавара начали умирать один за другим при загадочных обстоятельствах: несчастный случай на охоте, удар молнии, неизвестная болезнь. Причиной этих трагедий, по всеобщему убеждению, была месть духа Сугавара. В конечном итоге дух Сугава-

ра был умиротворен, когда в 947 году, по указу императора, в честь этого поэта и ученого была воздвигнута часовня. Сугавара стал божеством, известным как Тэмман Тэндзин. Это божество имело двойственную природу. С одной стороны, Тэмман Тэндзин почитался как покровитель литературы и науки. Даже сегодня многие студенты, готовящиеся к вступительным экзаменам в колледж, покупают амулеты с его изображением в посвященных ему часовнях. Но, с другой стороны, он был могущественным и грозным божеством, воплощением Повелителя Грома (Райко), безжалостно сокрушающим своих врагов. Очевидно, что этими соображениями руководствовался и художник, создавший серию гравюр *Сайго нэхандзо*. Если простолюдины молятся о том, чтобы Сайго вернулся к ним, «пусть даже как призрак», то священнослужители, осознающие, насколько опасным может быть могущественный дух, молятся за упокоение его души, чтобы он не вернулся в этот мир для мщения.

Таким образом, трансформация Сайго в небожителя нанесла свежий глянец на древнюю традицию почитания богов и призраков. И если даже поэт и администратор, такой, как Сугавара, смог посеять панику среди своих врагов, то какой участи могли ожидать для себя соперники генерала Сайго? Японское правительство, конечно же, ни за что не призналось бы в том, что оно боится духа Сайго, но оно не могло и дальше игнорировать его неослабевающую популярность среди народа. Сайго стал символом оппозиции имперскому правительству. Японская интеллигенция считала его честным и неподкупным, олицетворением всего того, чем не является «новая» Япония. Народ продолжал пересказывать

легенды о том, как выживший Сайго готовит свое возвращение. Даже после смерти Сайго оставался опасным. В конечном итоге, вместо того чтобы сражаться с легендой о Сайго, правительство решило ее принять. 22 февраля 1889 года Сайго простили все преступления против государства и вернули ему прежний ранг при императорском дворе. Его прощение стало частью всеобщей амнистии, объявленной в честь одного из главных достижений нового государства — принятия конституции Мэйдзи 11 февраля. Перестав быть мятежником, Сайго быстро превратился в образец всех традиционных японских добродетелей, прославленный в школьных учебниках.

Прощение Сайго канонизировало его статус любимого японского бунтовщика. Сайго был изменником, но теперь он стал изменником, одобренным центральной властью. Эти противоречивые импульсы — к неповиновению и уважению центральной власти — долгое время формировали жизнь Сайго. Необычный статус почитаемого мятежника и преданного изменника теперь формировал и его посмертную славу.

Утром 24 сентября 1877 года до реабилитации Сайго было еще далеко, но поиски его головы предзнаменовали смену отношения к нему правительства Мэйдзи. Неудивительно, что товарищи Сайго постарались спрятать его голову. Они твердо решили лишить центральную власть возможности одержать триумф, завладев этим трофеем. Но удивляет реакция правительства. Даже без головы Сайго у правительства не было никаких причин сомневаться в его смерти. На руках у властей был огромный труп (Сайго имел около шести футов роста) с характерным шрамом на правой руке: не было

никаких сомнений в том, что это тело принадлежит Сайго. Но правительство Мэйдзи сражалось с героем легенды, который, согласно популярным изданиям, начал возноситься на небеса еще до своей смерти. Физическая победа над телом Сайго была неполной без символической победы над Сайго-легендой. Поиски головы Сайго символизировали двойственное отношение правительства к наследию самурайских традиций и его неуверенность по поводу того, что почитать, а что подвергать осуждению. Чтобы понять причины поиска головы Сайго, прежде всего следует разобраться с тем, как Сайго начал олицетворять собой все самурайские доблести и как правительство Мэйдзи вступило в борьбу с самурайской культурой. Так где же была голова Сайго Такамори 24 сентября 1877 года, и почему это имело такое большое значение? На эти вопросы мы попробуем теперь найти ответы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

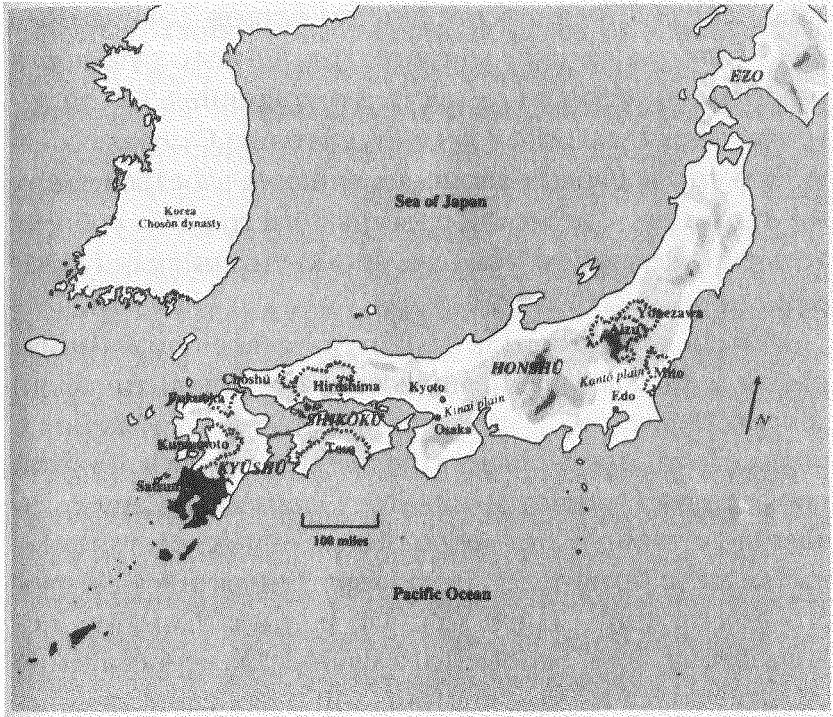
«РОМАНТИЗМ МОГУЩЕСТВА»

Детские и юношеские годы жизни Сайго в Сацума¹

Родина Сайго

Сайго родился в Кагосима, приамковом городе и столице княжества Сацума. Кагосима, в зависимости от точки зрения, можно было назвать тихой заводью или воротами Японии во внешний мир. Если смотреть из сёгунской столицы в Эдо (теперь Токио) или императорской столицы в Киото, то местоположение города Кагосима кажется крайне отдаленным: он располагается на юго-восточном побережье острова Кюсю, самом южном из четырех основных японских островов. Омиси, название одной из трех провинций, входивших в княжество Сацума, означает «большой угол»: если Киото и Эдо считать центром Японии, то княжество Сацума находилось на ее периферии. Сухопутный маршрут из Эдо в Кагосима имеет протяженность около тысячи миль; самым быстрым курьерам требовалось две недели, чтобы доставить туда новости из Эдо. Жители Сацума говорили на диалекте японского, почти непонятном для остальных японцев. Популярная литература еще больше усиливала представление о Кагосима как о примитивной, глухой провинции. В своем знаменитом соб-

¹ Описание начального периода жизни Сайго основано на воспоминаниях Окубо Тосимити.

Сацума и главные княжества, около 1850

рании эротических новелл Ихара Сайкаку называет княжество Сацума «отдаленным и отсталым».

С другой стороны, Сацума служило для Японии связующим звеном с внешним миром. До 1630-х годов торговые суда, прибывавшие из Китая, часто делали свою первую остановку в Сацума, и это княжество было стартовой точкой для распространения новых товаров и технологий. Так, например, по-японски сладкий картофель называется *сацумаймо*, или «картофель из Сацума»: ямс был завезен в Японию из Китая через Сацума (хотя в Сацума его называют *караймо*, или «китайский картофель»). Огнестрельное оружие тоже попало в Япо-

нию через Сацума, а точнее, через остров Танэгасима в 1543 году, и японское название фитильного ружья *танэгасима* произошло от места его появления. После того как в девятнадцатом веке студенты из Сацума составили один из первых японо-английских словарей, *сацума дзисё*, или «сацумский словарь», быстро стал собирательным названием для всех японо-английских словарей.

Интенсивные контакты Сацума с внешним миром имели не только экономический, но и политический аспект. Княжество поддерживало особые отношения с княжеством Рюкю, ныне входящим в состав японской префектуры Окинава. В 1609 году княжество Сацума завоевало столицу Рюкю, город Наха, и впоследствии потребовало с правителей Рюкю выплаты дани в знак своего подчинения. Даймё Сацума, из дома Симадзу, использовали эти особые отношения для повышения своего статуса внутри Японии: они были единственными даймё, принявшими присягу верности от чужеземного правителя. Однако во внешних отношениях Симадзу приходилось прикладывать немало усилий для того, чтобы скрыть свою власть над Рюкю. Большая ценность этого царства заключалась в том, что оно служило экономическим мостом между Японией и Китаем. Согласно китайскому дипломатическому протоколу, правитель Рюкю считался вассалом китайского императора, и княжество Сацума не хотело подвергать угрозе торговлю, оспаривая это право. Японские чиновники на Рюкю скрывали все следы своего присутствия перед прибытием китайского дипломатического персонала: они переезжали из столицы Наха в расположенную поблизости деревню, предварительно приказав местным властям уничтожить все записи, свидетельствующие об

их пребывании. У китайских дипломатов возникало подозрение, что за их спиной что-то происходит, но они никогда не поднимали этот вопрос. Симадзу были не единственными даймё, которые вели внешнюю торговлю. Сёгунат Токугава доверил вести торговлю с японским торговым постом в Пусане, Корея, дому Сё из княжества Цусима, а дом Мацумаэ, из княжества Мацумаэ, вел торговлю на северной границе Хоккайдо. Но положение Симадзу было уникальным по своей престижности: сёгунат приказал им «править» над царством Рюкю.

В самом Кагосима размещалось значительное по размерам посольство Рюкю, известное как *рюкюкан*, занимавшееся урегулированием дипломатических вопросов между двумя правительствами. Даже несмотря на то, что община выходцев с Рюкю насчитывала не более нескольких сотен человек, она оказывала большое влияние на жизнь города. В девятнадцатом веке гость из Эдо отметил, что горожане не обращают никакого внимания на жителей Рюкю, но в то же время встречают тихим смехом путешественников из центральных областей страны. Несмотря на свою малочисленность, община выходцев с Рюкю все равно была одной из самых многочисленных иностранных общин в Японии. В семнадцатом веке сёгуны Токугава резко ограничили сношения с внешним миром. Тех японцев, которые покинули Японию, после возвращения на родину ожидала смертная казнь, и строительство океанских судов было запрещено. Присутствие голландских и китайских торговых представительств было ограничено городом Нагасаки.

Даймё Симадзу отличались и в другом. Они не только принимали иностранных послов, но и были пред-

ставителями древнейшего самурайского рода в Японии. Лишь немногие даймё могли проследить свою родословную ранее 1500-х. Большинство даймё эпохи позднего Средневековья приобрели свой высокий статус в ходе ожесточенных гражданских войн пятнадцатого и шестнадцатого столетий. Даже предки сёгунов Токугава еще в 1540-х были представителями простой самурайской семьи. В отличие от них Симадзу прослеживали свое происхождение до могущественных феодальных правителей эпохи первого японского сёгуната — Камакурского режима (1185—1333). В 1185 году первый японский сёгун Минамото Ёритомо назначил Корэмунэ Тадахиса поместным начальником (*дзито*) в провинцию Симадзу, которая составляет большую часть современной префектуры Кагосима. В 1197 году он получил повышение, став военным губернатором (*сюго*) всей провинции, и на следующий год Тадахиса изменил свое фамильное имя, в ознаменование получения новой высокой должности. Именно его даймё Симадзу считали основателем своего рода. Любопытно, что историки прослеживают происхождение рода Симадзу еще дальше в глубь веков, до семьи императорского придворного шестого века, и, с меньшей уверенностью, до аристократического семейства, эмигрировавшего с Корейского полуострова. Но, поскольку даймё предпочитали предков-воинов аристократам, официальным основателем рода Симадзу стал Тадахиса.

Эта экстраординарная генеалогия оказала влияние на мышление Сайго и его когорты. Самураи Сацума испытывали особую гордость от того, что они служат дому Симадзу, который непрерывно управлял одной территорией более шести веков. На самом деле Симадзу

оказались более долговечными, чем те сёгуны, которые назначили их на должность: они создали независимую основу для власти и пережили крушение Камакурского сёгуната в 1330-х.

Второй сёгунат, известный как сёгунат Асикага или Муромати, подтвердил власть Симадзу над Сацума. После краха режима Асикага в 1500-х Япония погрузилась в продолжительную гражданскую войну, и Симадзу, как и многим другим даймё, пришлось приложить большие усилия, чтобы подавить выступления непокорных вассалов. Однако, в отличие от многих даймё, Симадзу вышли победителями, консолидировав и расширив свои территории. В борьбе за объединение страны, развернувшейся в конце шестнадцатого столетия, Симадзу вступали в столкновение с крупнейшими феодальными правителями Японии. В 1580-х Симадзу сражались против Тоётоми Хидэёси и потеряли свои территориальные завоевания на севере Кюсю. Они также противостояли основателю третьего японского сёгуната Токугава Иэясу. В 1600 году, в великой битве при Сэкигахара, Симадзу и Токугава сражались на противоположных сторонах: Токугава Иэясу возглавлял восточный союз, в то время как Симадзу отстаивали интересы западного союза. Токугава победил. В 1603 году Иэясу, с санкции императора, провозгласил себя сёгуном, утвердив свое превосходство и положив начало 265-летнему правлению династии Токугава, самого долговечного японского сёгуната. Чтобы вознаградить своих союзников и укрепить собственное положение, Иэясу отнял у своих недавних врагов миллионы акров земли, частично или полностью лишив их прежних владений. Примечательно, что владения Симадзу он оставил нетронутыми. Хо-

тя Симадзу потерпели поражение, они по-прежнему представляли собой грозную силу, и у Иэясу были веские причины избегать прямой конфронтации с ними. Более того, поскольку Кагосима и новую столицу Токугава, Эдо, разделяло около тысячи миль, вероятность того, что Симадзу попытаются атаковать сёгунат, была крайне невелика¹. Результатом стал компромисс. Симадзу признали верховную власть сёгуна и совершили соответствующие акты поклонения, такие, как подписание клятвы верности кровью. Со своей стороны, Иэясу подтвердил власть Симадзу над их традиционными владениями на северо-западе Кюсю.

Соглашение с Токугава начала 1600-х продолжало оказывать свое влияние на политику и по прошествии двух веков. Симадзу, противостоявшие Токугава в 1600-м, получили статус *тодзама*, или «посторонних» даймё. «Посторонним» даймё было запрещено занимать посты в администрации сёгуна, и они были исключены из процесса принятия решений в области национальной политики. Большинство крупнейших феодальных правителей юго-запада имели статус *тодзама*, как и многие даймё, владевшие обширными территориями в других частях страны. Те же даймё, которые заслужили доверие Иэясу еще до 1600 года, назывались *фудай*, или наследственные даймё. Это различие между *фудай* и *тодзама* стало определяющим фактором в политике сёгуна по отношению к даймё: даже во времена Сайго ключевые должности в административном аппарате сёгуна были зарезервированы для *фудай*. Тот факт,

¹ Я имею здесь в виду сухопутный маршрут, а напрямую, по карте, между Кагосима и Токио всего 600 миль.

что даймё, занимавшие важные посты в административном аппарате, вносили значительно больший вклад в укрепление сёгуната, чем *тодзама*, оказал свое влияние на формирование реакции японцев на империализм в 1850-х и 1860-х. Многие *тодзама* стремились получить должности, которые дали бы им право голоса в международных делах. *Фудай* были значительно ближе связаны с традиционными властными структурами и поддерживали исключительное право сёгуна на решение дипломатических вопросов. Симадзу, по мнению многих, представляли собой квинтэссенцию правителей *тодзама*. До 1860-х они не противостояли открыто сёгунату, но сохраняли удивительную независимость в гражданских и дипломатических делах. Симадзу считали себя не столько вассалами Токугава, сколько равными им верховными правителями, проигравшими ключевую битву. В последние годы сёгуната Токугава они окончательно отбросили в сторону все внешние приличия, направив в Париж, на Всемирную выставку 1867 года, независимую делегацию, которая представляла не Японию, а княжество Сацума и острова Рюкю.

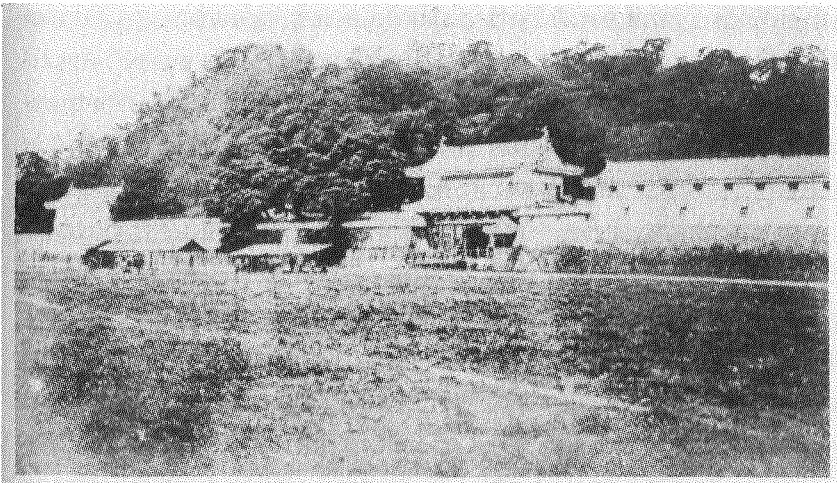
Сегодня Симадзу больше не правят, но тем не менее их присутствие в Кагосима остается достаточно заметным. Потомки Симадзу активно участвуют в обслуживании туристов, так что у каждого гостя Кагосима, поселившегося в гостинице, пользующегося такси и посещающего местные музеи, есть шанс столкнуться с одним из работников Симадзу. Герб города Кагосима имеет очевидное сходство с фамильным гербом Симадзу. Больше нигде в Японии потомки феодальных правителей не принимают такого заметного участия в современной повседневной жизни.

Родина Сайго, семейные владения Симадзу, занимала огромную территорию, охватывавшую не только провинцию Сацума, но и провинцию Осуми, а также юго-западную часть провинции Хюга. Владея этими тремя провинциями, известными под общим названием княжество Сацума, Симадзу правили всей южной оконечностью Кюсю, чья площадь составляет более тридцати пяти тысяч квадратных миль. Владения Симадзу также были одними из самых густонаселенных в Японии: в 1870-х в Сацума проживало около 760 000 человек. Только три княжества — Кага, Нагоя и Нагасаки — превосходили Сацума по численности населения. Сёгуну Токугава оценивали доходы даймё по урожаю риса, собираемого в их владениях; по этому показателю Симадзу занимали второе место в Японии, уступая только дому Маэда из Кага.

В центре города Кагосима находится замок Цурумару, на редкость малоубедительное укрепление, построенное в 1602 году в качестве резиденции даймё Иэхиса Симадзу. Цурумару больше напоминает виллу, чем крепость. Замок имел внутренний ряд укреплений (*хаммару*), окруженный внешним рубежом (*ниномару*), но ни одно из укреплений не предназначалось для того, чтобы сдерживать длительную атаку. Хотя замок изначально имел крутые каменные стены и небольшой ров, ему недоставало высоких, многоэтажных башен, характерных для замков конца шестнадцатого — начала семнадцатого веков. Например, замок Сирасаги в Химэйдзи, благодаря своей необычайно красивой главной цитадели, высотой в шесть этажей, теперь является излюбленным местом паломничества у туристов. Центральное

укрепление окружают рвы, башни и зубчатые стены. Путь, ведущий в замок Сирасаги, извилист и обманчив: внутренние проходы формируют лабиринт тупиковых аллей. В сравнении с ним укрепления Цурумару кажутся просто несерьезными, и к тому же, судя по всему, их обороноспособность не поддерживалась даже на минимальном уровне. Отчет о состоянии замка середины восемнадцатого века сообщает, с некоторым преувеличением: «Хотя на чертежах изображены цитадель, окруженная стенами с башнями и рвами, в действительности ничего этого не существует». Путь в замок был на удивление простым: маленький мост, переброшенный через ров, позволял напрямую проникнуть за крепостные стены из городских кварталов Кагосима.

Почему Иэхиса построил такой простой и плохо укрепленный замок? Сегодня табличка перед руинами

Замок Цурумару

замок рассказывает посетителям о том, что Симадзу не нуждались в хорошо укрепленном замке, поскольку «люди были их крепостью». Это объяснение, при всем своем очевидном популизме, способно привести к серьезному заблуждению. От вторжения воинственных соседей, а также и собственных крестьян Кагосима защищала широкая сеть укреплений: во времена Сайго более сотни небольших крепостей (*тодзё*) были разбросаны по всей округе. Замок Цурумару не имел мощных оборонительных сооружений, потому что он в них не нуждался: при таком количестве крепостей на территории княжества большой центральный замок был бы излишеством. Технически используемая Симадзу оборонительная система была прямым нарушением политики Токугава, проводимой с 1615 года, согласно которой каждому даймё разрешалось иметь в своих владениях только один замок. Симадзу проигнорировали этот приказ, а Токугава решили не оспаривать их решение. Благодаря этой сети замков вся территория Сацума находилась под постоянным наблюдением самураев. В большинстве других княжеств самураи были почти полностью сосредоточены в городе, окружающем замок даймё, и крестьяне в своих деревнях имели возможность наслаждаться относительной свободой и осуществлять самоуправление. Однако в Сацума тысячи самураев низших рангов проживали в сельской местности, и даже мельчайшие детали деревенской жизни были объектом их неусыпного внимания.

Кагосима был достаточно большим городом — в девятнадцатом веке здесь проживало около семидесяти тысяч человек. Большая часть населения, около семиде-

сяти процентов, была представлена самураями и членами их семей. Как и большинство военных столиц, город Кагосима имел строго иерархическую планировку. В центре находился замок даймё — политическое и административное сердце княжества. Замок окружали административные учреждения и резиденции представителей самурайской элиты. Далее располагались резиденции вассалов рангом ниже: чиновников, административных работников среднего звена. Еще дальше находились дома простолюдинов, которые примыкали к городу с севера и юга. Здесь жили ремесленники и торговцы, обеспечивавшие нормальное течение городской жизни. В классических призамковых городах, таких, как столица сёгуната Эдо, городская планировка напоминала серию концентрических окружностей, расходящихся от замка правителя. Кагосима достаточно близко соответствовал этой модели, но здесь сказывались местные топографические условия: с запада развитие города ограничивала гора Сирояма, а с востока — залив Кинко. Гора и море сжали с боков традиционный рисунок из колец, превратив его в серию полос.

От самых ворот замка тянулась широкая улица, известная как Сэнгоку баба, что в произвольном, но достаточно близком по смыслу переводе означает «Проспект миллионеров». Сэнгоку, или одной тысяче коку, был равен годовой доход здешних обитателей. Коку лишь немногим меньше пяти бушелей, и одна тысяча коку — это, по любой оценке, очень большое количество риса. Доход некоторых жителей Сэнгоку баба превышал десять тысяч коку. Если бы эти люди были прямыми подданными сёгуна, а не вассалами Симадзу, то они

сами получили бы статус даймё, обладающих правом на аудиенцию с сёгуном. Обитатели Сэнгоку баба были главными советниками даймё. Они имели знаменитых предков и пользовались привилегией свободного доступа к даймё. Некоторые из них были его дальними родственниками, потомками младших братьев прежних даймё, чьи резиденции отражали их богатство и могущество.

Типичная резиденция Сэнгоку баба представляла собой целый комплекс зданий, окруженный каменной стеной. В этих домах жили не только сами вассалы вместе с членами своих семей, но также их помощники и слуги. Как и во многих других княжествах, в Сацума самурайская элита, по сути, представляла собой отдельный класс внутри воинского сословия. В то время как родители Сайго выбивались из сил, чтобы одевать своих подрастающих детей, обитатели Сэнгоку баба мучились над деталями придворного протокола и архитектурой своих прудов с карпами.

К югу от этого внутреннего престижного района, на другом берегу реки Коцуки, находились резиденции вассалов среднего и нижнего ранга. Это были люди, которые служили в административном аппарате даймё, занимаясь корреспонденцией, составляя правительственные эдикты, собирая налоги и проводя политику, сформулированную их начальством. Вассалы среднего и нижнего звена жили в одном из четырех районов: Арата-мати, Корэи-мати, Уэносоно-мати и Кадзия-мати. Районы Арата, Корэи и Уэносоно лежали к юго-западу от реки Коцуки, в то время как район Кадзия приютился на противоположном речном берегу. Поскольку

квартал Кадзия находился на том же берегу реки, что и замок, номинально он считался наиболее престижным из всех четырех. Сам район Кадзия подразделялся еще на два квартала: Верхняя Кадзия (Уэнокадзия) и Нижняя Кадзия (Ситанокадзия). «Верхняя» в данном контексте означает северо-западную часть района, ту, что располагалась ближе к замку. Нижняя Кадзия, менее престижная часть не самого фешенебельного района, представляла собою образование из восьмидесяти домов. Квартал пересекали узкие улочки и широкие проспекты. Красочные названия улиц, такие, как «Аллея кошачьего дерьма» (*Нэко но кусо коро*), свидетельствуют о том, что условия проживания в Ситанокадзия были далеко не идеальными. Дома представляли собой компактные строения, рассчитанные на одну семью, с маленькими садиками и бамбуковыми оградами. Район был густонаселен, и большинство домов имели площадь менее пяти тысяч квадратных футов.

На одной из боковых улиц стоял дом, размером чуть больше остальных, принадлежавший Сайго Китибэи, отцу Сайго Такамори. Примечательно, что поблизости находились дома целого ряда будущих выдающихся деятелей: Окубо Тосимити, друга детства Сайго, его политического союзника и в конечном итоге главного архитектора современного японского государства; Ояма Ивао, двоюродного брата Сайго, будущего начальника генерального штаба и лорда-хранителя императорской печати; и Того Хэйхатири, последнего начальника морского генерального штаба и самого уважаемого японского адмирала.

Из дома Сайго открывался прекрасный вид на вулкан Сакурадзима, или «Остров сакуры», расположенный

в трех милях от Кадзия-мати через залив Кинко. Строго говоря, Сакурадзима больше не является островом. После сильного извержения 1914 года в залив было выброшено большое количество лавы и пепла, в результате чего образовался перешеек. «Остров сакуры» превратился в оконечность мыса, выдающегося в залив Кинко со стороны полуострова Осуми. Извержения вулкана Сакурадзима происходили достаточно регулярно, покрывая окружающую территорию слоем пепла. Вулканический пепел сделал почву на Сакурадзима особенно плодородной, и в девятнадцатом веке на острове жили тысячи крестьян. Остров стал главным источником мандаринов — одной из основных культур региона.

Сайго никогда не видел, какие страшные разрушения способен вызвать Сакурадзима, но в годы его юности многие люди все еще помнили катастрофическое извержение вулкана, случившееся в 1779 году. Извержение началось вечером 29 сентября, когда первые мощные толчки сотрясли остров. 1 ноября, в 11:00, вулкан забурлил, окрасив окружающий океан в яркий пурпур. В тот же день Сакурадзима взорвался, выбросив в небо, на высоту более семи миль, столб из газа и обломков вулканических пород. На протяжении пяти дней он поливал остров дождем из пепла, опустошив близлежащие деревни. В результате погибло сто тридцать человек, было разрушено более пяти сотен домов, и почти все сельскохозяйственные угодья острова оказались под толстым слоем пепла. Извержение уничтожило около двадцати тысяч мандариновых деревьев. Ущерб оказался настолько серьезным, что в этом году Симадзу не смогли поставить ко двору сёгуна мандарины, которые являлись их традиционным даром.

Происхождение Сайго

Сайго прослеживал свое происхождение до известной воинской семьи — клана Кикүти из провинции Хиго, расположенной в центре Кюсю. Кикүти прославились тем, что они всегда верно служили императору и стойко защищали свою территорию от иноземных захватчиков. Клан впервые заявил о себе во время вторжения чжурчжэней на север Кюсю в 1019 году. Семья также отличилась в период монгольского нашествия на Японию в 1281 году, когда героизм Кикүти Такэфуса (1245—1285) помог отразить атаки врага. Семья принимала активное участие и в «реставрации Кэмму» (1333—1335) — попытке императора Годайго восстановить императорскую власть, положив конец правлению Камакурского сёгуната¹. Конфликт между Годайго и сёгунатом возник из-за прав наследования императорского престола. В то время как Годайго требовал решить вопрос в пользу своего собственного наследника, сёгунат настаивал на сохранении достигнутого в тринадцатом веке компромисса, согласно которому две конкурирующие ветви императорского рода должны занимать престол по очереди. Годайго не захотел соблюдать эту договоренность и в 1331 году попытался нанести удар сёгунату, создав враждебный ему тайный блок, с участием могущественных феодальных домов и монастырей. Внук Такэфуса, Кикүти Такэтоки, присое-

¹ Принятые на Западе термины «реставрация Кэмму» и «реставрация Мэйдзи» предполагают наличие параллелей, которых не существует в оригинальных японских названиях — *Кэмму синсэй* и *Мэйдзи исин*. Если *синсэй* означает новое правительство, то термин *исин* подразумевает возобновление или реставрацию чего-то старого. Эти термины близки по смыслу, но не идентичны.

динился к заговору Годайго. Заговор был раскрыт, Такэтоки убит, а Годайго схвачен и отправлен в ссылку на отдаленный остров Ики. Но, как ни парадоксально, эта неудача только помогла императору: сторонники Годайго, возмущенные плохим обращением с ним, перегруппировали свои силы и в 1333 году нанесли поражение войскам сёгуна.

Однако, придя к власти, Годайго проявил удивительную неблагодарность к своим недавним союзникам. После восстановления императорского правления он попытался укрепить центральную власть за счет привилегий воинского сословия. Хотя многие из его эдиктов казались на удивление новаторскими, он называл свою политику возвращением к восьмому веку — эпохе, предшествовавшей росту могущества провинциальных военных кланов. Проявив удивительную недалекость, он объявил сёгуном собственного сына, наследного принца Морианага, оскорбив этим тех генералов, которые помогли ему вернуться на трон. Такое пренебрежительное отношение к воинским привилегиям лишило Годайго поддержки и подорвало его авторитет. В 1335 году Асикага Такаудзи, один из прежних союзников Годайго, изгнал его из Киото и посадил на трон члена конкурирующей ветви императорского рода. Тремя годами позже Такаудзи сам провозгласил себя сёгуном, основав сёгунат Асикага, вторую из трех династий сёгунов. Однако Кикиути сохранили верность Годайго. Сын Такэтоки, Такэмицу (? — 1373), продолжил поддерживать линию Годайго, известную как «Южная династия», и сражался вместе с сыном Годайго, Канэёси, против сёгуната Асикага, защищавшего интересы «Северной династии». Спор о наследовании императорско-

го престола был решен в 1392 году, но решение стало победой Северной династии. Хотя две ветви императорского рода снова согласились по очереди наследовать престол, на практике Северная династия больше никогда не упустила контроль над престолом. Нынешний император Японии является потомком Северной династии. Южная династия практически полностью исчезла.

Несмотря на то что дело Годайго потерпело неудачу, оно стало настоящим пробным камнем для испытания верности императору. Нападение Асикага на Годайго стало символом предательства, и весь сёгунат Асикага был запятнан двуличностью своего основателя. Примечательно, что с точки зрения генеалогии Северная ветвь имела больше прав на престол, и данное обстоятельство стало причиной ожесточенных споров, вспыхнувших совсем недавно, в двадцатом столетии. Однако в дни Сайго существовало почти полное единомыслие во мнениях относительно Такаудзи Асикага. Независимо от того, претензии какой из сторон в споре за престол были наиболее обоснованными, Такаудзи предал своего господина, и не только последователи традиционного синтоистского учения, но и интеллектуалы-конфуцианцы называли его подлым узурпатором, олицетворением коварства и предательства.

Диспут по поводу борьбы Северной и Южной династий приобрел новое значение в последние годы правления режима Токугава. Для Сайго и его сторонников этот конфликт пятивековой давности, судя по всему, имел самое непосредственное отношение к их собственной борьбе. В 1860-х, когда императорский двор и сёгунат Токугава вступили в открытое столкновение по

поводу иностранной политики, Асикага стал символом сёгунского высокомерия. Так, например 22/2/1863 сторонники императора ворвались в храм Тодзи в Киото и обезглавили статуи трех сёгунов из династии Асикага: Такаудзи, Ёсиакира и Ёсимицу. Головы объявились через несколько дней, выставленные для всеобщего обозрения у реки Камо, словно головы казнённых преступников. Записка, прикрепленная к подставке, гласила: «Статуи этих трех негодяев постигла небесная кара за то, что при жизни они совершили наихудшее из всех зол». Для тех горожан, которые имели смутное представление об истории, вандалы поместили пояснительную записку на доске для публичных объявлений, где кроме краткой исторической справки содержалось и предупреждение, адресованное неназванным персонам, не повторять предательства Асикага. Если же эти личности не покаются и не «вернутся к древней практике содействия императорскому двору», то преданные трону самураи «накажут их за совершенные преступления». Обезглавленные статуи встревожили сёгунат Токугава, поскольку аналогия была для всех абсолютно прозрачной. Вандалы метафорически убили сёгуна и угрожали выйти за пределы метафоры.

Не существует твердых доказательств связи Сайго с кланом Кикүти, но сам Сайго искренне верил в эту генеалогию. Во время своей ссылки на Амамиосима он начал использовать псевдоним Кикүти Гэнго, недвусмысленно связывая себя с *лоялистами* четырнадцатого века. Друзья поддержали его выбор, начав надписывать свои письма к нему «великому правителю Кикүти» (*Кикүти тайкун*). Сайго не раз открыто связывал свою

активность, направленную на поддержку императора, с защитой Годайго его сторонниками пятью веками ранее. Для человека, отправленного в ссылку собственным господином, мысль о родстве с Кикуги была особенно утешительной. И Такэтоки, и Такэмицу совершали ошибки в своей жизни, но в конечном итоге они были признаны защитниками чести и справедливости. За счет родства с кланом Кикуги Сайго мог несколько приуменьшить горечь от политического поражения и связать себя с полубогатырями героями. Родство с Кикуги также усиливало приверженность Сайго императору и недоверие к сёгунату. Происхождение от Кикуги превращало борьбу с высокомерием сёгуната в дело семейной чести.

Семья Сайго

О родителях Сайго нам известно очень немного. Его отец, Сайго Китибэи (1807—1852), служил начальником налогового отдела в управлении финансов княжества. Он имел ранг *косогуми*, который был восьмым в иерархии из десяти самурайских рангов. Обладатели двух низших рангов — *ёрики* и *асигару* — обычно исполняли только второстепенные обязанности, такие, как несение караульной службы, так что Китибэи по своему рангу был «белым воротничком» среди городских самураев. Как глава отдела, он занимал самую высокую должность, на которую ему можно было рассчитывать по своему статусу. Он имел репутацию честного, трудолюбивого и бескорыстного чиновника. О матери Сайго, Маса (?—1852), нам известно еще меньше. Ее отцом был местный самурай Сибара Кэнэмон. Впоследствии Сайго

с теплотой отзывался о ней, как о терпеливой и заботливой женщине.

Сайго родился 7/12/1827, став первым ребенком у своих родителей. Согласно обычаю той эпохи, Сайго в течение жизни несколько раз изменял полученное при рождении имя. В феодальной Японии имена были не столько абсолютными идентификаторами личности, сколько показателями возраста и общественного статуса. Самурай изменял свое имя по мере взросления. Мальш, мальчик, женатый мужчина и удалившийся на покой глава семьи — каждый имел свой круг обязанностей, и поэтому смена имени была вполне естественным шагом. В первые годы своей жизни Сайго был известен как Сайго Кокити и Сайго Дзюроку, но в семилетнем возрасте он получил имя Китиносукэ. Став взрослым, он взял имя Такамори. 10/2/1853, после смерти отца, он заполнил официальные бумаги, чтобы изменить свое имя на Дзэнбэй, а 8/10/1858 он взял имя Сансукэ, но в личной переписке продолжал использовать имена Китиносукэ, Такамори и Дзэнбэй. Сайго также был широко известен по своему поэтическому псевдониму Сайго Нансю, или Сайго с Юга, который он взял, находясь в ссылке. Как и все его современники, Сайго мог использовать несколько имен одновременно: официальное имя для работы, неофициальное в кругу друзей — и несколько псевдонимов, чтобы подписывать ими свои стихи.

В своей семье Сайго был старшим из семерых детей — четверых сыновей и троих дочерей. Самый поздний из детей, Кохэй (1847—1877), был младше Сайго почти на двадцать лет. В одном доме с Сайго жили родители Китибэйи, Сайго Рюдзаэмон (?—1852) вместе с

женой (1775—1862), а также семья его младшего брата, так что максимальное количество домочадцев составляло шестнадцать человек. Доход Китибэи, как чиновника налогового управления, никогда не удовлетворял полностью его потребности на содержание семьи. Семейный дом в Ситанокадзия находился в плачевном состоянии и постоянно нуждался в ремонте. Поскольку не хватало спальных мест на всех членов семьи, Сайго спал со своими братьями под одним одеялом. Это было особенно неудобно из-за того, что все дети были крупными: когда мужчины Сайго вырастали, их рост обычно достигал шести футов (180 см). В 1855 году семья переехала на другой берег реки, в Уэносоно, но их новый дом оказался таким же ветхим. Невестка Сайго, Иваяма Току, вспоминала, что «дом в Уэносоно находился в очень плохом состоянии. Пол в нем прогнулся, как утиное гнездо».

Чтобы хоть как-то сводить концы с концами, семья Сайго брала часто займы и занималась сельским хозяйством. Так, например, в 1847 и 1848 годах Сайго Такамори и его отец одолжили в общей сложности 200 золотых рё у семейства Итагаки, которые были богатыми землевладельцами в округе Мидзухики, ныне представляющем собой часть города Кагосима. Это была огромная сумма, равная многолетнему доходу самураев или ремесленников. Семья Сайго не имела никакого дополнительного обеспечения, кроме своего имени, и ей не удавалось делать регулярные взносы в счет погашения долга. Только в 1872 году, когда Сайго получил пост государственного советника (*санги*) в правительстве Мэйдзи, семья начала постепенно возвращать долг.

На одолженные деньги семья купила землю для возделывания. Дошедшие до нас записи достаточно скудные, но мы знаем, что семья владела по меньшей мере одним участком в Ниси бэппу, теперь расположенным в пределах городской черты Кагосима. Согласно налоговой ведомости, земля возделывалась владельцем, которым значился Сайго Китибэи. Иваяма Току вспоминала, что младший брат Сайго, Китидзиро, собирал в Ниси бэппу хворост, привозил его на спине выючной лошади обратно в самурайский квартал и подавал от двери до двери. Неясно, приходилось ли когда-нибудь самому Такамори стоять на рисовом чеке с мотыгой в руке, но как старший сын и наследник он был очень хорошо знаком с финансовой стороной семейного земледелия.

Даже с этим дополнительным доходом семья Сайго жила очень скромно. Женщинам самим приходилось заниматься стиркой и уборкой, и Иваяма позднее вспоминала, как однажды человек, заглянувший к ним в дом, по ошибке принял ее за служанку. Эти стесненные обстоятельства сформировали личность и философию юного Такамори. Его отец, Китибэи, формально считался полным самураем (*си* или *дзокаси*), и теоретически получаемого им жалованья должно было хватать на содержание семьи. Но на практике семья Сайго жила скорее как *госи* — экономически самостоятельные «сельские воины». *Госи* были потомками выходцев из самых низов воинского сословия, высланных в сельскую местность, где они контролировали крестьян. Как городской самурай, Сайго имел значительно более высокий статус, чем *госи*. Пропасть между истинным, городским самураем и *госи* была настолько велика, что любой самурай, которому показалось, будто бы *госи* каким-то образом

задел его честь, имел законное право зарубить наглеца на месте. Поскольку самурай защищал свою честь, это не считалось оскорблением, и ему оставалось только убедить свое начальство в серьезности оскорбления. И вот, хотя юный Такамори, как полный самурай, являлся членом этой элиты, экономически он был значительно ближе к *госи*. Сайго приходилось постоянно сталкиваться с несоответствием между своим номинальным и реальным статусом.

Этот разрыв между формальным положением и повседневной жизнью наделил Такамори скромностью и глубоким чувством чести. Сайго не имел возможности наслаждаться привилегиями своего элитного статуса, но он мог облагородить свою бедность, перенося ее со стоицизмом и достоинством. В 1872 году, когда Сайго, наконец, заплатил часть своего двадцатипятилетнего долга Итагаки, он принес самые глубокие извинения за свою затянувшуюся неплатежеспособность:

«Я прибыл только вчера, вместе со свитой его величества, так что надеюсь, вас не обидит некоторая поспешность моих строк. Много лет назад мой покойный отец взял у вас займы. После его кончины я и мои братья, испытывая большие трудности, ни разу не нанесли вам визит и оставили свой долг без изменений. Здесь я просто не нахожу слов... В прошлом году я переехал в столицу, где мне была поручена важная работа в правительстве, занявшая все мое время. Это высокое назначение, которого я недостоин, стало возможным для меня только благодаря тому, что мой отец одолжил у вас крупную сумму денег, которая позволила ему вырастить и поставить на ноги своих многочисленных детей. Мой отец постоянно напоминал мне об этом. Все это время

я искренне желал расплатиться с вами, но просто не сумел найти способа вернуть свой долг; более того, я заплатил вам проценты лишь за один год, за что приношу свои самые глубокие извинения. Я надеялся, что мое нынешнее возвращение в родные края позволит мне, наконец, развеять последние тревоги моего покойного отца, но поскольку наша безземельная семья имеет большое количество иждивенцев, оказалось, что выплатить все проценты и основную часть долга за один раз нам не по силам. Я прошу вас с пониманием отнестись к нашим затруднениям и проявить снисходительность в этом вопросе».

Эти строки позволяют достаточно хорошо понять отношение Такамори к деньгам. Из письма неясно, что именно он вернул — основной долг, часть процентов или и то, и другое. Только из ответа Итагаки мы узнаем, что Сайго выплатил 400 иен — основной долг и проценты примерно за восемь лет. Итагаки дипломатично отказался принять проценты и вернул ему 200 иен.

Сайго научился наслаждаться своим привилегированным, но в то же время скромным положением. В последующие годы, когда его финансовое положение стало менее затрудненным, он оставался равнодушным к дорогой одежде и предметам роскоши. Он говорил, что такие вещи не должны интересовать самурая. Его любимое развлечение взрослых лет — охота с собственными собаками — по скромности средств больше подходило для самурайского мальчика. Чтобы отдохнуть и расслабиться, он мог заняться плетением охотничьих сандалий из соломы или изготовлением приманок для рыбалки. Любовь к простым, традиционным развлечениям отличала Сайго от его коллег по работе в правительстве

Мэйдзи, которые использовали свое новоприобретенное богатство и влияние для того, чтобы устраивать развлекательные мероприятия по западному образцу, к примеру, на проведение костюмированных балов в европейском стиле. Для Сайго такие расточительные нововведения были олицетворением революции, пошедшей по неверному пути.

Образование Сайго

Школьная система, давшая образование Сайго, имела двухступенчатое строение: он посещал как местную школу, так и центральную академию княжества. В приамурских городах все самурайские мальчики, за исключением немногих членов элиты, посещали школы своего района, называвшиеся *годзу*. *Годзу* были братствами в такой же степени, как и школами: подчинение младших учеников старшим составляло основу взаимоотношений в *годзу*, и мальчики тратили значительную часть своего времени на обучение боевым искусствам и подготовку к местным празднествам. Хотя *годзу* обеспечивали хорошее начальное образование, основной упор в них делался на товарищескую сплоченность и дисциплину. Мальчики четырнадцати лет и старше становились наставниками для младших учеников, а во время войны каждый *годзу* должен был действовать как самостоятельное воинское подразделение. Внутренние правила *годзу* уделяли основное внимание воспитанию чести, отваги и чувства собственной исключительности: младшим ученикам не разрешалось разговаривать с членами других *годзу*.

Годзу впервые появились в 1590-х, когда Симадзу, по приказу Тоётоми Хидэёси, мобилизовали своих самураев для вторжения в Корею. После того как Сацума отправлено на войну около десяти тысяч человек, многие самурайские мальчики в призамковом городе остались без отцовского присмотра. Чтобы контролировать этих буйных беспризорников, княжество основало то, что впоследствии стало основой для системы *годзу*. Мальчики были собраны в группы по месту жительства, где им прививали нормы хорошего поведения. В 1596 году в княжестве был выпущен эдикт, предостерегавший членов этих групп от нарушения закона, грубого языка и двуличности. Мальчиков призывали проявлять смелость и следовать по пути воина.

В середине восемнадцатого века эта простая система была адаптирована для предоставления самурайским мальчикам начального образования. Призамковый город был разделен на районы, названные *годзу*: в начале 1800-х в Кагосима было восемнадцать таких районов, но к 1860 году их уже насчитывалось более тридцати. Деятельность *годзу* осуществлялась преимущественно на основании самоуправления. Каждый район имел своего лидера, свой собственный штаб и свой собственный кодекс поведения. В некоторых районах существовали отдельные здания, специально предназначенные для *годзу*, но чаще всего все занятия проходили в частных домах. В каждом районе мальчики были разделены на две основные группы: младшие мальчики, или *тиго*, и старшие мальчики, или *нисэ*.

Согласно общепринятой практике, мальчики поступали в *годзу* в возрасте пяти или шести лет, что, по принятому в Японии счету, примерно соответствовало

седьмому дню рождения¹. Седьмой день рождения мальчика был одним из нескольких событий, отмечающих его переход из детства во взрослую жизнь. Обычно в этот день отец юного самурая дарил своему сыну *вакидзаси*, короткий меч без гарды, и отводил его в центр *годзу*, чтобы представить тамошнему лидеру (*нисэ гасира*). Хотя принятие в *тиго* происходило почти автоматически, лидер строго напоминал мальчику о важности *годзу*.

Новые члены получали ранг младших *тиго*, которые должны были придерживаться строгого распорядка дня с сигналом к отбою. Они не могли покидать свои дома до 6.00 или после 18.00. В 6.00 они спешили к дому местного учителя, помогавшего им с чтением заданных на этот день текстов, которые обычно представляли собой выдержки из конфуцианской классики. Эти уроки были посвящены скорее обучению беглости чтения и заучиванию, чем пересказу, и однообразная зубрежка нередко доводила мальчиков до слез. В роли учителей обычно выступали старшие мальчики, часто лидеры *нисэ*. Этот пост стал первой руководящей должностью Сайго, и как лидер *нисэ* он обучал конфуцианской классике нескольких будущих политических деятелей. Среди его учеников были Ояма Ивао, Того Хэйхатири и собственный брат Цугумити. После утренних уроков *тиго* получали короткий перерыв на то, чтобы позавтракать, самостоятельно позаниматься или помочь с делами по хозяйству. В 8.00 они собирались для спортивных занятий, которыми руководил старший *тиго*. Эти утренние

¹ По японской традиции новорожденный младенец уже считался однолетним, а в ближайший день нового года ему исполнялось два года.

физические упражнения имели самый широкий диапазон — от борьбы сумо до верховой езды. Некоторые игры, такие, как *Косан ивасэ*, или «Скажи, дядюшка», были направлены на развитие как физической ловкости, так и стойкости духа: собравшиеся мальчики сбивали с ног одного игрока и наваливались на него всей гурьбой, до тех пор, пока лидер *тиго* их не отзывал. Примерно с 10:00 у мальчиков начинался второй период занятий, проходивших под руководством старшего *тиго*. На этих уроках, кроме книжных знаний, мальчиков обучали еще и нормам поведения. После полуденного перерыва мальчики собирались снова в 2:00 для дальнейших занятий.

Программа обучения *тиго* была достаточно односторонней и ограниченной. Все три главных учебника, лежавших в основе системы образования *тиго* — «*Рэкидай ута*», «*Ироха ута*», и «*Торагари моногатари*», — были сфокусированы на княжестве Сацума и доме Симадзу. Автором базового учебника, «*Ироха ута*» («Алфавитная ода»), считался Симадзу Тадаёси, великий феодалный правитель шестнадцатого столетия. Ода представляла собой набор из сорока шести наставлений, организованных в порядке японской слоговой азбуки. Мораль этих наставлений была достаточно ординарной: ода призывала детей прилежно учиться, хорошо себя вести и слушаться старших. Но в Сацума даже учебная литература была связана с домом Симадзу. Другие тексты были такими же односторонними. В «*Торагари моногатари*» («Сказание о тигровой охоте») рассказывалось о вторжении японцев в Корею в 1590-х, но с точки зрения войск Симадзу. «*Рэкидай ута*» («Ода поколений») описывала происхождение дома Симадзу, на-

чиная с Симадзу Тадахиса, жившего в двенадцатом веке. В оде должным образом упоминался императорский дом и различные сёгуны, но в то же время она описывала правителей Симадзу как полноправных, независимых монархов. О Симадзу Ёсихиса, который вновь объединил княжество Сацума после волнений и беспорядков начала шестнадцатого столетия, ода говорит, что «он управлял людьми при помощи добродетели, и они вернулись на пути человеколюбия». На языке конфуцианского учения это означало, что Ёсихиса был скорее монархом, чем простым феодальным правителем. Насаждая добродетели среди населения, он узаконивал свои территориальные завоевания. Это косвенно обосновывало независимость дома Симадзу и делало обязательным одобрение Токугава для легитимности правления Симадзу. В последующие годы, став *нисэ*, мальчики Симадзу начинали обучаться более разнообразной программе, включавшей не только простое цитирование, но и интерпретацию конфуцианской классики. Однако основу образования в *годзу* составляли история и традиции дома Симадзу.

В 16:00 мальчики собирались на улице для занятий боевыми искусствами, проходивших под руководством *нисэ*. В отличие от утренних, вечерние упражнения включали и серьезные занятия фехтованием. Мальчики практиковались с деревянными мечами, но при этом осваивали технику и тактику реального боя. Обучение фехтованию в Сацума проходило в соответствии со стилями двух школ: школы Дзигэн, основанной Того Сигэката, и школы Якумару, представлявшей собой синкретическую традицию, изначально разработанную последователями Дзигэн. Школа Дзигэн была одной из са-

мых традиционных и агрессивных среди всех основных фехтовальных школ. В то время как к девятнадцатому веку в большинстве школ для снижения травматизма использовались обтянутые тканью бамбуковые мечи (*фукуро синай*), школа Дзигэн сохраняла верность традиционным мечам из твердого дерева (*боккэн*). Большинство школ делало упор на сочетание техники атаки и защиты, причем последняя строилась так, чтобы с максимальной эффективностью использовать ошибки противника. В отличие от них школа Дзигэн была безжалостно агрессивной, и вся ее техника строилась на нанесении единственного смертоносного удара. Школа Якумару отличалась еще большей воинственностью, делая упор на готовность атакующего умереть. Неудивительно, что из школы Якумару вышли самые отъявленные головорезы 1860-х. Некоторые косвенные доказательства позволяют предположить, что Сайго был связан со школой Якумару.

Мальчики тренировались на улице, невзирая на дождь и ветер, но в особенно ненастные дни они играли в карточные игры на исторические темы. В игре «*Муса карута*» карты представляли воинов, прославившихся своей преданностью, в то время как игра «*Даймё карута*» позволяла выучить имена, ранги и владения главных японских феодальных правителей. Мальчики тренировались или играли до 18:00, затем они возвращались домой. После этого для них наступал отбой, и они могли покинуть свой дом только на следующее утро, в 6:00.

В возрасте девяти-десяти лет мальчики получали возможность повысить свой статус до старшего *тиго*, но для этого им требовалось пройти непростое испыта-

ние. Нового кандидата могли посадить в сундук, использовавшийся для хранения архивов *годзу*, плотно перемотать его веревкой, а затем перекачивать по всем помещениям. Согласно другому ритуалу, мальчики ждали, когда лидер *годзу* вызовет к себе кандидата, а затем дружно набрасывались на него и сбивали с ног. У старших *тиго* появлялись новые обязанности. Как и младшие *тиго*, они вставали рано, чтобы отправиться на уроки, но теперь они были не только учениками, но и учителями, которые наблюдали за младшими *тиго* во время утренних и дневных занятий. Когда у младших *тиго* наступал дневной перерыв, старшие *тиго* отправлялись на лекции в академию княжества. После фехтовальной практики младших *тиго* отпускали домой, но старшие *тиго* продолжали свои занятия под надзором *нисэ*. С 19:00 старшим *тиго* разрешалось наблюдать за началом вечернего совещания *нисэ*. В 20:00 *нисэ* провожали старших *тиго* домой.

В возрасте тринадцати-четырнадцати лет у мальчиков начинался процесс публичного, формального перехода во взрослую жизнь, который был отмечен тремя главными ритуалами: церемонией *гэмпуку*, аудиенцией с даймё и посвящением в *нисэ*. В ходе церемонии *гэмпуку* мальчики получали взрослое платье, соответствующее их статусу; им присваивали новое, взрослое имя и выбривали верхнюю часть лба. Оставшиеся волосы оставляли длинными и завязывали их узлом на макушке. В дни Сайго эта прическа, изначально созданная для ношения воинского шлема, была признаком мужественности как среди самураев, так и среди простолюдинов. Мужская прическа позволяла сразу же определить сексуальный статус ее владельца. Выбритый лоб указывал

на зрелого мужчину, который готов исполнять активную роль в сексуальных отношениях со своей женой, сожительницей, проституткой или мальчиком. Напротив, длинная челка указывала либо на асексуального юношу, либо на пассивного, младшего партнера в гомосексуальной связи. Примерно в то же время, когда проходила церемония *гэмпукю*, мальчики, обладавшие соответствующим наследственным статусом, получали приглашение на первую аудиенцию с даймё и получали свои первые поручения. По сути, это была своего рода производственная практика, при прохождении которой мальчики работали с 10:00 до 14:00 и получали минимальное содержание в размере четырех коку в год. Мы можем предположить, что Сайго был посвящен в *нисэ* где-то в начале 1840-х: он прошел церемонию *гэмпукю* в 1841 году, в возрасте четырнадцати лет, а в 1844-м начал работать в финансовом ведомстве княжества.

Нисэ были освобождены от отбоя, но продолжали придерживаться строгого распорядка дня. Лидер *нисэ* был занят с восхода солнца, обучая местных *тиго*. Другие *нисэ* отправлялись в академию княжества на утренние занятия, а оттуда следовали на службу. Примерно с 16:00 до 20:00 *нисэ* обучали или тренировали старших *тиго*. После того как *нисэ* провожали *тиго* домой, у них наступало свободное время, которое они могли использовать по собственному усмотрению для занятий и отдыха. *Нисэ* обычно собирались снова для совместного чтения — китайской классики, военных хроник или книг по местной истории. *Нисэ* также экзаменовали друг друга, устраивая перекрестные опросы, известные как *сэнги*. Экзаменатор ставил гипотетический вопрос, сформулированный так, чтобы одновременно прове-

рить сообразительность и моральный дух экзаменуемых. Например, юношей могли спросить, что бы они сделали, если после долгих поисков по всей Японии убийцы своего отца наконец настигли бы его в открытом море. Ситуация усложняется тем, что лодка преследователя внезапно начинает тонуть, он попадает во власть волн, и единственной возможностью на спасение становится рука, протянутая убийцей. «Правильное» решение этой моральной дилеммы заключалось в том, чтобы принять помощь, сердечно поблагодарить убийцу, а затем свершить свою месть, нанеся ему смертельный удар. Каждого участника опрашивали индивидуально в присутствии остальных экзаменуемых, которые дразнили его до тех пор, пока он не даст правильный ответ.

Традиции системы *годзу* варьировались от утонченных и элегантных до жестоких и отталкивающих. Так, например, в Кагосима самурайских мальчиков было принято обучать игре на *бива*, японской лютне. В остальной части Японии бива считалась женским инструментом и ассоциировалась с гейшами. Напротив, в Сацума бива была инструментом мужчин-виртуозов. Это региональное различие было связано главным образом с личностью Симадзу Тадаёси, на которого, согласно легенде, произвело большое впечатление то, как местные монахи распевают сутры, аккомпанируя себе на бива, после чего он сам начал сочинять песни, прославляющие преданность, справедливость и сыновнюю почтительность. Многие японские путешественники отмечали эту особенность обычаев Сацума. В популярных путевых заметках «*Сэйюки*», написанных в 1790-х, Татибана Нанкэй пишет, что «все молодые самураи играют

на бива. Следуя славной и доблестной традиции этих провинций, они подвязывают свои широкие штаны, пристраивают на место длинные мечи и ночь за ночью прогуливаются по улицам, играя на бива. Их игра безупречна, а пение утонченно. Это совсем не похоже на музыку бива, исполняемую в других регионах». Среди молодых самураев было принято проводить вечера на берегах реки Коцуки, отдыхая под звуки бамбуковой флейты (*комабуэ*) и бива.

Резкий контраст с утонченной традицией воинов-лютнистов представлял собой ужасный обычай, известный как *хиэмонтори*. Это было соревнование для молодых, амбициозных фехтовальщиков, которое проводилось в двенадцатый месяц каждого года. Призом победителю было право испытать свое мастерство владения мечом на человеческом трупe. Хотя самураи регулярно практиковались с деревянными мечами, у них редко появлялась возможность почувствовать, как стальное лезвие разрубает плоть и кости. Самый отважный самурай, победивший в *хиэмонтори*, награждался правом нанести первый удар по телу казненного преступника. Согласно заведенному обычаю, *нисэ* собирались в тюрьме княжества, расположенной в Сэто. Юноши ждали, когда палач отрубит голову приговоренному, а затем всей гурьбой набрасывались на труп. Первый, кто откусит ухо или палец и покажет его своим компаньонам, признавался победителем и получал право первым попрактиковаться на трупe. Соотечественник Сайго, Кирино Тосиаки, и будущий премьер-министр Ямамото Гоннохэ были среди самых активных и успешных участников *хиэмонтори*.

Система *годзу* была исключительно мужским институтом. Ее деятельность была направлена на воспитание таких традиционных мужских качеств, как сила, отвага, солидарность, но при этом контакт с женщинами, кроме тех, которые являлись членами семьи, был строго запрещен. Если во времена Сайго такой порядок никому не казался странным или необычным, то уже к концу девятнадцатого столетия некоторые японские писатели начали выражать обеспокоенность гомоэротической направленностью культуры *годзу*. Баллады, воспевающие мужскую красоту и близкие узы между *нисэ* и *тиго*, внезапно стали рассматриваться как признаки гомосексуальной культуры. К началу двадцатого века ассоциация Сацума с гомосексуальностью распространилась настолько широко, что любовную связь мужчины с мужчиной стали называть «сацумская привычка». В 1899 году многие крупные газеты приписывали распространение гомосексуализма в японском флоте тлетворному влиянию Ямамото Гоннохоэ, тогдашнему морскому министру. Даже конфликт 1873 года между Сайго и Окубо Тосимити, основательно потрясший государство Мэйдзи, приписывали их затянувшемуся спору из-за мальчика, который начался еще в то время, когда они были членами одного *годзу*.

Так была ли культура *годзу* гомосексуальной? Этот вопрос настолько же интересный, насколько и неуместный, поскольку в нем содержится явный анахронизм. Во времена Сайго термина «гомосексуальный» в качестве ярлыка для людей просто не существовало: секс с мужчиной был скорее обычной практикой, чем характерной особенностью. Как и в случае с выпивкой или рыбалкой, каждый мужчина, в зависимости от своих

личных предпочтений, мог предаваться однополый любви регулярно, время от времени или никогда. Ввиду отсутствия библейского сказания о Содоме японцы, жившие в эпоху Токугава, не знали концепции содомии, и законы того времени не запрещали самих гомосексуальных отношений. Запретительные нормы, связанные с сексуальными отношениями между мужчинами, были сосредоточены главным образом на результатах «вызывающего» или «провокационного» сексуального поведения. Так же как общение с гейшей или употребление спиртных напитков, половой контакт между мужчинами превращался из развлечения в порок только в тех случаях, когда дело доходило до крайностей. Например, когда княжество Ёнэдзава в 1775 году издало постановление о гомосексуальной активности, там говорилось скорее о насилии, чем об извращении. Любой конфликт между красивым молодым самураем, его отцом и его любовником мог легко привести к обнажению мечей и кровопролитию. Гомосексуальность представляла собой проблему только потому, что ссоры любовников-мужчин часто приводили к насилию и угрожали общественному порядку. Однако защитники гомосексуальных отношений считали сексуальный контакт между мужчинами естественным продолжением уз, связывающих воинов. В своем трактате, посвященном пути самурая, Ямамото Цунэтомо писал, что смерть за своего любовника является высшим проявлением преданности. Единственную сложность представляет собой потенциальный конфликт с другими обязательствами. «Отдать свою жизнь за другого — это основной принцип мужеложства... Однако, в таком случае, тебе нечем пожертвовать ради своего господина». Но данного противоречия

не возникнет в том случае, когда господин и любовник соединены в одном лице, и гомосексуальная страсть часто лежала в основе *дзунси* — обычая совершать самоубийства после смерти своего господина. Учитывая многообразие и изменчивость концепций сексуальных отношений между мужчинами, можно предположить, что гомосексуальность была несущественной и ничем не примечательной частью жизни *годзу*.

Был ли Сайго гомосексуалистом? Этот вопрос тоже можно назвать интересным и в то же время неуместным. В письмах Сайго нет никаких упоминаний любовников мужского пола, и ни в одном из воспоминаний современников о его жизни ничего не говорится о гомосексуальной активности. Однако Сайго в письмах был крайне немногословен во всем, что было связано с его личной жизнью, и лишь вскользь упоминает своих трех жен. Но более характерно, что в ранних письмах Сайго перед нами предстает как человек, которого совершенно не интересует секс любого рода. Позиция Сайго была обусловлена главным образом трагической судьбой его первого брака. Он впервые женился в 1852 году, но через два года, когда Сайго перевели в Эдо, этот брак был расторгнут по инициативе родственников жены. Горько переживая последствия этого развода, Сайго выразил свое отчаяние через сексуальное самоограничение. Со своего нового поста в Эдо он писал: «Наслаждаясь жизнью в столице, в том, что касается женщин, я продолжаю соблюдать монашеский обет. Я был разлучен с женой, которую мне подыскали мои родители... Хотя мои брачные клятвы больше недействительны, у меня нет желания жениться снова». Хотя Сайго в конечном итоге женился еще дважды, стал от-

цом пятерых детей и встречался с гейшей из Киото, в 1854 году он гордился тем, что совершенно избегает женского общества. Для него воздержание было не ограничением, а средством укрепления духовных сил: например, он поклялся, что будет соблюдать обет целомудрия, если у его господина, Симадзу Нариакира, вырастет здоровый наследник мужского пола. В юности Сайго рассматривал секс не как приятное развлечение или проявление интимных чувств, а как помеху счастью и преданности.

Как еще система *годзу* могла повлиять на Сайго? Учитывая образ великого воина, который закрепился за Сайго в народном сознании, испытываешь большое удивление, когда осознаешь, что *годзу* он служил скорее как ученый, чем как боец. Поворотной точкой в жизни Сайго стал судьбоносный день 1839 года, когда, вернувшись домой из академии, он вступил в спор с другим самураем. В результате были обнажены мечи, и противник серьезно ранил Сайго в правую руку. Рана мешала Сайго в тренировках с оружием и вынудила его пересмотреть свои цели. С этого момента Сайго оставил боевые искусства и сосредоточил всю свою энергию на учебе. Именно как учитель, а не как боец, Сайго быстро сумел отличиться: его выбор на роль инструктора в *годзу* свидетельствует о том, что у своих сверстников он пользовался большим уважением. Ранний педагогический опыт Сайго оказал влияние и на его взрослую жизнь: даже в самые мрачные моменты он находил удовольствие в обучении детей. В 1858 году, когда Сайго находился в ссылке на отдаленном острове Амамиосима, он относился к местным жителям с плохо скрываемым презрением, но при этом не сумел сохранить сво-

его высокомерия в общении с детьми. В душераздирающем письме к Окубо он пишет о своей глубокой депрессии и чувстве одиночества, но в то же время сообщает: «Трое местных детей долго уговаривали меня принять их себе в ученики, и в конце концов я согласился стать их учителем». Сайго нашел свое место на острове в качестве школьного учителя. Его отчаяние постепенно улетучилось, и он сумел примириться со своим положением ссыльного. Тремя годами позже, находясь под домашним арестом на маленьком островке Окиноэрабусима, Сайго учил местных детей конфуцианской классике. Среди его учеников был Миса Танкэй, сын местного начальника полиции.

Система *годзу* была лишь частью образования Сайго. Как и большинство самураев из призамкового города, Сайго получал более глубокие знания в академии княжества Дзосикан. Основанная в 1773 году, академия Дзосикан занимала около трех акров возле замка Цурумару. На территории академии находились лекционный зал, библиотека, общежитие и несколько часовен, посвященных конфуцианским мудрецам. В штате этого учебного заведения насчитывалось более семидесяти человек, среди которых были директор академии, профессор, пятнадцать доцентов, тридцать лекторов и инструкторов, пятнадцать наставников, десять писцов и два стражника. Академия исполняла сразу несколько функций. Главная ее задача заключалась в том, чтобы обеспечить образование для старших *тиго* и *нисэ*, но академия также была открыта для сельских самураев и простолюдинов. Дзосикан обычно посещали от четырехсот до восьмисот студентов. Кроме того, академия удовлетворяла потребности в образовании местной

элиты. Даймё и его старшие вассалы регулярно вызывали к себе преподавателей из Дзосикан для проведения частных занятий по конфуцианской философии.

В отличие от учебной программы *годзу*, программа Дзосикан была строго академической, сконцентрированной на изучении конфуцианской классики. Студенты учились по главным текстам восточноазиатской традиции, известным как «Пять канонов и четыре книги»¹. Для непосвященных эти тексты были трудны и непонятны. Написанные на древнекитайском языке в лаконичном и афористичном стиле, они требовали подробных объяснений и комментариев. Только после тщательного изучения литературного китайского языка японские студенты получали возможность самостоятельно выполнять свои домашние задания. Но это классическое образование позволяло Сайго и его товарищам приобщиться к великой интеллектуальной традиции. Главные тексты, которые изучались в академии Дзосикан, едва ли чем отличались от текстов, составлявших основу образования в конфуцианских академиях Китая, Кореи или Вьетнама. Их содержание оставалось неизменным не только в разных странах, но и во времени. В дни Сайго «Пять канонов и четыре книги» уже на протяжении многих веков были краеугольным кам-

¹ «Пять канонов» («У цзин»), или конфуцианское пятикнижие, представляют собой свод древних китайских документов, преимущественно династии Чжоу (1122 до н.э. — 771 до н.э.), которые содержат сведения о политике, придворных ритуалах, религии и поэзии. Конфуцианцы считали династию Чжоу высшей точкой развития древней культуры, а существовавшие в то время обычаи — руководством для создания идеального политического порядка. «Четверокнижие» («Сы Шу») — это собрание сравнительно более поздних комментариев к «Пятикнижию», написанных между пятым и первым веками до н. э. Оно включает труды величайших древнекитайских мыслителей, Конфуция и Мэн-цзы.

нем гуманитарного образования. Это образование познакомило Сайго с историческими примерами преданности, чести и отваги. Оно также сформировало представление о самовыражении. Большую часть своей жизни Сайго регулярно писал стихи на классическом китайском. Хотя их художественная ценность может вызывать сомнения, стихи Сайго наполнены ссылками на классические китайские тексты. Для Сайго древнекитайская история не была чужой: она представляла собой общее культурное наследие всех цивилизованных людей.

Развивая в себе вкус к древней китайской литературе, Сайго в то же время старался выйти за рамки традиционного понимания конфуцианской классики. Академия Дзосикан следовала традиционной интерпретации конфуцианской канонической литературы, известной как учение Чжу Си. Сунский ученый Чжу Си (1130—1200) создал широкомасштабный синтез этики и натурфилософии. Он утверждал, что не существует различий между законами, управляющими природными феноменами, и нормативными или дескриптивными принципами человеческого общества. Все на свете управляется единым набором основных, универсальных принципов. Поскольку между этикой и натурфилософией не существует различий, изучение физического мира имеет большое значение для развития этики. И наоборот, медитация и развитие этики приводят к лучшему пониманию физического мира. Поэтому Чжу Си выступал за разностороннюю программу обучения, включающую чтение, тихое созерцание, физические упражнения, каллиграфию, арифметику и эмпирические наблюдения. Синтез Чжу Си можно рассматривать

как конфуцианский ответ на буддизм и даосизм. Идея полного единения человека и природы была навеяна даосизмом, в то время как тихое созерцание представляло собой интерпретацию буддистской медитации. Внедрив эти идеи в практику, Чжу Си превратил конфуцианство из политической и этической философии в законченную религиозную и метафизическую систему.

Влияние Чжу Си на восточноазиатскую школу философской мысли трудно переоценить. Он помог окончательно определить новый канон конфуцианской классической литературы, и для многих его комментарии к ней стали такими же важными, как и оригинальные тексты. К концу восемнадцатого века учение Чжу Си доминировало в Японии в большинстве государственных учебных заведений. Правила академии Дзосикан запрещали обсуждение других доктрин без особого разрешения. Это было отражением общей тенденции в японской культурной жизни: в 1790 году сёгунат запретил изучение других интерпретаций конфуцианства в своей частной академии Сёхэйко.

Сайго прочитал и изучил самый известный труд Чжу Си «Главные устои всеобщего зеркала» и был хорошо знаком с основами его учения. Но, как и многие другие японцы девятнадцатого века, он чувствовал, что Чжу Си предлагал, в лучшем случае, неполный подход к научному познанию. Во времена Сайго учение Чжу Си стало ассоциироваться скорее с узким догматизмом, чем с эффективным политическим действием. В этой связи Сайго заинтересовался учением Ван Ян-мина (1472—1528), лидера философской «школы Оёмэй», отвергавшей объективный идеализм Чжу Си.

Хотя Ван Ян-мин и Чжу Си основывались на одних и тех же классических текстах, философия последнего делала упор на интуиции, опыте и действии. Хотя Ван Ян-мин не отрицал важность образованности, он верил в то, что ощущение добра и зла является врожденным у всех людей. Таким образом, задача состоит в том, чтобы получить доступ к этому врожденному знанию. В то время как Чжу Си уделял главное внимание учености и самовыражению, откуда и его девиз «исследование вещей», Ван Ян-мин считал наиболее важным интуитивное познание и восприятие морального компаса, заложенного в каждом человеке априори. Ван Ян-мин также подвергал критике дуалистический подход Чжу Си к познанию и действию. Цель понимания добродетели, утверждал Ван Ян-мин, состоит в том, чтобы действовать в соответствии с ней, тем самым перебрасывая мост между познанием и действием. Действие, основанное на врожденном чувстве добра, является трансцендентным: «Только когда я полюблю своего отца, отца других и отцов всех людей, мое человеколюбие в действительности образует единое целое с моим отцом, отцом других и отцом всех людей... Тогда чистая добродетель сыновней почтительности проявит себя в полной мере».

Большая часть споров между последователями школ Чжу Си и Ван Ян-мина возникала из-за тонких метафизических вопросов. Но то, что учение Ван Ян-мина отдавало предпочтение действию, а не чистому познанию, имело большое значение для практической политики. В Японии самые значительные политические волнения начала девятнадцатого века были инспирированы последователями Ван Ян-мина: в 1837 году Осю Хэйхатиро, бывший начальник полиции города

Осака, возглавил неудавшееся восстание против сёгуната. Осио долгое время был возмущен коррупцией и некомпетентностью правительства Осака, но был вынужден работать внутри системы, чтобы выявлять взяточников и улучшать правление. Учение Ван Ян-мина предложило Осио другой путь. Согласно традиции «школы Оёмэй», понимание добра и зла имело значение только в том случае, если человек действовал в соответствии с ним и это действие было важнее, чем подчинение установленной власти. Когда сёгунат не сумел восполнить острую нехватку риса, Осио выступил против правительства, которому он когда-то служил. Вдохновленный учением Ван Ян-мина, он призывал своих последователей покарать жадных торговцев и «чиновников, которые мучают и притесняют всех, кто ниже их». Восстание Осио потерпело фиаско: многие из его последователей оказались оппортунистами, которых реквизиция сакэ интересовала больше, чем низвержение деспотов. Осио сбежал в сельскую местность и покончил с собой 3/1873, устроив пожар в том доме, где он скрывался, чтобы лишить правительство возможности покалечить его труп. Хотя это восстание номинально оказалось неудачным, оно испугало правящую элиту. Что может быть более опасным, чем бывший слуга сёгуната, который публично и насильственно объявляет о порочности его правления? словно бы для того, чтобы подтвердить страхи сёгуната, страну потрясла целая серия мелкокомасштабных волнений, спровоцированных неудавшимся восстанием Осио. Действия Осио были исключительными, но его восстание подчеркнуло радикальный потенциал учения Ван Ян-мина. Его нацеленность

на публичные действия придала революционную окраску конфуцианской классике.

Учение Ван Ян-мина произвело на Сайго глубокое впечатление, но он не мог до конца согласиться с его наиболее радикальными идеями. Вместо того чтобы полностью отказаться от учения Чжу Си в пользу интуитивизма Ван Ян-мина, Сайго стремился к тому, чтобы найти нечто среднее. Наставники, с которыми Сайго изучал философию Ван Ян-мина, пытались примирить ее со взглядами Чжу Си. Самое большое влияние на Сайго оказал Сато Иссаи, выдающийся синкретический мыслитель эпохи Токугава. Сато высоко ценил работы Ван Ян-мина, но он также был директором академии сёгуната. Вместо того чтобы открыто противостоять запрету сёгуната на учение Ван Ян-мина, Сато рафинировал его, утверждая, что он исследует общие корни философии Ван Ян-мина и философии Чжу Си. Эта уловка позволила Сато сохранить свою высокую преподавательскую должность и в то же время написать множество работ, посвященных учению Ван Ян-мина. Признавая изощренность мышления Сато, современники называли его «Чжу Си снаружи, Ван Ян-мин внутри». Сайго нашел идеи Сато настолько вдохновляющими, что он превратил их в свое личное руководство, тщательно переписав 101 высказывание Сато в маленькую книжечку, которая всегда находилась у него под рукой.

В избранных отрывках из сочинений Сато Сайго больше всего привлекали его мысли об интуитивном знании. Он переписал наблюдение Сато о том, что «знание без знания [причин]» — это путь к искреннему, безупречному поведению. И наоборот, думать, но при этом все равно не знать — значит встать на путь, веду-

щий к эгоистичным действиям, основанным на амбициях и страстях. Сайго также скопировал комментарий Сато о врожденной добродетели человека: «Человеческая душа подобна солнцу, но амбиции, гордость, злоба и изворотливость затмевают его, как низко висящие облака, и в результате становится непонятно, где находится эта душа. Таким образом, развитие искренности — это лучший способ разогнать облака и приветствовать ясный день. Очень важно, проводя свои исследования, заложить в их основание такой краеугольный камень искренности». Сайго был особенно увлечен идеей безупречного поведения как средства, позволяющего победить смерть. Человеческое тело — это всего лишь временное прибежище, но его внутренняя природа — это дар небес, который выходит за рамки жизни и смерти. Мудрый человек проявляет свою внутреннюю природу в повседневной жизни. Он оставляет инструкции своим наследникам не в завещании, а в примерах, которыми служат его слова и деяния. Поскольку он основывается на своей внутренней способности к добродетели, он является частью небес, и его не беспокоят мелкие различия между жизнью и смертью. Ученый, но не мудрый человек боится смерти и стесняется своего страха, но не может преодолеть его. Он пытается составить завещание для своих наследников за счет письменных рецептов, но ему очень трудно заставить этих наследников прислушаться к себе. Он способен понять смерть, но не может примириться с ней. Таким образом, заключает Сато, «мудрый человек находится в мире со смертью, ученый человек понимает смерть, а простой человек боится смерти». Ощущение того, что добродетель

может изменить значение смерти, сформировало представление Сайго о своей судьбе и своих обязанностях.

Образование Сайго в Сацума было универсальным и в то же время односторонним. Изучение Чжу Си и Ван Ян-мина связало Сайго с паназиатскими дебатами о конфуцианской классике. На противоположной стороне находились его первые учебники, тексты, которые он заучивал сам и давал заучивать своим ученикам. Это были оды и истории о княжестве Сацума, где весь остальной мир упоминался лишь вскользь. Сайго читал некоторые классические работы по истории императорского дома, такие, как *«Дзинно сётоки»* («История правильного наследования божественных монархов») Китабатакэ Тикафуса, но в том, что касалось японской истории, его образование оставалось на удивление поверхностным. Сайго был образован не столько как японский подданный, сколько как восточноазиатский джентльмен, находящийся на службе у дома Симадзу.

Заключительным компонентом интеллектуального развития Сайго была дзен-буддистская медитация. Наставником Сайго в Дзене был Мусан (1782—1851), старший монах в семейном храме Симадзу Фукусёдзи. Интересно, что Мусан изучал философию «школы Оёмэй», прежде чем стать монахом дзен-буддистской секты Сото. Сайго нашел в Дзене интеллектуальное удовлетворение, но он также восполнял его глубокую эмоциональную потребность. Как позднее заметил Окубо, Сайго, который обладал подвижным и вспыльчивым темпераментом, рассматривал Дзен как средство для контроля и успокоения своих страстей. Он надеялся, что медитация поможет ему отстраниться от мирских забот. Однако Окубо подвергал острой критике воздействие Дзена

на Сайго. Дзен не успокоил темперамент Сайго, а в значительной мере его изменил, в результате чего он стал властным и надменным. Одной из причин своего разрыва с Сайго в 1873 году Окубо называл пагубное воздействие Дзена. Хотя крайне негативную оценку, которую дал Окубо дзен-буддистскому опыту Сайго, можно считать субъективной, он, несомненно, был точен, когда охарактеризовал его как человека эмоционально горячего и в то же время надменно молчаливого. Сайго имел рост около шести футов (180 см) и был сложен, как борец, из-за чего его равнодушное молчание казалось гнетущим и пугающим. Поразительно широкий круг свидетелей, от его сына Кикудзиро до британского дипломата Эрнеста Сатоу, описывали устрашающее воздействие хладнокровного взгляда Сайго. Но под стоицизмом Сайго скрывалась глубокая романтичность. Знакомые Сайго вспоминали его реакцию, когда однажды, после ресторана, они посетили театр компании Мицуи. Их планы изменились в последнюю минуту, после того, как соревнования по борьбе сумо были отменены из-за дождя. Его спутники были поражены, увидев, как Сайго, знаменитый генерал и высокопоставленный государственный деятель, открыто плачет над сентиментальной драмой.

Сайго за работой

В 1844 году Сайго начал работать помощником клерка в финансовом ведомстве княжества. В круг его обязанностей входило инспектирование крестьянских хозяйств, надзор над деревенскими чиновниками, поощрение сельскохозяйственного производства и сбор на-

логов. Его пост нельзя было назвать особенно требовательным, и это, совершенно определенно, была не та должность, которая предвещала бы будущее лидерство в национальной политике. Как клерк, Сайго почти не имел никакой власти, и большая часть его работы была рутинной и однообразной. Но опыт работы в финансовом ведомстве имел долговременное воздействие на его политические взгляды. Какой бы скучной ни была его повседневная работа, благодаря ей Сайго близко познакомился с главной проблемой в политике княжества Сацума — удрушающе высоким уровнем налогов.

Княжество Сацума обладало одной из самых недоразвитых систем сельскохозяйственного производства в Японии и славилось на всю страну своими непосильными налогами. Налоговое бремя было настолько тяжелым, что крестьяне регулярно оставляли свои поля и убегали в соседние княжества вместо того, чтобы пытаться выполнить свои налоговые обязательства. Хотя целые поколения реформаторов пытались бороться с этой проблемой, она неизменно оставалась составной частью экономики Сацума: в княжестве было слишком много самураев и недостаточно фермеров. Во времена Сайго из 650-тысячного населения Сацума около 170 000 были самураи и члены их семей. Поскольку, по теории, самураи должны управлять, а не заниматься сельским хозяйством, это означало, что 480 000 крестьян нужно было прокормить 170 000 воинов. Это было совершенно нереально. Даже самые продуктивные крестьянские хозяйства в Японии не смогли бы прокормить такое количество дополнительных ртов. Княжество Сацума решало эту проблему, сильно недоплачивая своим самураям; большинство вассалов, как и Сайго,

получали содержание, неспособное удовлетворить даже их основные нужды. Даже несмотря на это, потребности такого большого количества самураев влекли за собой тяжелые налоговые поборы. В силу этих демографических особенностей княжество было вынуждено слишком жестко облагать налогом своих простолюдинов и слишком мало платить своим самураям.

Хроническая потребность Сацума в дополнительном доходе приводила к введению разнообразных новшеств. Княжество пыталось производить и облагать налогом удивительно широкий диапазон товаров, включая грибы шиитакэ, кожу, кунжут, рапс, индиго, хлопчатобумажную ткань, шелковую ткань, уголь, серу и гончарные изделия. Многие из этих начинаний закончились полным провалом. Княжество обычно заставляло крестьян продавать свою продукцию правительственным агентам, но эти агенты часто платили так мало, что крестьяне даже не могли покрыть свои затраты. Чтобы не терять деньги, крестьяне просто прекращали производство.

В течение сельскохозяйственного кризиса 1849 года Сайго лично убедился в суровости налоговой системы Сацума. Превратности погоды привели к неурожаю, и начальник налогового управления, Сакода Тосинари, начал инспекцию, чтобы оценить потребность в налоговых послаблениях. Однако, к своему разочарованию, он узнал от вышестоящих чиновников, что проводить инспекцию нет никакого смысла, поскольку княжество не готово вводить налоговые послабления, даже несмотря на сильный неурожай. Сакода был разгневан и ушел со своего поста, чтобы не принимать участия в этом неблагоприятном деле. Согласно некоторым биогра-

фам, принципиальная отставка Сакода произвела сильное впечатление на Сайго. Это трудно подтвердить, но отношение Сайго к сельскому хозяйству на протяжении всей его жизни основывалось скорее на морали, чем на прагматических соображениях.

В 1852 году Сайго пережил целую серию потерь и разочарований. Исполняя волю своей семьи, он женился на Идзюин Суга, двадцатитрехлетней девушке из местной самурайской семьи. Этот союз носил сугубо договорной характер. Его организовали родители пары, он не привел к появлению детей и позднее был расторгнут семьей Суга. Во всех сохранившихся письмах Сайго лишь один раз упоминает этот брак, когда жалуется на развод, случившийся против его воли. Вскоре после своей женитьбы Сайго потерял обоих родителей. Когда его отец умер 9/1852, а мать двумя месяцами позже, Сайго стал главою семьи, взяв на себя ответственность за содержание на скудную стипендию двенадцати человек, включая двух незамужних сестер и трех маленьких братьев. Бремя главы семьи и потеря родителей стали тяжелым испытанием для Сайго. Впоследствии он вспоминал, что 1852 год был самым печальным годом в его жизни. Однако он относился ко всем жизненным тяготам с мрачным юмором. Увидев, как его брат Китидзиро продает хворост, чтобы помочь семье свести концы с концами, Сайго заметил, что они могут умереть с голоду, но по крайней мере умрут все вместе.

Кроме этих трудностей, ранние годы жизни Сайго в Сацума были ничем не примечательными. Хотя поколения биографов пытались найти признаки будущего лидерства, до конца 1850-х Сайго почти ничего не сделал, чтобы как-то выделиться. Сайго, несомненно, был спо-

собным учеником, и его детство в Кагосима стало весьма плодотворным с точки зрения интеллектуального развития. Он прочитал много книг по истории и философии. Он овладел литературным китайским языком и изучал классические тексты. Он практиковал Дзен. Но Сайго вскоре обнаружил огромные пробелы в своем образовании, и просто удивительно, как много он не знал до своего отбытия в Эдо в 1854 году. Образование Сайго почти не затрагивало тему императорской власти, и годы учебы в Кагосима никак не подготовили его к восприятию «учения Мито», которое служило теоретической основой для движения лоялистов, сыгравшего ключевую роль в Реставрации. Сайго знал о древнем происхождении императорского рода, но он не мог представить себе государство, полностью основанное на императорском суверенитете и легитимности. Он также имел лишь самое смутное представление о технологическом превосходстве Запада. Ортодоксальные последователи Чжу Си из академии Дзосикан не одобряли изучения таких «новшеств». Сайго узнал о западной технологии и военной мощи после своей исторической встречи с Хасимото Санаи в Эдо. Это был шокирующий опыт. На протяжении всех оставшихся лет своей жизни Сайго пытался свести воедино уважение к японским традициям, высокую оценку западного общества и западных технологий, преданность дому Симадзу и преданность императору. В работе Сайго был прилежен и искренне пытался найти способы улучшить положение крестьян. Но здесь ему было трудно сделать или сказать что-то новое. Когда в 1852 году Сайго принял на себя обязанности главы семьи, он был исключительно хорошо подготовлен для того, чтобы последо-

вать по стопам своего отца и стать начальником отделения в налоговом управлении. Но он был совершенно не готов к тому, что ему приготовила судьба: к столице сёгуната и центру ожесточенной борьбы за государственную власть.

«ЧЕЛОВЕК ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ ПРЕДАННОСТИ»

*Сайго и национальная политика*¹

Новый даймё

В начале 1854 года Сайго был переведен из помощника чиновника в члены свиты даймё (*тто гокосё*) и был выбран сопровождать своего господина, Симадзу Нариакира, в его визите в Эдо (теперь Токио). По прибытии в Эдо 3/1854 Нариакира назначил Сайго своим садовником в столичной резиденции. Это была с виду незначительная, но в действительности очень важная должность. Как садовник, Сайго мог свободно перемещаться по городу, доставляя послания Нариакира другим даймё, при этом не вызывая подозрений у шпионов сёгуна. Сайго стал доверенным лицом и советником даймё и начал приобретать известность как новая фигура в национальной политике.

Процесс, в результате которого младший клерк из финансового ведомства княжества стал самым надежным советником своего господина, является одной из самых больших загадок в жизни Сайго. Ни один из многочисленных биографов Сайго не сумел обнаружить каких-либо фактов, которые связывали бы его с Нариаки-

¹ Эта цитата взята из описания, которое дал Сайго Нагаока Кэн-моцу, старейшина рода из княжества Кумамото.

ра до 1854 года. Нет ни бумаг, ни писем, ни свидетельств современников, которые позволили бы предположить наличие связи между Нариакира и Сайго до внезапного повышения последнего 1/1854. Мы можем предположить, что Сайго сделал или сказал нечто примечательное, но у нас нет никаких надежных свидетельств о том, какое именно действие или заявление Сайго заставило Нариакира обратить на него внимание. Вместо этого мы имеем целый ряд правдоподобных, но недоказанных теорий. Но хотя мы не имеем возможности узнать, благодаря какому событию Нариакира впервые услышал о Сайго, нам вполне по силам реконструировать ту беспокойную политическую обстановку, в которой Нариакира, игнорируя традиционную иерархию, избрал своим доверенным лицом клерка из налогового управления.

Симадзу Нариакира стал даймё в 1851 году, после ожесточенной и кровавой борьбы за право наследования. Жестокость этой борьбы вызывает удивление, поскольку Нариакира, казалось бы, являлся очевидным и бесспорным наследником своего отца, Симадзу Нарюки. Нариакира был старшим сыном даймё и был провозглашен его наследником в 1812 году, в возрасте трех лет. Нариакира имел репутацию исключительно талантливого и способного наследника. Он был здоровым и сильным мужчиной, мастерски владеющим боевыми искусствами, в числе которых были стрельба из лука, верховая езда и фехтование. Кроме того, он был интеллигентным и начитанным. Его мать, Канэко, принадлежала к числу самых образованных женщин своего времени, и она с детства обучала Нариакира литературному китайскому языку. Нариакира рос, обмениваясь с

матерью классическими стихами, и благодаря ей приобрел глубокие познания в китайской истории и философии. Он также испытывал острый интерес к западной культуре, который ему привил его дедушка Симадзу Сигэхидэ. С детских лет он был очарован его коллекцией западных диковин, среди которых были часы, музыкальные инструменты, телескопы, микроскопы и оружие. Как и Сигэхидэ, Нариакира мог писать латинскими буквами; порою он использовал латинизированный японский в качестве шифра в корреспонденции и личных записях. В 1826 году Сигэхидэ представил Нариакира Францу Зибольду, немецкому доктору, который, выдавая себя за голландца, около четырех лет прожил в Нагасаки. Таким образом, Нариакира принадлежал к числу тех немногих японцев, которые лично встречались с европейцами. Широкий диапазон знаний, сочетавшийся с физической статью, позволил Нариакира завоевать уважение у своих современников. Говорят, что чиновники сёгуната сожалели о том, что Нариакира, будучи «посторонним» даймё, не может занять пост в центральном административном аппарате. Тем не менее Нариакира был в хороших отношениях со многими высокопоставленными чиновниками, особенно с Абэ Масахиро, председателем совета старейшин сёгуната (*рёдзю сусэки*).

Хотя права Нариакира на титул казались бесспорными, вопрос наследования перерос в кровавую семейную вражду, разожженную похотью, завистью, жадностью и конкуренцией между единокровными братьями. У Нариакира было два главных врага: любовница его отца — Окада Юра и Дзусё Хиросато, могущественный старейшина княжества (*каро*). В дошедших до нас источниках

Симадзу Нариакира, портрет Курода Киётэру

того времени Юра называют дочерью то кораблестроителя, то плотника. Славившаяся красотой и очарованием, она имела большое влияние на Нарииоки, особенно после того, как в 1824 году умерла его жена, Канэко. Нарииоки больше не женился, и Юра стала его главной сожительницей. Юра родила от Нарииоки троих детей, но только средний ребенок, Хисамицу, пережил младенчество. Как сын любовницы, Хисамицу поначалу не был

членом дома Симадзу, но в 1827 году его усыновил Симадзу Тадакими, даймё Сигэтоми. Юра вынашивала самые амбициозные планы в отношении своего единственного выжившего ребенка, надеясь, что он в конечном итоге наследует титул Нариоки. Этот курс привел ее к открытому столкновению с Нариакира, главным и очевидным наследником.

Наследственное право Нариакира беспокоило также Дзусё Хиросато, одного из старейшин Сацума и автора плана финансового оздоровления княжества. Хотя Дзусё был родом из самых низов самурайского сословия, благодаря своему финансовому таланту он произвел большое впечатление как на Сигэхидэ, так и на Нариоки. В 1830 году он получил карт-бланш на проведение финансовой реформы княжества. Менее чем за пятнадцать лет ему удалось полностью погасить фантастическую задолженность казначейства Сацума в пять миллионов рё. Дзусё реструктурировал долг княжества и сократил расходы за счет введения программы жесткой экономии. Однако главным его достижением была реформа всей хозяйственной деятельности, проводимой княжеством. Дзусё систематически ставил под сомнение самые вредные аспекты налоговой системы княжества. Его методы, такие, как улучшение конструкции рисовых тюков для снижения потерь при транспортировке, часто казались поразительно простыми. Тем не менее эти очевидные на первый взгляд реформы оказывали поразительное воздействие на состояние финансов княжества. Многие презрительно называли Дзусё выскочкой, и ему не раз приходилось выслушивать обвинения в коррупции, но даже самые рьяные недоброжелатели не могли отрицать его достижений.

Симадзу Хисамицу, портрет Харада Надзиро

Дзусё считал Нариакира не талантливым и образованным лидером, а расточительным дилетантом. Враждебное отношение Дзусё к Нариакира частично проистекало из опыта общения с его дедушкой, Сигэхидэ. На взгляд Дзусё, страсть Сигэхидэ к западным вещам приводила к непомерным и ненужным тратам. Завезенные в страну голландские книги, телескопы и часы были дорогими безделушками, не способствующими экономи-

ческому росту княжества. Нежное отношение Сигэхидэ к Нариакира только усиливало подозрения Дзусё. Он боялся, что очевидный наследник будет таким же хроническим транжирой, как и его дедушка. Дзусё не делал тайны из своей антипатии к Нариакира, и к 1849 году он открыто оговаривал его перед высокопоставленными вассалами. Некоторые дошедшие до нас свидетельства позволяют предположить, что Дзусё призывал Нариакира отложить свою отставку, чтобы как можно дольше не допускать Нариакира к власти.

У Дзусё и Нариакира произошло столкновение и по поводу военных реформ. Ободренный своим огромным успехом в финансовой области, Дзусё начал реформу ленной системы княжества. Поскольку большое количество вассалов продали свои лены новым владельцам, которые не имели намерения выполнять традиционные обязательства по набору войск, ленную систему больше нельзя было использовать как основу для военной мобилизации. Однако, согласно реформам Дзусё, вассалам снова вменялось в обязанность поставлять войска пропорционально их ленам. Нариакира, скорее всего, поддержал бы усилия Дзусё в области военной модернизации, если бы тот не использовал реформы для того, чтобы существенно повысить военный ранг Хисамицу, единокровного брата Нариакира. Это заставило Нариакира с подозрением отнестись ко всему предприятию, и, вместо того чтобы поддержать реформы, Нариакира критиковал их как неэффективные.

На фоне этого растущего напряжения союзники Нариакира были охвачены паникой из-за того, что его дети продолжали умирать. Первый ребенок Нариакира, мальчик, умер в младенчестве в 1829 году, а его первые

две дочери умерли до того, как им исполнилось три года. Учитывая высокую детскую смертность в феодальную эпоху, эти смерти не вызвали особых подозрений. Однако Нариакира встревожила судьба его оставшихся потенциальных наследников. В 1848 году его второй сын умер в возрасте двух лет. В 1849 году его четвертый сын умер семимесячным, а в 1850-м третий сын умер, лишь немного не дожив до своего третьего дня рождения. Союзники Нариакира направили свои соболезнования, но они открыто подозревали, что потери Нариакира являются следствием заговора. В конце концов, если у Нариакира не будет собственного наследника, то Хисамицу станет более предпочтительным наследником для Нариакири. Начали циркулировать слухи о воздействии темных сил, и согласно общепринятому мнению, это Юра насылала злые чары, чтобы вызвать смерть детей Нариакира. Сам Нариакира, судя по всему, тоже заподозрил что-то неладное. В начале 1847 года он затребовал детальные отчеты о деятельности Юра, особенно поинтересовавшись тем, не заказывала ли она какие-нибудь необычные молебны. Его особенно беспокоили слухи о том, что Юра призывала проклятия на кукол. 2/1852 Нариакира получил отчет от своего лояльного сторонника Ёсии Тайю, который подтвердил его наихудшие опасения. Ёсии написал, что Юра просила по меньшей мере пятерых человек обрушить проклятия на голову Нариакира и его двух старших сыновей. Он также доложил о том, что, когда некий Такаги Итисукэ молился о несчастьях для Нариакира, было замечено появление призрачных, бестелесных лиц. Кроме того, Юра потребовала проклятий от аскета Маки Накатаро и заказала подозрительные ритуалы у настоя-

теля храма Каринидзи: Но больше всего Ёсии беспокоило то, что он потерпел неудачу, когда попытался отвести эти проклятия. Когда он попросил своего брата выпустить магическую стрелу, которая должна была развеять злые чары, она просто отскочила от мишени.

Раздраженный посягательством Дзусё на свои наследственные права и страдая из-за смерти детей, Нариакира организовал заговор с целью захвата власти. Основой власти Дзусё была столица княжества, город Кагосима, поэтому Нариакира использовал свои политические связи в Эдо, чтобы устранить соперника. По сути, он предал своего соотечественника сёгунату, после того как привлек всеобщее внимание к давнему аспекту взаимоотношений между Сацума и Рюкю, а именно к тому, что Сацума постоянно превышает установленный сёгунатом лимит на объем торговли через Рюкю. О контрабандистской деятельности Сацума сёгунату было известно еще с 1820-х, но Нариакира раскрыл центральным властям самые подробные детали этой незаконной торговли, чтобы таким образом подкопаться под Дзусё. В конце 12/1848 Абэ Масахиро, председатель совета старейшин сёгуната, вызвал к себе Дзусё и начал допрашивать его о деталях торговли между Сацума и Рюкю. Чтобы защитить своего господина Нариакира от санкций сёгуната, Дзусё принял на себя всю ответственность за политику Сацума.

Но удар Нариакира по Дзусё только ухудшил и без того непростую ситуацию. Нариакира надеялся, что устранение Дзусё упрочит его права на наследование, но Нариакира по-прежнему не подавал никаких признаков, что он собирается уйти в отставку. Злой и раздосадованный, Нариакира начал строить планы насчет того,

как поскорее заставить удалиться на покой своего отца. Он приготовился раскрыть новые сведения о взаимоотношениях с Рюкю и внутренних разногласиях в Сацума, чтобы поставить отца в неудобное положение и упрочить свои права на наследование. Эта опасная стратегия сильно встревожила Нариоки. Сам Нариоки пришел к власти после ожесточенной борьбы между его отцом и дедом, в результате которой тринадцать вассалов были вынуждены совершить самоубийство. Смерть Дзусё и слухи о заговоре заставили Нариоки заподозрить своего сына в самом худшем. Вместо того чтобы ожидать удара, Нариоки решил ударить первым.

3/12/1859, в редкий для Кагосима снежный день, Нариоки начал систематическое устранение сторонников Нариакира, выдвинув против них обвинение в предательстве и заговоре. В тот же день шесть союзников Нариакира совершили сэппуку. Среди первых жертв были давний товарищ Нариакира Коноэ Рюдзаэмон, а также его верные сторонники Ямада Итиродзаэмон и Такасаки Городзаэмон. Это была очень тяжелая потеря. Ямада был поверенным в делах в Киото, Такасаки служил писцом в совете старейшин, а Коноэ возглавлял городской магистрат. За один день Нариакира потерял трех своих самых верных союзников, занимавших ключевые посты. На протяжении последующих полутора лет Нариоки проводил методическую чистку административного аппарата от сторонников Нариакира. К тому времени, когда к 4/1850 страсти улеглись, более пятидесяти человек были устранены с политической сцены. Четырнадцать из них совершили самоубийство, семнадцать были отправлены в ссылку, а двадцать остальных умерли в тюрьме или были казнены. Нариоки был настолько же

жесток, насколько и методичен. Поскольку Коноэ, Ямада и Такасаки совершили сэппуку, лишив Нариики возможности их казнить, он выместил свой гнев на их трупах. Головы Ямада и Такасаки были выставлены на перекрестках, в то время как тело Коноэ распилили на части пилой.

Чистка Нариики, казалось бы, полностью разрушила планы Нариакира стать даймё. Но жестокость чистки в конечном итоге сыграла на руку Нариакира. Она дискредитировала Нариики в глазах других даймё, многие из которых отказались выдавать самураев из Сацума для наказания. Поскольку большинство его местных союзников приняли смерть или были сосланы, Нариакира обратился за помощью к этим сочувствующим ему правителям соседних княжеств. В этом деле ему хорошо послужила его превосходная репутация среди воинской элиты. Нариакира привлек на свою сторону Курода Нарихиро, Даймё Фукуока. Курода, в свою очередь, заручился поддержкой Датэ Мунэнари, даймё Увадзима, который нашел нового союзника в лице Нанбо Нобуюки, даймё Хатинохэ. К середине 1850 года неофициальный комитет, составленный из даймё и чиновников сёгуната, убедил Абэ Масахиро в том, что Нариики должен уйти; теперь его отставка была лишь делом времени. Нариики понял, что его перехитрили, и почти до самого конца 1850 года он уклонялся от встреч с представителями сёгуната. Однако 3/12/1850 он смягчился и принял от сёгуна подарок, направленный ему в связи с уходом в отставку. 29/1/1851 он официально объявил сёгуну о том, что удаляется на покой. Долгий, кровавый спор из-за наследования был закончен.

Сайго был слишком молод, чтобы принимать участие в этой вражде, но с ужасом наблюдал за кризисом, охватившим княжество. Его друг, Окубо Тосимити, был объявлен членом фракции Нариакера, уволен со своего поста и на шесть месяцев посажен под домашний арест. Отец Окубо также был уволен и отправлен в ссылку на четыре года, и в результате дом Окубо пришел в упадок. Отец Сайго был близким знакомым Акаяма Юкиэ, одного из тех людей, которые пострадали в ходе устроенной Нариоки чистки. Согласно часто цитируемой, но не подтвержденной документально истории, отец Сайго был свидетелем ритуального самоубийства Акаяма и принес домой его запятнанную кровью нижнюю рубашку. Эта рубашка, сказал он своему сыну, — цена справедливости и преданности. История о рубашке Акаяма может быть не более чем легендой, но симпатии Сайго, несомненно, находились на стороне фракции Нариакера. Почти через семнадцать лет после самоубийства Коноэ и Такасаки, снежной ночью в Киото, Сайго почтил их память двумя стихотворениями. В первом он противопоставил их вечные души недолговечному снежному покрову. Во втором он связал пронизывающий холод с несправедливостью постигшей их судьбы.

Нариакера победил, но дорогой ценой. Он сумел взять верх над своим отцом и единокровным братом только после того, как в их спор из-за наследования в качестве третейского судьи вмешался сёгунат. Этот конфликт оставил *на теле* политики Сацума глубокие, долго не заживавшие шрамы. Еще несколько десятилетий люди возмущались несправедливостью, от которой пострадали они сами или их товарищи. Укрепляя свою

власть, Нариакира должен был действовать крайне осторожно, чтобы не возобновить старый конфликт или не разжечь новый. Кроме того, долгая и жестокая борьба в значительной мере проредила ряды естественных союзников Нариакира, и в результате многие из самых очевидных кандидатов на ответственные посты оказались мертвы. В силу всех этих причин Сайго, по иронии судьбы, получил прекрасную возможность для быстрого повышения. Он был умным, способным, лояльным и при этом не запятанным прямым участием в споре из-за наследования. И, главное, он был живым. В сложившихся обстоятельствах неизвестность Сайго являлась преимуществом, поскольку его повышение вряд ли могло спровоцировать Хисамицу и Юра, побежденных, но по-прежнему могущественных защитников Нариакири. Таким образом, Сайго, способный, но наивный работник налогового управления, обнаружил себя в самом центре национальной политики.

Дорога в Эдо

21/1/1854 Сайго отправился в Эдо в составе свиты Нариакира. Путешествие в столицу сёгуната являлось частью политической системы заложничества, известной как «*санкин кодай*», или «посещения с возвращением». Согласно установленному порядку, даймё поочередно проводили один год в Эдо и один год в своих домашних княжествах. Члены их семей, включая жен и детей, жили в Эдо постоянно. Эта система, основанная на средневековой традиции, изначально была средством выражения даймё своей преданности. Однако к середине семнадцатого века она была официально преобразо-

вана в жесткую систему содержания двух резиденций. Даймё обычно покидали свое родное княжество либо в четвертый, либо в восьмой месяц и проводили в Эдо около года, прежде чем вернуться домой.

Система *санкин кодай* создала устойчивый раскол в культуре феодальных правителей. После середины семнадцатого века почти все даймё получали воспитание в Эдо, а не в своих «домашних княжествах». Большинство даймё не видели тех княжеств, где им предстояло править, вплоть до выхода из подросткового возраста. Сам Нариакира впервые увидел Кагосима только в 1835 году, когда ему уже было двадцать шесть. Многие его критики отмечали, что он так и не овладел диалектом Сацума и поэтому его речь всегда звучала, как речь чужака. Нариакира и в самом деле чувствовал себя политически более уверенно в Эдо, чем в Кагосима. Его кампания, направленная на ускорение отставки Нариоки, сдвинулась с мертвой точки только после того, как он использовал свои связи в Эдо и заручился поддержкой других даймё. Отчужденность Нариакира от своих владений не была чем-то необычным. Многих молодых правителей тревожила культурная пропасть между Эдо и их княжествами.

Например, даймё Цугару Нобумаса, впервые увидевший родной Хиросаки в 1661 году, был поражен грубостью своих вассалов. В коротком стихотворении он описал их как едва цивилизованных людей, живущих в отдаленном уголке холодного и пустынного региона. Таким образом, представители правящей элиты Японии имели общий опыт: они все выросли и получили образование в одном городе, и они все изначально чувствовали себя чужаками в своих собственных княжествах.

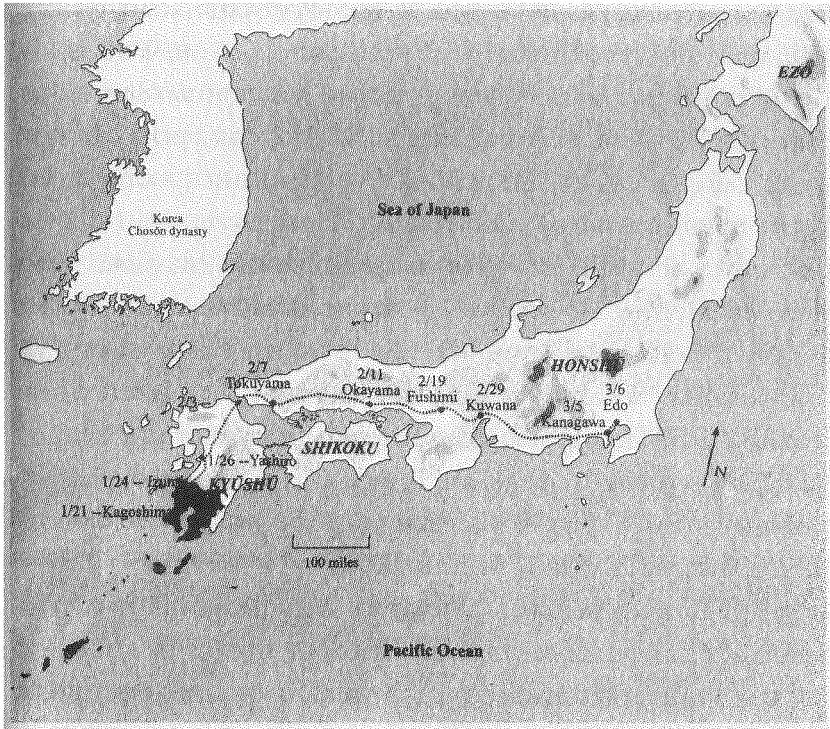
Этот разрыв между провинциальной и столичной культурой затрагивал и многих вассалов. У тех из них, кто подолгу жил в Эдо, вырабатывался широкий взгляд на общенациональные проблемы. Их понимание политики было сфокусировано скорее на сёгунате, чем на деталях внутренней политики их собственного княжества. Вассалы, проживавшие в Эдо, косвенно испытывали на себе результаты своей домашней политики. Например, они понимали, что плохой урожай означает сокращение расходов на содержание резиденций в Эдо. Но главное, они имели более четкое представление о положении их даймё относительно других феодальных правителей и самого сёгуна. Сайго, будучи чиновником налогового управления, имел лишь самое смутное представление о пропасти, разделяющей культуры Эдо и Кагосима. Таким образом, его акклиматизация к столичной жизни была хотя и трудной, но весьма полезной.

Хотя сам Сайго не вел дневник, вассал высокого ранга Ямада Тамэмаса подробно записал все детали путешествия 1854 года в Эдо. Как многие высокопоставленные вассалы, Ямада имел изысканный вкус. Его дневник содержит подробные описания тех местных деликатесов, которые ему удалось отведать в каждом из крупных населенных пунктов, расположенных вдоль главных почтовых дорог. Но его дневник также является косвенной хроникой жизни Сайго, с помощью которой мы можем узнать, где Сайго находился и что он делал день за днем. Посольство покинуло Кагосима в ясную погоду, 21/1/1854, около шести утра. Нариакира несли в паланкине, но большинство его вассалов, в том числе и Сайго, шли в Эдо пешком, и таким образом они проделали

путь длиною более девятисот миль. 24/1 процессия, преодолевая за день около двадцати миль, прибыла в город Идзуми, расположенный на северной границе княжества Сацума. На следующий день, несмотря на снег и необычный для этого времени года холод, процессия вышла затемно и продолжила свой путь на север. В то же утро они пересекли границу княжества Куамото, и Сайго впервые в своей жизни оказался за пределами Сацума. На протяжении всего путешествия к процессии направлялся почти непрерывный поток посланников и визитеров. Местные правители и торговцы подносили в подарок изысканные яства, сладости и напитки. Почти каждый день прибывали гонцы с новостями от сацумских чиновников из Эдо и Кагосима, а также с приветствиями и новостями от других правителей. Большая часть этого трафика не содержала ничего особенного и проходила для посольства почти незамеченной. Однако 1/2 даймё получил тревожную новость о том, что у побережья Урага, всего лишь в нескольких милях от замка Эдо, появились иностранные военные суда. Двумя днями позже процессия пересела на корабли в Кокура, пересекла пролив Симоносэки и прибыла на главный остров Хонсю; это был первый раз, когда Сайго покинул свой родной остров. Посольство продолжило свой путь в восточном направлении и 19/2 остановилось в Фусими, на окраине Киото. Двумя неделями позже процессия остановилась для отдыха в Канагава, где у нее появилась возможность воочию увидеть знаменитые «черные корабли» чужеземцев. Посмотрев на восток, в сторону Тихого океана, Сайго мог лично убедиться в серьезности внешнеполитического кризиса, который в конечном итоге помог разрушить сёгунат.

«Черные корабли» были частью флота коммодора Мэтью Перри, вернувшегося потребовать от сёгуната заключения торгового договора с Соединенными Штатами. Миссия Перри была кульминацией длительного процесса оказания давления на Японию американцами и европейцами. Большую часть девятнадцатого века Япония сводила к минимуму прямые контакты с западным миром. Напротив, в начале шестнадцатого столетия Япония вела интенсивную торговлю с Испанией, Португалией, Голландией и Англией, а также со своими азиатскими соседями. Одно время японский экспорт серебра составлял 30 процентов от объема общемирового производства, и страна также была крупным экспортером оружия. Однако в 1630-х Япония резко ограничила контакты с внешним миром. Японским купцам, находившимся за морем, было приказано вернуться, и сёгунат запретил строительство океанских судов. Торговля с Европой сократилась до минимума. Миссионерская деятельность испанцев и португальцев встревожила сёгунат, и они были изгнаны из Японии. Между тем англичане не выдержали конкуренции с голландцами и удалились из Японии по финансовым причинам. В результате этих событий голландцы, чье местопребывание было ограничено искусственным островом Дэсима в бухте Нагасаки, получили де-факто монополию на торговлю с Японией.

Первые сёгуны Токугава не пытались ясно сформулировать общую политику торговли с Европой. Их действия были обусловлены скорее насущными, прагматическими соображениями, связанными с контролем миссионерской деятельности и регулированием внешней

Путешествие Сайго в Эдо, 1854

[названия на карте, сверху] — Корея; Японское море; Хоккайдо
 [в центре, сверху вниз, слева направо] — 21/1 — Кагосима;
 24/1 — Идзуми; *КЮСЮ*; 26/1 — Ясиро; *СИКОКУ*; 7/2 — Токуяма;
 11/2 — Окаяма; 19/2 — Фусими; 29/2 — Кувана; 5/3 — Канагава;
 3/6 — Эдо; *ХОНСЮ*
 [внизу] — Тихий океан

торговли. Но последующие поколения интерпретировали эти директивы как отказ от всех контактов с Западом, за исключением голландской концессии в Нагасаки. К 1790-м сёгунат уже говорил о «древней» традиции ограничения контактов с Западом. Эта новая «древняя» политика принесла сёгунату серьезные неприятности. Когда влияние Голландии в Восточной Азии иссякло,

Япония столкнулась со все более агрессивными требованиями со стороны Соединенных Штатов, России и Великобритании. В 1790-х русские исследователи начали бороздить воды Хоккайдо, и в 1792 году российский двор официально потребовал от Японии заключения торгового договора. Сёгунат ответил отказом, но русских это не смутило, и они продолжили оказывать на него давление. В 1807 году произошло столкновение между русскими и японскими войсками. Надвигающийся военный конфликт между Россией и Японией остановили наполеоновские войны, но опасный прецедент уже был создан. Поведение Британии было не менее угрожающим. В 1808-м британский фрегат «Фазтон» зашел в бухту Нагасаки под голландским флагом, а затем, под предлогом ведения наполеоновских войн, похитил голландских чиновников и угрожал поджечь голландские корабли. Инцидент был решен без дальнейшего насилия, но в результате чиновники сёгуната стали с большим подозрением относиться к намерениям Британии. В 1825 году, после того, как моряки с британского корабля сошли на берег в княжестве Мито в поисках провизии, сёгунат издал эдикт о действиях «без долгих размышлений». Отныне местные власти должны были топить любые иностранные корабли, приблизившиеся к японским берегам, даже если это означало случайное уничтожение китайских, корейских или голландских судов. Война была лучше, чем торговля.

Когда сёгунат узнал о поражении Китая в первой «опиумной» войне (1839—1842), он отменил эдикт и призвал местных чиновников оказывать помощь западным кораблям, потерпевшим бедствие. Однако это уже

не могло предотвратить приближающийся кризис. «Опиумная» война заставила японских чиновников и интеллектуалов остро осознать все ужасы империалистической «свободной торговли»: чтобы защитить своих торговцев, Британия вынудила Китай легализировать импорт опиума — продукта, запрещенного в самой Британии. Горстка прогрессивных японских мыслителей теперь отчетливо понимала, что Японии потребуется западное оружие, чтобы отразить западную агрессию. Победа Британии над Японией убедила их в том, что Японии необходимо приобрести, за счет торговли, это грозное оружие.

Лидеры Сацума прекрасно осознавали как выгоды, так и опасности международных отношений. Княжество получало большую выгоду от внешней торговли через Рюкю, но теперь ему приходилось противостоять французским и британским посланникам, требовавшим заключения торговых договоров. Эти требования угрожали разрушить сложную, но стабильную систему договоренностей во внешней политике. Острова Рюкю фактически находились под контролем Японии, но Китай рассматривал царство Рюкю как самостоятельное государство и считал местного правителя вассалом императора из правящей династии Цин. Таким образом, в зависимости от точки зрения, царство Рюкю можно было рассматривать как вассальное государство Сацума, как вассальное государство сёгуната, как вассальное государство Китая или как независимое царство. Эта уловка предоставляла княжеству Сацума доступ на восточно-азиатские рынки через царство Рюкю и в то же время предупреждала территориальный конфликт между Япо-

нией и Китаем. Однако требования, которые предъявляли к княжеству французы и британцы, угрожали предать эти соглашения широкой огласке. В контексте современной европейской дипломатии царство Рюкю не могло быть одновременно китайским, японским и независимым.

Однако в конечном итоге Японию для западной торговли «открыли» не британцы, не французы, не русские, а Соединенные Штаты. Интерес американцев к Японии был разожжен несколькими обстоятельствами, в числе которых были присоединение Калифорнии в 1848 году и сокращение численности китов в водах Атлантики. Американские военные стратеги надеялись использовать японские порты и обильные запасы японского угля для заправки растущего военного флота паровых судов. Китобои были заинтересованы в ведении промысла в северной части Тихого океана, и, кроме того, существовал общий интерес к торговле как с Японией, так и с Китаем. Установление торговых и дипломатических отношений с Японией также соответствовало более широким американским амбициям заявить о себе как о могущественной тихоокеанской державе.

В 1846 году первая американская экспедиция, которую возглавлял Джеймс Биддли, наткнувшись на стандартные отговорки сёгуната, была вынуждена отправиться домой ни с чем. Биддли пытался проводить американскую политику, используя подчеркнуто миролюбивый тон. Когда агрессивный самурай сбил его с ног, он сохранил спокойствие и не потребовал компенсации. Однако сёгунат увидел в его действиях слабость, а не терпимость. В 1849 году Соединенные Штаты подпи-

сали общее соглашение о репатриации американских моряков, потерпевших кораблекрушение, но там ничего не говорилось о заправке и снабжении судов, дипломатическом признании или торговле. Неудача этих миссий определила стратегию коммодора Перри, последователя Биддли, который решил сломить сопротивление сёгуната, не прибегая к войне. 3/6/1853 (8 июля) Перри, прибегнув к хорошо рассчитанному акту устрашения, ввел в залив Эдо эскадру из четырех военных судов. Флагманский корабль Перри, пароход «Саскуэханна», представлял собой образец последних достижений в искусстве кораблестроения. При водоизмещении более 2400 тонн он соответствовал по меньшей мере пятнадцати японским кораблям, собранным вместе. «Саскуэханна» и «Миссисипи» (1700-тонный пароход) вошли в залив Эдо на скорости около девяти узлов, оставив далеко позади весь военный флот сёгуната. Чиновники сёгуната были поражены мощным вооружением этих кораблей. Кагава Эйдзаэмон, судебный чиновник из Урага, насчитал около семидесяти крупнокалиберных орудий. По берегам залива Эдо у сёгуната было расположено около ста пушек, но лишь одиннадцать из них имели сравнимый калибр. Четыре корабля эскадры Перри превзошли своей огневой мощью всю береговую артиллерию верховного правителя Японии. Сёгунат был вынужден принять просьбу президента Милларда Филлмора о заключении торгового договора с Соединенными Штатами. Перри «вторгся» в Японию без единого выстрела.

Доставив письмо Филлмора, Перри покинул залив Эдо с обещанием вернуться на следующий год. Его ви-

зит поставил сёгунат в весьма затруднительное положение. Сёгунат мог отклонить требование американцев о заключении договора, но только рискуя вступить в прямое военное противостояние. Перспектива сражения с американским флотом выглядела крайне непривлекательно, учитывая подавляющую огневую мощь маленькой эскадры Перри. Но альтернатива выглядела ничуть не лучше. Как мог сёгунат резко отказаться от «древней» политики самоизоляции, не признавшись открыто в своей военной слабости? Сёгунат столкнулся с этой дилеммой в особенно трудный момент, поскольку правящий сёгун, Токугава Изёси (1793—1853), находился при смерти и не мог лично справиться с кризисом. Эта задача легла на плечи Абэ Масахиро, даймё Фукуяма и председателя совета старейшин сёгуната. Столкнувшись с двумя одинаково неприемлемыми альтернативами, Абэ решил посоветоваться с другими даймё. Это было разумное решение: поскольку тяжесть мобилизации войск легла бы в основном на плечи даймё, Абэ, вполне обоснованно, требовалось услышать их мнение. Абэ также чувствовал, что любое решение встретит самое ожесточенное сопротивление, и он хотел создать для себя политическое прикрытие. Однако, несмотря на всю свою практичность и разумность, решение проконсультироваться с даймё являлось беспрецедентным. Правительство сёгуна, которое традиционно командовало даймё во время войны, теперь спрашивало мнение этих людей по вопросу, связанному с национальной безопасностью. Что хуже, даймё не дали Абэ четкого совета. Из сохранившихся записей нам известно, что большинство высказались за противоречивые цели, со-

стоявшие в том, чтобы отказаться от заключения договора и в то же время избежать вооруженного конфликта. Единственный консенсус был достигнут в негативном отношении к войне, к которой большинство даймё были не готовы. В свете этого нежелания сражаться Абэ решил, по возвращении Перри, подписать договор, ограничив его, насколько это будет возможно.

Однако, когда 16/1/1854 (13 февраля) Перри вернулся, он повысил ставку. Его флот увеличился по сравнению с предыдущим годом, и в нем теперь насчитывалось три парохода («Паухэтан», «Саскуэханна» и «Миссисипи») и четыре парусных судна. Сёгунат ожидал, что Перри остановится в Урага, маленьком порту у входа в залив Эдо, где он стоял на якоре в 1853 году. Однако корабли Перри миновали Урага и направились прямо к замку Эдо. Сёгунат отчаянно пытался остановить его, но коммодор, так же как и в 1853-м, использовал ненасильственное устрашение. Уверенный в военном превосходстве своего флота, он проигнорировал требования сёгуната и бросил якорь у деревушки Йокохама. Предприняв несколько бесплодных попыток вернуть Перри в Урага, японские чиновники смирились и 10/2/1854 начали с ним официальные переговоры. Агрессивное, но ненасильственное прибытие Перри определило тон этих переговоров. Сёгунат согласился подписать основной договор, позволяющий американским кораблям пополнять запасы топлива и продовольствия, но надеялся уклониться от заключения каких либо соглашений в области торговли. Перри, со своей стороны, был преисполнен решимости заключить торговый договор. В конце концов обе стороны пришли к компромиссу: сёгунат открыл для американских кораб-

лей отдаленные порты Хакодате и Симода и согласился принять американского консула для ведения дальнейших переговоров, в то время как Перри отказался от своих требований об установлении полномасштабных торговых связей. Договор был подписан 31 марта (3/3/1854), за два дня до того, как Сайго увидел флот Перри. Сёгунат сумел пережить серьезный кризис. Но ущерб, нанесенный режиму, имел долговременное воздействие. Верховный военный правитель Японии сдался американцам без единого выстрела.

Сайго проявил удивительную прозорливость в отношении этих событий. В письме, датированном 28/5/1853, то есть всего лишь несколькими днями до первого визита Перри, Сайго писал, что поскольку иностранные корабли уже подходят к берегам Рюкю, то в самом ближайшем времени за ними должны последовать и другие. Он предполагал, что к Сацума могут обратиться с просьбой оказать помощь в защите Эдо и Нагасаки. Связь Сацума с Рюкю позволяла Сайго лучше понимать западную угрозу. Покинув Эдо в 1853 году, эскадра Перри дошла лишь до Гонконга, а в 1854-м, на обратном пути в Эдо, она на месяц остановилась у берегов Рюкю. Сайго мог узнать о внешнеполитических проблемах от своего друга Окубо, отец которого принимал непосредственное участие во взаимоотношениях с Рюкю. Но хотя Сайго пересказал визит Перри, он не видел западных кораблей до своего визита в Канагава. Для Сайго «черные корабли» из эскадры Перри стали первым физическим доказательством существования высокоразвитой цивилизации за пределами Азии. Он предвидел западную угрозу, но теперь она материализовалась перед его глазами.

Столица сёгуната

6/3 Нариакира со всей своей свитой прибыл в Эдо. Даймё направился на свою виллу в Таканава, в то время как остальная часть процессии продолжила свой путь до резиденции княжества, прибыв туда около 14:00. Для самураев, которые регулярно сопровождали даймё, это был долгожданный конец долгого путешествия; они снова оказались «дома». Как написал Ямада в своем дневнике: «Мы поздравили друг друга и на этом временно распрощались. Скоро мы снова соединимся в единую семью и будем наслаждаться вином и хорошим угощением». Однако для Сайго это был опыт совершенно иного рода. Кроме того, что он не мог считать Эдо своим «домом», это был самый большой и самый космополитический город в Японии.

Масштаб столицы сёгуната, скорее всего, превосходил все, что только мог себе представить Сайго. К 1731 году в Эдо уже проживало более одного миллиона человек, что примерно в пятнадцать раз превышало численность жителей Кагосима и почти в два раза — все население княжества Сацума. Около половины этих людей были торговцами и ремесленниками, что делало Эдо уникальным центром потребительской культуры. К началу восемнадцатого века город ежегодно импортировал около 800 000 бочонков sake, более 100 000 бочонков соевого соуса и до 18 миллионов вязанок дров. Кроме того, к этому времени в Эдо насчитывалось несколько десятков театров, более 600 книжных лавок и более 6000 ресторанов. Город одновременно являлся центром высокой культуры и явного декадентства, откуда вели свое происхождение все модные нововведения в прозе, поэзии, театре, еде и одежде. Разумеется, Эдо не был

единственным крупным городом Японии и даже единственной японской столицей. Император жил в Киото, городе, который оставался центром традиционной культуры. Экономически главным конкурентом Эдо был город Осака, ввиду своего большого значения для торговли рисом, известный как «кухня страны» (*тэнка но дайдокуро*). Но хотя Осака являлся крупным деловым и финансовым центром, его политическое значение было небольшим. Киото, несмотря на свою важную роль для императорской политики и высокой культуры, имел лишь второстепенное значение для коммерции. Напротив, Эдо был важен почти во всех аспектах: это был центр культуры, торговли, политики и новых идей.

Политическая, экономическая и культурная роль Эдо находились в тесной взаимосвязи. Чтобы оплачивать расходы на проживание в столице, даймё и их вассалам требовались услуги оптовых торговцев. Эти торговцы получали из княжеств крупные партии товара, чаще всего риса, и продавали его на рынках Эдо, Киото и Осака. После вычета процента за свои услуги они отправляли выручку, в золоте или серебре, официальным представителям княжества в Эдо. Эта простая функция имела критическое значение для системы *санкин кодай*, поскольку они не смогли бы удовлетворять свои потребности в Эдо без наличных денег. На самом деле оптовые торговцы начали исполнять роль банкиров. Они выдавали княжествам деньги под процент, принимая в качестве обеспечения урожай будущего года. Благодаря системе *санкин кодай* Эдо быстро вырос до главного конкурента Осака в качестве коммерческого и финансового центра.

Регулярное присутствие в столице японского сёгуна-та воинской элиты привело к появлению удивительной культуры потребления. В культуре Эдо, которую достаточно обоснованно сравнивают с придворной культурой Версаля, даймё тратили неординарные ресурсы и усилия на политически мотивированные развлечения. К началу восемнадцатого века собрания в Эдо стали средствами публичной демонстрации культуры, воспитания и утонченности. Даймё конкурировали друг с другом, стремясь заручиться услугами самых известных мастеров чайной церемонии, ландшафтных дизайнеров, исполнителей баллад, поэтов и актеров. В их среде также существовал большой интерес к иностранным вещам. Так, например, в 1824 году дедушка Симадзу Нариакира, Сигэхидэ, желая произвести впечатление на директора сёгунской академии, устроил роскошный китайский пир из тринадцати перемен блюд, на котором гости могли отведать более пятидесяти отдельных яств.

Судя по всему, Сайго был ошеломлен волнующим многообразием этого огромного города. В своем первом сохранившемся письме из Эдо, адресованном его дядям по материнской линии, Сайго описывает утонченный характер своих новых друзей и пытается заверить свою семью в том, что он не станет жертвой столичных соблазнов. По его словам, он общается только с хорошими людьми. Отчасти противореча самому себе, далее Сайго заявляет, что в отличие от других своих знакомых, впервые оказавшихся в Эдо, он не посещает бордели в районе Синагава. Ближайшими новыми друзьями Сайго были люди схожего ранга и происхождения: Ояма Цунаёси, Кабаяма Санэн и Каэда Нобуёси. Эти трое прибыли в Эдо в 1852 году в качестве при-

служников на чайной церемонии, хотя их действительные обязанности имели мало общего с чаем. Как и Сайго, они были личными помощниками Нариакира, людьми, чей низкий ранг позволял им встречаться с даймё без соблюдения протокола формальной аудиенции.

С помощью Кабаяма Сайго познакомился с бурной интеллектуальной жизнью Эдо. Хотя Сайго изучил и прочитал почти все, что было для него доступно в Кагосима, Эдо представлял собой совершенно иной мир. В течение ближайших нескольких месяцев Сайго был полностью захвачен тем, что для него являлось совершенно новой идеологией: учением Мито (*Мито гакуха*), или «исторической школы». Знакомство Сайго с учением Мито в 1854 и 1855 годах полностью изменило его взгляды на мир.

Учение Мито представляло собой политическую школу, созданную приверженцами императорской власти из княжества Мито, правители которого находились в родственных отношениях с домом Токугава. Даймё Мито были потомками Токугава Иэясу, правда, через его одиннадцатого сына, Ёрифуса, а не главного наследника Хидэтада. Это означало, что княжество Мито, в случае кризиса наследования, могло предоставить законного наследника из сёгунского рода, и в силу этого обстоятельства дом Мито обладал особым статусом среди даймё. Однако, учитывая их близкую связь с домом сёгуна, достаточно парадоксально, что именно адепты учения Мито выступили в защиту института монархической власти, провозгласив императора мистическим и символическим воплощением всей японской цивилизации. С современной точки зрения это был абсолютно самоубийственный проект, поскольку после-

дователи «исторической школы» выступали за суверенитет императора, которого в 1868 году вернули к власти, чтобы сокрушить сёгунат, а в 1870-х использовали для оправдания упразднения всех княжеств, включая Мито. Но учение Мито казалось совершенно разумным в контексте политики и философии феодальной Японии. Его последователи говорили, что император должен «скорее царить, чем управлять». Во всем учении Мито ничего не говорилось о том, что вместо сёгуна должен править император. Его философия скорее предполагала правление воинов во имя императора. Это предложение имело хорошо обоснованный исторический прецедент: императорский дом был, по сути, лишен реальной власти с 800-х годов. Сёгуны из рода Токугава номинально считались слугами императора, но на практике они отдавали приказы императорскому дому.

Чтобы подчеркнуть роль сёгуна в качестве императорского слуги, апологеты учения Мито старались усилить, а не подорвать легитимность сёгуна. Их программа была основана на религиозной ауре императора. Согласно учению Мито, императорская династическая линия простиралась непрерывно до зари времен. Император был прямым потомком богини солнца, Аматэрасу, и поэтому его власть была божественной и трансцендентной. Основываясь на своем божественном происхождении, последователи Мито утверждали, что японская политика получит прилив новых сил за счет почитания императора. Сёгун был законным правителем не только потому, что он победил всех соперников, но также и потому, что он являлся слугою императора. Точно так же легитимность власти даймё основывалась

на том, что они были слугами слуги императора. Сама богиня солнца обязывала простолюдинов повиноваться своим даймё.

Исходя из своей веры в божественность императора, последователи «исторической школы» выступали за минимум контактов с Западом и еще большее усиление запретов сёгуната на внешнюю торговлю. Их враждебное отношение к торговле с Западом проистекало из страха духовного осквернения. Ничто не могло подорвать национальное единство эффективнее, чем иностранная религия, а все, что проникало в Японию с Запада, было пропитано христианством. Ведущий идеолог «исторической школы» 1850-х, Фудзита Токо, верил в то, что все западные книги несут в себе скрытое христианское послание. Последователи учения Мито постоянно подчеркивали превосходство духовного над материальным. Накануне визита Перри даймё Мито, Токугава Нариаки, заявил, что сёгунату следует опасаться мира больше, чем войны. Открытый конфликт, писал он, гальванизирует воинское сословие и «многократно повысит моральный дух страны». Получив такую мотивацию, японцы смогут изгнать всех чужеземцев. Нариаки признавал превосходство западного оружия, но при этом он, как и Токо, считал, что определяющее значение в конфликте будут иметь моральный дух и тактика, а не техника. Люди, вдохновленные сражаться за свои принципы, выстоят в сражении с западными войсками, и то, чего японцам не хватает в области техники, можно будет восполнить за счет стратегии. Западные военные корабли, несомненно, обладают большим превосходством, но чтобы атаковать Японию, чужеземцам потребуются высадиться на берег. Как только они окажутся на суше, их

преимущество исчезнет, и отважные самураи, вооруженные мечами и копьями, сметут их обратно в море. Мыслители «исторической школы» не отрицали преимуществ западной технологии, но они сомневались в том, что технология стоит риска интенсивных контактов с иностранцами.

С современной точки зрения учение Мито кажется наивным и нетерпимым ко всему иностранному. Его последователи использовали воображаемое прошлое, чтобы с его помощью противостоять хаотичному и угрожающему настоящему. Но Сайго, как и многие его современники, находил учение Мито вдохновляющим и захватывающим. Благодаря приверженности этого учения существующему классовому порядку оно казалось знакомым и удобным, а привлечение богини солнца наделяло его консервативное содержание живостью и энергией. На протяжении нескольких лет социальная и интеллектуальная жизнь Сайго в Эдо вращалась вокруг учения Мито, и в ходе своих интеллектуальных поисков он встречался с самураями из разных уголков Японии. Сайго принимал участие в регулярных семинарах, которые посещали самураи из северо-восточных княжеств Этидзэн и Мито и юго-западных княжеств Кумамото и Янагава. Все они, по словам Сайго, были «преданными сторонниками учения Мито». У Сайго также сложились тесные личные отношения с двумя ведущими мыслителями «исторической школы» — Фудзита Токо и Тода Тюдайи. В часто цитируемом письме он описывает слушание Фудзита Токо как почти трансцендентный опыт. Это было, пишет он, «все равно, что искупаться в чистой родниковой воде: все неприятности и тревоги исчезли, и мой разум стал тихим и безмя-

тежным». Такое же большое впечатление произвел на Сайго даймё Мито, Токугава Нариаки, вассалом которого был Фудзита. «Я являюсь таким горячим сторонником Нариаки, — писал он с осознанной гиперболичностью, — что, если его светлость возглавит выступление против чужеземцев и даст сигнал к атаке, я брошусь вперед без малейших колебаний». Эти ранние письма позволяют нам понять идеи и устремления, которые сформировали жизненную позицию Сайго. Он искал трансцендентной внутренней ясности, которую связывал с отстранением от повседневных практических забот. В момент истинной ясности сознания, считал Сайго, инстинкт является лучшим проводником, чем логические рассуждения. Хотя до нас дошли лишь немногие из ранних писем Сайго, тем не менее не вызывает никаких сомнений то, что встреча с Токо стала для него поворотной точкой. До встречи с Токо Сайго не писал об императоре и не называл Японию «землей императора». После этой встречи Сайго регулярно упоминал институт императорской власти, чтобы сформулировать свои мысли и действия.

Господин Сайго, Нариакира, не проявлял особого беспокойства из-за его связей с другим княжеством. Хотя все княжества были потенциальными политическими соперниками, Нариаки и Нариакира заключили союз. Как и Нариаки, Нариакира был сторонником усиления роли императора в японской политике. Их позиции различались в вопросах внешней торговли, поскольку Нариакира был в значительно большей степени впечатлен западной технологией, чем правитель Мито. Но Нариакира тем не менее разделял подозрительное отношение Нариаки к требованиям Запада. На-

риакира хотел получить доступ к западной технологии, но без подписания унижительного торгового договора. Это привело к формированию стратегического союза Сацума и Мито, и в 1853 году Нариакера выдвинул Нариаки на должность специального советника сёгуната по вопросам национальной обороны.

Интеллектуальная связь Сайго с учением Мито не ослабила его преданности собственному господину. Будучи ярким приверженцем политики княжества, он активно искал способы, которые помогли бы низвергнуть политических врагов Нариакера. Его письма свидетельствуют о почти слепой преданности Нариакера. Например, 8/1854 он заявил о том, что готов умереть, лишь бы отомстить за своего господина. Поводом для такого заявления стала еще одна загадочная семейная трагедия: в предыдущем месяце Нариакера и его сын Торадзюмару заболели дизентерией. Хотя сам Нариакера постепенно поправился, участь Торадзюмару оказалась более печальной. Единственный выживший сын Нариакера умер 24/д7/1854 в возрасте пяти лет. Сайго был переполнен горем. «Я не могу углубляться в детали, — писал он своему другу Фукусима Дзода, — поскольку мои слезы достигают бумаги раньше кончика кисти». Как и многие союзники Нариакера, Сайго подозревал заговор. Поскольку Торадзюмару был последним выжившим сыном Нариакера, его смерть значительно повышала шансы на то, что наследником Нариакера станет сын Хисамицу или он сам. Учитывая эти политические обстоятельства, Сайго пришел к выводу, что болезнь была делом рук Юра. Он был в ярости: «В глубине сердца я сожалею о том, что живу, и весь пылаю от гнева». Он объявил о том, что с радостью умрет, если

только сумеет уничтожить Юра и «избавить страну от поразивших ее бедствий». Клятва Сайго свидетельствует о влиянии учения Оёмэй. Сокрушив Юра, Сайго надеялся «достичь великого покоя смерти и воспарить на небеса». Идея, согласно которой Сайго мог достичь трансцендентного покоя за счет совершения акта чистой добродетели, была полностью основана на философской традиции школы Оёмэй. Но страстная преданность Сайго не ограничивалась проблемами его господина. Когда в 1856 году стало известно, что любовница Нариакира забеременела, Сайго горячо молился о рождении здорового сына. Он поклялся соблюдать монашеский обет целомудрия в случае рождения потенциального наследника. В мрачном письме своим дядям он говорит о преданности господину, которая определяет весь его жизненный путь: «Я буду хранить эту клятву с полной искренностью до тех пор, пока дышу, и хотя мне кажется, что мне осталось жить не более двух-трех лет, я от всей души надеюсь, что перед смертью успею увидеть рождение наследника моего господина».

Несмотря на почти единодушие во взглядах Нариаки и Нариакира, Сайго в конечном итоге оказался в политически неудобном положении. Это произошло накануне кризиса из-за наследования титула сёгуна. Спор из-за наследования был вызван ухудшением здоровья Иэсада Токугава (1824—1858), тринадцатого сёгуна из рода Токугава. Иэсада стал сёгуном в 1853 году, всего лишь через несколько дней после отбытия Перри. Хотя Иэсада стал сёгуном в двадцать девять лет, он страдал физической немощью, не мог ясно говорить или сидеть прямо даже на протяжении получаса. Современные ис-

следователи предполагают, что он страдал от эпилепсии. Кроме того, у него не было детей, и казалось крайне маловероятным, что он когда-нибудь сумеет произвести на свет сына. В силу данных обстоятельств вопрос о назначении наследника приобрел первостепенное значение. В обычных условиях этот вопрос был бы решен прямолинейно. Хотя Иэсада не имел сына, у него был двоюродный брат, Токугава Иэмоти, сын даймё княжества Кии. Но хотя Иэмоти обладал безупречной родословной, он не мог, в возрасте восьми лет, внушать уверенность в качестве верховного правителя Японии. Выбор Иэмоти в качестве наследника на практике означал бы передачу всей полноты власти административному аппарату сёгуната. Иэмоти был бы назначен регентом, а реальная власть оказалась бы в руках высокопоставленных даймё *фудай* из совета старейшин сёгуната. У такого соглашения уже имелся исторический прецедент, и Иэмоти пользовался широкой поддержкой сторонников сёгуната. Однако, по мнению многих самураев, приближающийся внешнеполитический кризис требовал нового подхода. Японии требовался лидер, который мог бы самостоятельно проводить встречи с иностранными посланниками. Кроме того, коллегиальное правление вряд ли способствовало бы проведению реформ, необходимых Японии для достойного ответа на иностранную угрозу. Исходя из этих соображений, недовольные даймё выдвинули альтернативную кандидатуру — Хитоцубаси Кэйки, седьмого сына даймё Мито Токугава Нариаки.

Кэйки был зрелым, здоровым, интеллигентным мужчиной, и эти достоинства стали ключевыми аргумента-

ми в пользу его кандидатуры. Сторонники Кэйки говорили, что сложившаяся обстановка требует «зрелого», «здорового» и «популярного» сёгуна. Этот образ вызывал симпатии у многих даймё. Однако союзники Кэйки представляли собой разрозненную группу, имевшую внутренние разногласия по многим важным вопросам. Одним из главных сторонников Кэйки был его отец, Нариаки. Он рассматривал кандидатуру Кэйки как возможность продвижения собственных взглядов на внешнюю политику, основанную на принципе максимально строгой изоляции. Но Кэйки поддерживали и даймё с более современными взглядами на внешнюю торговлю, такие, как Симадзу Нариакира, Ямаути Ёдо из Тоса и Набэсима Наримаса из Сага. Этим правителей объединяло то, что все они имели статус *тодзама*, который не позволял им занимать посты в административном аппарате сёгуната. Они выступали в поддержку Кэйки, потому что связывали с ним надежды на более открытое правительство и радикальные реформы. Они считали, что стоящие перед Японией проблемы требуют нового уровня национального единства. Сёгунат не сможет мобилизовать Японию на борьбу с западным империализмом, если при этом будет держать на расстоянии вытянутой руки ее самых могущественных феодальных правителей только потому, что они обладают статусом *тодзама*. Союзники Кэйки из группы *тодзама* высказывались за формирование того, что сейчас можно было бы назвать правительством национального единства, члены которого, забыв про старые разногласия, дружно работают над реализацией одной общей цели. Могущественные правители, такие, как Симадзу Нариакира и

Хитоцубаси Кэйки

Набэсима Наримаса, должны получить ведущие посты в кабинете сёгуната, после чего новая администрация возродит японскую армию и пересмотрит договоры с западными странами.

Главные реформаторы в администрации сёгуната также склонялись в пользу кандидатуры Кэйки. Абэ Ма-сахирос, глава совета старейшин сёгуната, считал, что Японии нужно заключить соглашение о торговле с западными странами, чтобы избежать катастрофических последствий войны. Он рассматривал кандидатуру Кэйки как способ получить политическое прикрытие для непопулярного решения. Таким образом, несмотря на свой статус *фудай*, Абэ поддерживал Кэйки. Но стремление Абэ заручиться поддержкой для заключения договоров делало его противником Токугава Нариаки, отца Кэйки, который был убежденным сторонником политики изоляционизма. Короче говоря, хотя большинство сторонников Кэйки поддерживали его, как энергичного лидера, открытого для посторонних советов и радикальных реформ, между ними не существовало согласия по поводу самых важных и безотлагательных вопросов внешней политики. Результатом стали их непрочный, вынужденный союз и непоследовательная кампания по реформированию сёгуната.

Сайго на себе испытал это столкновение конфликтующих интересов. Он был впервые вовлечен в спор из-за наследования в 1856 году, через своих друзей из княжества Мито. Чувствуя, что Сайго обладает определенным влиянием на своего господина, они попросили его повлиять на Нариакира, чтобы тот оказал поддержку Кэйки. Эта просьба насторожила Сайго, но тем не менее он ответил на нее согласием. Он рассматривал возложенную на него задачу как способ отблагодарить своих учителей из Мито, Фудзита Токо и Тода Тюдайи. Они оба погибли 10/1855 во время землетрясения, и

Сайго хотел отплатить своим интеллектуальным наставникам, выступив в поддержку начатого ими дела. Судя по всему, Сайго не осознавал до конца все последствия данного им обещания. Он обязался оказывать давление на своего господина в интересах «посторонней» силы.

12/4/1856 Нариакера вызвал Сайго на аудиенцию. Сайго был взволнован оказанной ему честью, но тут же собрался, подготовившись к трудному разговору. Оказание давления на своего господина в интересах княжества Мито вполне могли расценить как заносчивость или даже как предательство. Когда Сайго впервые затронул беспокоящую его тему, Нариакера никак не прореагировал. Это усилило беспокойство Сайго. Через месяц в письме, адресованном Ояма, он вспоминал, как разрывался между чувством почтения к своему господину и обязательствами перед друзьями из Мито. «Что, — писал он, — если я попытался бы уговорить его светлость два или три раза, а он в конечном итоге решил бы по-другому? В таком случае я потерял бы лицо перед своими товарищами из Мито». Во время аудиенции Сайго так сильно переживал, что испытывал сильное стеснение в груди и его голос заметно дрожал. Затем Нариакера открыл, что он сам одним из первых начал оказывать поддержку Кэйки. Нариакера работал с Мацудайра Сунгаку над продвижением кандидатуры Кэйки, но он не поставил об этом в известность Нариаки. Поскольку Сунгаку и Нариакера работали независимо от собственного отца Кэйки, Сайго оказался между ними в роли ненужного «посредника».

Таким образом, кризис лояльности Сайго разрешился гораздо проще, чем он осмеливался надеяться. Но его беспокойство и дрожащий голос свидетельствуют о глубоком внутреннем конфликте. Как Сайго мог одновременно служить своему господину и княжеству Мито? Дилемма Сайго отражала противоречие, содержащееся в самой основе самурайского чувства лояльности. Часть самурайской лояльности была личной, в том смысле, что, как вассалы, они были преданны какому-то конкретному человеку. Выражением этой личной преданности был средневековый обычай *дзунси*, заключавшийся в том, чтобы сопровождать своего господина в могилу. Вместо того чтобы служить другому господину, самураи совершали самоубийство после смерти своего хозяина. Даже в средневековую эпоху *дзунси* обычно требовал предварительного одобрения господина. В 1663 году сёгунат Токугава объявил этот обычай незаконным, но он тем не менее оставался образцом проявления личной преданности. Согласно легенде, сам Сайго думал о том, чтобы совершить самоубийство после смерти Нариакира в 1858 году. Другой аспект самурайской лояльности имел институционный характер, в том смысле, что самурай был предан не только своему господину, но также и «стране» своего господина. Институционная лояльность означала, что самурай мог не соглашаться с решениями своего господина и при этом оставаться лояльным. Вассал имел более высокое предназначение: служить «государству» своего господина и более широким принципам собственности. Эта грань самурайской лояльности основывалась на традициях воинского наследственного права. Хотя *дзунси* демон-

стрировал преданность вассала своему господину, мертвый вассал уже не мог послужить его наследнику. Вассал, преданный дому своего господина, должен больше думать о будущих поколениях, чем об одном конкретном человеке, и ценить потомство господина так же высоко, как и его персону. Этот перенос лояльности с человека на институт означал, что вассалы могли возражать своему господину, если им казалось, что принимаемые им решения угрожают будущему его княжества. Вассал был обязан остановить господина от разбазаривания своего наследства. Институциональная лояльность основывалась также на китайской конфуцианской традиции служения императору. Слуга императора был обязан отговаривать своего повелителя от принятия необдуманных решений, смело указывая ему на его ошибки. Хороший слуга демонстрировал свою преданность повелителю именно тем, что он, рискуя жизнью, выражал несогласие с его ошибочными решениями. В древнем Китае пример такого поведения продемонстрировали братья Бо И и Шу Ци, имена которых были известны каждому самураю. Возмущенные поведением императора, они высказали ему свое несогласие. Император проигнорировал их протест, но, признавая его правомочность, уволил братьев со службы без наказания. Но Бо И и Шу Ци на этом не успокоились. Не желая предавать своего господина, они не стали оспаривать его авторитет. Но в то же время они не желали есть хлеб несправедливого правителя и поэтому удалились в горы, где уморили себя голодом. Именно это сложное чувство долга заставляло дрожать голос Сайго.

Когда Сайго готовился к тяжелому разговору с Нариакира, он больше полагался на свою абстрактную преданность общему делу, чем на лояльность конкретному человеку. Но дело Сайго было связано с институтом более крупным, чем дом Симадзу, и принципом более благородным, чем конфуцианские нормы приличия. Учение Мито привело Сайго к принятию радикальной концепции Японии как земли богов. Служа императору и его государству, Сайго мог не соглашаться с Нариакира и при этом оставаться лояльным. То, что сам Нариакира оказался сторонником Кэйки, стало для Сайго еще одним доказательством легитимности императорской власти. «Даже самые запутанные проблемы нашей страны [Сацума] покажутся не такими сложными, если действовать в интересах всего государства», — писал он Ояма. Кандидатура Кэйки, объяснял он Ояма, была лучшим способом «ускорить реформы сёгуната и послужить земле богов». Таким образом, аудиенция Сайго с Нариакира стала первым случаем, когда он действовал скорее как японский поданный, чем как вассал Симадзу.

В 1856 году Сайго было легко служить сразу «государству» и «стране». «Страной» Сайго была Сацума, а государством — Япония. У императорского государства еще не было ни армии, ни флота, ни казначейства, ни судов, ни своей валюты. «Земля богов» представляла собой привлекательную абстракцию, а не политическое образование. Сайго представлял себе императорскую власть как нечто такое, что сможет объединить сёгунат и княжество, а не как независимое правительство. Этот взгляд на роль императора являлся высшим достижением учения Мито, но как принцип политического уст-

ройства он оказался крайне нестабильным. Император мог содействовать реформам сёгуната только потому, что императорский двор был слишком слаб для того, чтобы выступить в роли альтернативного правительства. Однако, по мере того как императорский двор приобретал все большую власть, это утопическое представление об императорской власти потерпело крах. Не пройдет и десяти лет, как Сайго сам начнет выступать за свержение сёгуната во имя императора.

Доверенное лицо своего господина

Начиная с весны 1856 года Сайго вошел в близкий круг вассалов Нариакира, тех людей, которые были напрямую связаны с решением самых важных вопросов политики и экономики Сацума. Его ранг и стипендия по-прежнему оставались скромными, но он регулярно встречался со своим даймё и стал заметной фигурой в политике княжества. В 1857 году Нагаока Кэнмоцу, высокопоставленный вассал из княжества Кумамото, отметил, что Сайго, «хотя и является чиновником невысокого ранга, получает аудиенции у своего господина», в ходе которых Нариакира делится с ним мыслями о национальной политике. Кэнмоцу также нашел Сайго исключительно преданным, сконцентрированным и не склонным к праздной болтовне. 4/1857 Сайго сопровождал Нариакира в Кагосима, но 10/1857 Нариакира, желавший иметь надежного агента в Эдо, направил его обратно в столицу. Теперь от Сайго ожидалось, что он будет исполнять желания своего господина, находясь от него на расстоянии около тысячи миль. Если бы у Сайго возник вопрос, то ответа на него ему пришлось бы ждать несколько недель. Вассалы Сацума, проживавшие

в Эдо, имели дело с этим временным разрывом на протяжении веков, но ситуация, в которую попал Сайго, была значительно более трудной. Поскольку Нариакира бросал вызов установившемуся порядку, Сайго не мог полагаться на традиционные решения. Вместо этого он должен был угадывать реакцию своего господина на самые непредсказуемые ситуации. Сайго не уклонялся от возложенной на него задачи, но при этом находил свое положение крайне изматывающим. В письме своим дядям от 29/1/1858 он написал: «Последние дни были особенно трудными. Меня непрерывно осаждали люди, желавшие получить четкие указания». Узнав из письма, что его действия совпадали с планами Нариакира, Сайго испытал такое большое облегчение, что «плакал несколько часов».

Вернувшись в Эдо, Сайго начал выполнять тонкую политическую задачу, которая заключалась в оказании влияния на выбор наследника сёгуна по двум направлениям: женские покои сёгуна и императорский двор. В Киото его главным союзником в продвижении кандидатуры Кэйки был Хасимото Санаи, вассал Мацудайра Сингаку. Сайго и Хасимото впервые встретились в 1855 году, но тесное сотрудничество между ними началось только 12/1857, по просьбе их даймё. Нариакира лично дал Сайго указание работать вместе с Хасимото. Нариакира написал Мацудайра Сингаку, что в целях продвижения кандидатуры Кэйки он может считать Сайго своим собственным вассалом. Некоторые считают, что это распоряжение сделало Сайго подчиненным Хасимото, который был на шесть лет его младше. Поначалу Сайго относился к Хасимото с осторожной почтительностью.

Так, например, 14/12/1857 он попросил Хасимото составить описание Кэйки в виде набора «тем для обсуждения», который они смогут использовать, лоббируя его кандидатуру в сёгунате и при дворе. Но очень скоро они стали близкими партнерами. В последующие годы Сайго описывал Хасимото как равного себе по рангу: «Я служил Фудзита Токо как своему господину, но Хасимото я поддерживал как своего товарища». Когда через двадцать лет Сайго принял смерть на склонах Сиroyама, при нем было письмо от Санаи.

Хасимото открыл Сайго совершенно новый взгляд на Японию. Хотя Нариакира, как и Хасимото, высоко ценил достижения западной технологии, он открыто противостоял требованиям Соединенных Штатов о заключении торгового договора. Хасимото же, напротив, утверждал, что Японии нужны такие договоры для получения доступа к западной технологии. Соединив такие традиционные японские добродетели, как человеколюбие, справедливость, преданность и сыновняя почтительность, с иностранной «техникой и технологией», Япония сможет стать серьезной силой в международной политике. Как и Сайго, Хасимото считал себя учеником Фудзита Токо, но отрицал ксенофобию учения Мито. Япония может свободно учиться у Запада, пока она сохраняет собственные культурные традиции. Этот уверенный и оптимистичный взгляд на будущее Японии повлиял на формирование собственных взглядов Сайго. В последующие годы он говорил своим ученикам, что изучение иностранных обычаев будет помогать Японии до тех пор, пока оно сочетается с уважительным отношением к собственным традициям.

В Эдо попытки Сайго продвинуть кандидатуру Кэйки были связаны с третьей женой сёгуна, Ацухимэ, которая была приемной дочерью Нариакира. Женитьба сёгуна на Ацухимэ стала триумфом для Нариакира, итогом многолетних политических интриг. Идея о том, что Иэсада должен жениться на дочери Сацума, впервые появилась на свет в 1850 году, после смерти второй жены сёгуна, но при реализации этого плана Нариакира столкнулся с многочисленными проволочками и широкой оппозицией. Так, например, союзник Нариакира, Токугава Нариаки, считал, что для сёгуна будет позором брать себе невесту из «княжества Сацума, враждебного Иэясу», а не из дружественного воинского дома. Кризис с внешнеполитическими договорами и землетрясение в Эдо в 1855 году также отсрочили этот брак. Наконец, 18/12/1856 Иэсада и Ацухимэ заключили брачный союз. Нариакира с самого начала планировал использовать этот брак для защиты своих политических интересов, и спор из-за наследования показался ему идеальной возможностью проверить эффективность новых связей. Одним из самых рьяных противников Кэйки была мать Иэясу, но теперь у его сторонников тоже появились свои агенты влияния в женских покоях.

Перспектива оказания давления на сёгунат через женские покои поначалу казалась многообещающей. Ацухимэ была ловкой и находчивой, и, кроме того, ей оказывала помощь Икусима, придворная дама, известная своим большим политическим опытом. Говорят, что Икусима сорила деньгами, но при этом обладала тонким чутьем, которое почти всегда позволяло ей распознать тайные замыслы своих противников. Но мать сёгуна, Хондзюин, была не менее грозным противни-

ком. Хотя Хондзюин поддержала женитьбу Иэсада на невесте из Сацума, она упорно сопротивлялась любому внешнему вмешательству в спор из-за наследования. 2/1858 Икусима доложила, что, когда Ацухимэ затронула тему наследования, Хондзюин дала ей решительный отпор. Иэсада еще слишком молод, чтобы беспокоиться о наследнике, а Кэйки слишком стар, чтобы стать приемным сыном, объявила она, и в любом случае этот вопрос не имеет никакого отношения к Симадзу. Ацухимэ проявила упорство и 4/1858 затронула эту тему в разговоре с самим Иэсада. Судя по всему, Иэсада согласился подумать об усыновлении Кэйки, но Хондзюин оборвала разговор, пригрозив совершить самоубийство. Стало ясно, что Сацума не сможет повлиять на спор о наследовании через женские покои.

Когда перспектива использования Ацухимэ отдалась, Сайго сосредоточил свои усилия на императорском дворе. Это был беспрецедентный случай. Никогда раньше императорский двор не вмешивался в спор о наследовании в доме Токугава. Тем не менее сам сёгунат изменил традиции правления Токугава. 12/1857 сёгунат обратился с беспрецедентной просьбой об императорской поддержке во внешней политике и привлек императорский двор к переговорам о торговых соглашениях. Договор Харриса 1858 года, названный так в честь американского консула Таунсэнда Харриса, требовал от Японии открыть несколько портов для торговли с Соединенными Штатами и признать их экстерриториальность. Председатель совета старейшин сёгуната, Хотта Масаёси, не хотел подписывать этот договор, который он считал политически летальным, не заручившись предварительно широкой поддержкой. Хотта рас-

смаатривал санкцию императора как не более чем формальность, учитывая тот факт, что императорский двор за последние двести лет ни разу не противостоял сёгунату. 12/1857 Хотта отправил в Киото посланника, чтобы получить одобрение императора. Поскольку сёгун признавал императора как ученого, а не как администратора, на роль посланника Хотта выбрал директора сёгунской академии. Посланник получил отказ. Хотта был ошеломлен и 2/1858 отправился в Киото сам. Таким образом, Хотта невольно создал прецедент вмешательства императора в дипломатию, которая традиционно была прерогативой сёгуната. Теперь сторонники Кэйки пытались заручиться поддержкой императорского двора в вопросе о наследовании самого титула сёгуна.

2/1858 Хасимото, покинув Эдо, отправился в Киото, где начал встречаться с императорскими придворными, чтобы добиться с их стороны поддержки кандидатуры Кэйки. Сайго, чувствующий себя политически уверенным в Эдо, но ничего не знавший о политике Киото, был склонен отдать инициативу Хасимото. Общая стратегия Хасимото заключалась в том, чтобы связать поддержку императором договора Харриса с поддержкой кандидатуры Кэйки. Его аргументация выглядела следующим образом: если Япония просто подпишет договор Харриса, то для «варваров» это будет равносильно политической капитуляции. Однако молодой и энергичный сёгун, такой, как Кэйки, сможет с выгодой использовать возможности, предоставленные договором, и мобилизовать Японию против дальнейших уступок. Сайго прибыл в Киото через несколько недель после Хасимото и начал разрабатывать свою собственную

сеть контактов. Главным союзником Сацума при императорском дворе был Коноэ Тадахиро, высокопоставленный придворный, породнившийся через свою жену с домом Симадзу. Коноэ, который носил высокий титул «министр левой стороны», пользовался всеобщим уважением при дворе. Для поддержания связи с Коноэ Сайго пользовался услугами монаха Гэссё, чей храм был связан с домом Коноэ. Гэссё был необычной фигурой в политике. Он пользовался широкой известностью как настоятель Дзёдзюин, аббатства при храме Киёмидзу, и как талантливый поэт, но при этом не считался открытым сторонником императора. Однако, благодаря такому недостатку политического опыта, он был прекрасным кандидатом на роль курьера для деликатной корреспонденции, поскольку у него имелись благовидные, не связанные с политикой причины для встреч как с Коноэ, так и с Сайго. Гэссё содержал резиденцию в аббатстве Сокусюин в храме Тофукудзи, где находились могилы многих вассалов Сацума. Сайго и Гэссё могли встречаться, не вызывая подозрений, в часовне, расположенной на кладбище. Ну а с Коноэ Гэссё мог встречаться в храме Киёмидзу, где были похоронены многие члены семьи Коноэ.

Усилия Хасимото начали приносить плоды, и 20/3/1858 Сайго отправился из Киото в Эдо, уверенный в том, что двор скоро выступит в поддержку кандидатуры Кэйки. Однако Сайго ничего не знал об ожесточенном противодействии его планам, которое уже набирало силу. Консерваторы из административного аппарата сёгуната, встревоженные падением авторитета центральной власти, решили блокировать вмешательство императорского двора. Их лидером был Ии Наосукэ, даймё Хиконэ. Ии был далеко не самой очевидной кан-

дидатурой на роль лидера движения за укрепление власти сёгуната. Авторитетный дом Ии служил сёгунам Токугава с начала семнадцатого века, но при этом никогда не играл заметной роли в политике. Сам Наосукэ был четырнадцатым сыном Ии Наонака и стал даймё только потому, что его старшие братья были усыновлены другими семьями. Мало кто мог предсказать быстрое восхождение Ии на вершину власти, однако ему удалось заполнить политический вакуум, образовавшийся в результате внешнеполитического кризиса. Хотта решил, что поддержка императорским двором договора Харриса ему гарантирована, а затем не сумел получить императорского эдикта. Ии быстро затмил Хотта в Эдо: с 4/1858 и до своей смерти 3/3/1860 Ии был самой могущественной фигурой в японской политике.

Используя собственные контакты при императорском дворе, Ии сумел помешать выдвижению кандидатуры Кэйки. Двор был готов издать эдикт, призывающий сёгуна назвать «зрелого», «интеллигентного» и «популярного» наследника. Эти ключевые слова должны были указать на поддержку императором кандидатуры Кэйки. Однако изданный 22/3 эдикт просто приказывал сёгунату поскорее назвать наследника. Ии в последнюю минуту добился исключения ключевой фразы и тем самым лишил императорский эдикт его первоначального значения.

Ии использовал замешательство в рядах огорошенных сторонников Кэйки, чтобы укрепить свою власть. 23/4/1858 он занял пост великого советника (*тайро*) в административном аппарате сёгуната и начал консолидировать в своих руках все рычаги власти. К 6/1858 он

уже был готов открыто бросить вызов своим политическим оппонентам, а 19/6, несмотря на отсутствие одобрения императорского двора, он дал согласие на подписание договора Харриса. Фракция Кэйки была вне себя от ярости. 24/6 Токугава Нариаки, Мацудаира Сунгаку и даймё Овари Токугава Ёсикацу прибыли без приглашения в замок Эдо, чтобы отчитать Ии за вмешательство в спор о наследовании и подписание договора. Ии проигнорировал их, а на следующий день сёгунат окончательно отклонил кандидатуру Кэйки, назначив Иэмоти наследником Иэсада. Мало того, десятью днями позже Ии посадил всех троих даймё под домашний арест, предварительно заставив Сунгаку и Ёсикацу уйти в отставку. Ии заявил, что сёгунат — это не совещательный орган и он не нуждается в непрошенных советах от заносчивых даймё. Верховным правителем Японии является сёгун. Ии, как регент сёгуна, не потерпит никакого инакомыслия.

Почувствовав приближающийся кризис, Сайго 17/5 покинул Эдо, чтобы увидеться с Нариакира в Кагосима. Прибыв туда 7/6, он безотлагательно встретился с Нариакира, чтобы проинформировать его о радикальных изменениях, произошедших в Эдо и Киото. Нариакира был разгневан действиями Ии и, согласно легенде, даже подумывал о том, чтобы отправить в Киото войска для «защиты» императорского двора от сёгуната. 18/6 Сайго покинул Кагосима с письмом для Сунгаку и инструкциями заручиться поддержкой самых влиятельных даймё. Сайго прибыл в Киото 10/7 и начал встречаться с друзьями и знакомыми, чтобы оценить политическую ситуацию. Но даже со времени его встречи с Нариакира

в предыдущем месяце в ситуации произошли радикальные изменения, и прежде чем Сайго начал действовать, до него дошла убийственная новость: его господин умер.

Нариакира внезапно заболел 9/7/1858. К 11/7 он уже был прикован к постели, мучаясь от лихорадки, озноба и диареи. Вечером 15/7 Нариакира почувствовал, что умирает, и назначил последнюю встречу со старейшинами княжества. Той же ночью его состояние ухудшилось, и 16/7, в 3.00, он срочно вызвал к себе хранителя средств, ассигнованных на личные расходы, Ямада Сёэмона. Обездвиженный и изможденный, Нариакира называл имена наследников. Нариакира понимал, что его единственный выживший сын, двухлетний Тэцумару, слишком юн, чтобы наследовать титул. Поэтому он уполномочил своего отца, удалившегося на покой даймё Нариаки, выбрать одного из двух возможных наследников: либо своего единокровного брата Хисамицу, либо сына Хисамицу, Тадаёси. Нариакира просил только о том, чтобы новый даймё пообещал усыновить Тэцумару и жениться на его дочери, восьмилетней Тэрухимэ. Тем самым он надеялся обеспечить политическую стабильность и в то же время оставить для Тэцумару возможность наследовать титул в будущем. Сформулировав свой план наследования, Нариакира рано утром скончался.

Внезапная смерть Нариакира потрясла всю страну, и многие решили, что его отравили. Даже Помпе ван Мердерворт, врач, находившийся вместе с голландским флотом в Нагасаки, заподозрил заговор. Нариакира, писал он, был, «возможно, самым важным человеком в

стране; в силу своего влияния на императора и его двор, а также в силу собственной образованности он считался главным сторонником реформ в Японии... и не исключено, что его отравили». Для Сайго смерть Нариакера стала эмоциональной и политической катастрофой. Нариакера извлек Сайго из безвестности, и его личная преданность Нариакера не знала границ. Сайго не раз заявлял, что он готов умереть за своего господина. Теперь, когда Нариакера был мертв, возможно, убит, Сайго почувствовал себя одиноким и бессильным. Вера Нариакера в Сайго сделала последнего важной фигурой в национальной политике. Он был, как заметил Нагаока Кэнмоцу, человеком, который «знал мысли своего господина обо всех государственных делах». Сайго пользовался всеобщим уважением за свою искренность и преданность, но его политический вес полностью зависел от тесной связи с Нариакера. Без Нариакера Сайго по-прежнему выделялся своими высокими моральными качествами, но политически был ничем не примечателен. Его будущее в Сацума выглядело достаточно мрачно. Сайго был на стороне Нариакера в его вражде с Хисамицу; строил заговоры против союзников Хисамицу и клялся отомстить его матери. Теперь ему предстояло служить Хисамицу или его сыну.

Согласно легенде, Сайго думал о том, чтобы вернуться в Сацума и совершить ритуальное самоубийство (*дзунси*) на могиле Нариакера. Гэссё отговорил его, сказав, что Сайго сможет лучше проявить свою преданность Нариакера, если постарается реализовать его политические планы. 2/8 Сайго отправился из Киото в Эдо, имея при себе секретное послание от Коноэ для Токугава Нариаки и Токугава Ёсикацу из Овари, но оба

этих человека находились под домашним арестом, и Сайго не смог вступить с ними в контакт. Сайго был разочарован, и он описал свои чувства в откровенном письме Гэссё. «Я чувствую себя, — писал он, — как человек, который потерял свой корабль и был выброшен на необитаемый остров». Сайго казалось, что он подвел как Коноэ, так и Гэссё. 8/1858 Сайго вернулся в Киото и начал встречаться со сторонниками императора, надеясь получить поддержку для идеи военной интервенции.

Частично в ответ на эту угрозу сёгунат нанес сокрушительный удар по антисёгунской деятельности. Этот разгром, известный историкам как чистка годов Ансэй, начался 7/9 с ареста бывшего самурая Умэда Унпина из княжества Обама. На протяжении последующего года Ии систематически устранял лидеров движения сторонников императора. Так, например, знаменитый лоялист из Тёсю Ёсида Сёин был арестован 12/1858 и казнен десятью месяцами позже. Хасимото Санаи был арестован 10/1858 и казнен 10/1859. Чувствуя надвигающуюся опасность, Коноэ попросил Сайго защитить Гэссё. Сайго согласился, и вечером 9/9 он и Гэссё тихо покинули Киото, направившись в Осака. Сайго продолжал работать над планом введения войск в Киото, но политический климат резко изменился. После того как сёгунат заставил замолчать самых недовольных даймё страны, теперь он мог поступать с обычными самураями так, как ему захочется. К концу 9/1858 Сайго почувствовал, что больше не сможет гарантировать безопасность Гэссё в непосредственной близости от сёгунской территории. 24/9 Сайго, его друг Каэда Нобуёси и Гэссё бежали из Осака в Кагосима.

1/10 они приплыли на корабле в Симоносэки, и Сайго отправился вперед, чтобы найти прибежище для Гэссё. Сёгунат издал ордер на арест Сайго, и когда он прибыл в Кагосима, правительство княжества приказало ему сменить имя с Такамори на Сансукэ. Из уважения к его преданности и репутации княжество защитило Сайго, заявив сёгунату, что оно не обладает никакими сведениями о местонахождении своего вассала. Однако, к отчаянию Сайго, княжество не распространило свою защиту на Гэссё. В соответствии с последней волей Нариакира Нариоки назвал Тадаёси следующим даймё. Действительным правителем княжеств теперь был Хисамицу, отец Тадаёси. Хисамицу был слишком искушен в политике для того, чтобы выдать Сайго сёгунату, поскольку, сделав так, он неминуемо спровоцировал бы новый виток междоусобной борьбы. Но Хисамицу не хотел рисковать конфронтацией с сёгунатом из-за монаха, который не был местным уроженцем. Претензия Гэссё на получение убежища основывалась главным образом на его дружбе с Сайго, что Хисамицу вряд ли мог счесть достаточно веской причиной для того, чтобы навлечь на себя неприятности. Гэссё прибыл в Кагосима 8/11, в сопровождении своего слуги Дзюсукэ и Хирано Куньоми, сторонника императора из Фукуока. Оказанный им прием не предвещал ничего хорошего. Гэссё нашел временное прибежище в храме, но местный монах, обеспокоенный тем, что храм укрывает разыскиваемого человека, доложил об этом властям. В храм незамедлительно прибыли официальные лица, которые сопроводили Гэссё и Хирано в резиденцию, принадлежащую княжеству, где они содержались в почти полной изоляции.

История о бегстве Сайго вместе с Гэссё, реакции княжества и их последующих действиях сплелась с легендой о Сайго, и многие историки повторяют отчеты, не подтвержденные документами той эпохи. Однако удивительно то, что исследователи не обращают внимания на интереснейшие воспоминания Сигэно Ясуцугу, первого современного японского историка. Сигэно опубликовал свои воспоминания в 1896 году, но они основаны на его беседах с Сайго, которые имели место в начале 1859-го. Хотя отчет Сигэно, несомненно, окрашен ностальгией, кажется крайне маловероятным, чтобы такой человек занимался мифотворчеством. Как профессиональный историк, Сигэно отметил тем, что он настаивал на различии между реальной историей и легендой. Он прославился своим утверждением о том, что некоторые хорошо известные герои Средневековья, такие, как Кодзима Таканори, на самом деле являются вымышленными персонажами. В отличие от некоторых мемуаров в отчете Сигэно отсутствуют серьезные фактические ошибки, и, в сочетании с сохранившимися первоисточниками, он создает хорошую основу для понимания мыслей и действий Сайго в конце 1858 года.

Согласно Сигэно, княжество не хотело ни защищать Гэссё, ни выдавать его сёгунату, и 15/11 был объявлен хитроумный компромисс. Сайго сопровождает Гэссё в небольшое местечко, расположенное в самой восточной части провинции Хюга, на границе с княжеством Садовара. Оно находилось в пределах княжества, но за линией пограничных постов. Поскольку в княжестве Садовара правила ветвь дома Симадзу, на границе не было строгой охраны. Размещение Гэссё в этой приграничной зоне удовлетворяло сразу двум целям. Княжество

приносило дань уважения покойному Нариакира, предоставив убежище монаху, который защищал его интересы. Однако, переместив Гэссё поближе к границе, княжество в то же время готовилось к тому, чтобы выдать его. Если сёгунат найдет Гэссё, лидеры княжества смогут смело отрицать, что они знали о его местонахождении. Они объявят, что, насколько им было известно, Гэссё пересек границу и покинул княжество. Для Сайго смысл приказа от 15/11 был абсолютно ясен. Сацума не будет сотрудничать с сёгунатом, но и не станет защищать Гэссё.

Сайго был раздавлен. Приказ 15/11 означал крушение его политического влияния. Всего лишь несколько месяцев назад он находился в самом центре национальной политики. Пользовавшийся доверием самых могущественных даймё страны и уважением равных по рангу, Сайго был частью бурно развивающегося политического движения. Теперь он лишился всякого влияния, скрывался под вымышленным именем и не мог помочь верному товарищу. На друзей Сайго охотились агенты сёгуната, а его господин и учитель был мертв. Особенно сильно он переживал из-за того, что не может помочь Гэссё. Сайго казалось, что он не только изменил обещанию, данному Коноэ, но и не сумел осуществить мечту Нариакира. Рассматривая окружающий его мир, Сайго видел только одиночество, неудачи и потери.

Вечером 15/11 Сайго рассказал Гэссё о приказе, изданном княжеством. Гэссё заявил, что он больше никуда не побежит. Он был разыскиваемым человеком, который прибыл в Сацума, надеясь получить здесь убежище. Решение княжества разбило эти надежды. Вместо того чтобы попасть в руки сёгуната, Гэссё лучше отправится

в «другое место». Сайго разделял мрачные взгляды Гэссё на создавшуюся ситуацию. Осознав, что «другое место» Гэссё находится не на земле, он согласился сопровождать своего друга. Сайго начал планировать их отбытие.

Провинция Хюга находилась на противоположной стороне залива Кагосима, и Сайго приготовил лодку, пищу и саке для путешествия через залив. Вечером 15/11, при полной луне, Сайго и Гэссё покинули город Кагосима на простой парусной лодке, в компании Хирано, Дзюсукэ и назначенного княжеством официального сопровождающего по имени Сакагути. Лодка была быстроходной, и компания продвигалась по водной глади залива с хорошей скоростью. Когда они уже проплыли около трех миль, Сайго позвал Гэссё на нос лодки и показал на знаменитый храм Сингакудзи, расположенный на восточном берегу залива. Этот храм, объяснил он, посвящен памяти Симадзу Тосихиса, младшего брата Симадзу Ёсихиса, который возглавлял дом Симадзу в 1590-х. Во время вторжения Хидэёси на Кюсю Ёсихиса решил покориться превосходящей силе. Он отдал территории, расположенные на севере Кюсю, в обмен на подтверждение Хидэёси прав Симадзу на их традиционные владения. Симадзу Тосихиса не согласился с решением старшего брата и заявил, что он будет сражаться. Разгневанный Хидэёси приговорил Тосихиса к смерти. Тосихиса совершил ритуальное самоубийство на территории храма. Многие из его вассалов последовали за ним, совершив *дзунси*. Хотя прошло уже более 250 лет, объяснил Сайго, многие вассалы Симадзу до сих пор посещают Сингакудзи, чтобы помолиться за упокой души Тосихиса. Не хотел бы Гэссё посмотреть на храм? — спросил Сайго. Гэссё ответил, что сделает

это с радостью. Сайго и Гэссё повернулись к храму и начали молиться. Затем Сайго обнял монаха и притянул его поближе к себе. Сомкнув объятия и глядя на символ обреченного, но принципиального неповиновения, Сайго и Гэссё бросились в холодные темные воды залива Кагосима. Глядя в лицо смерти, Сайго вдохнул воду и потерял сознание.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

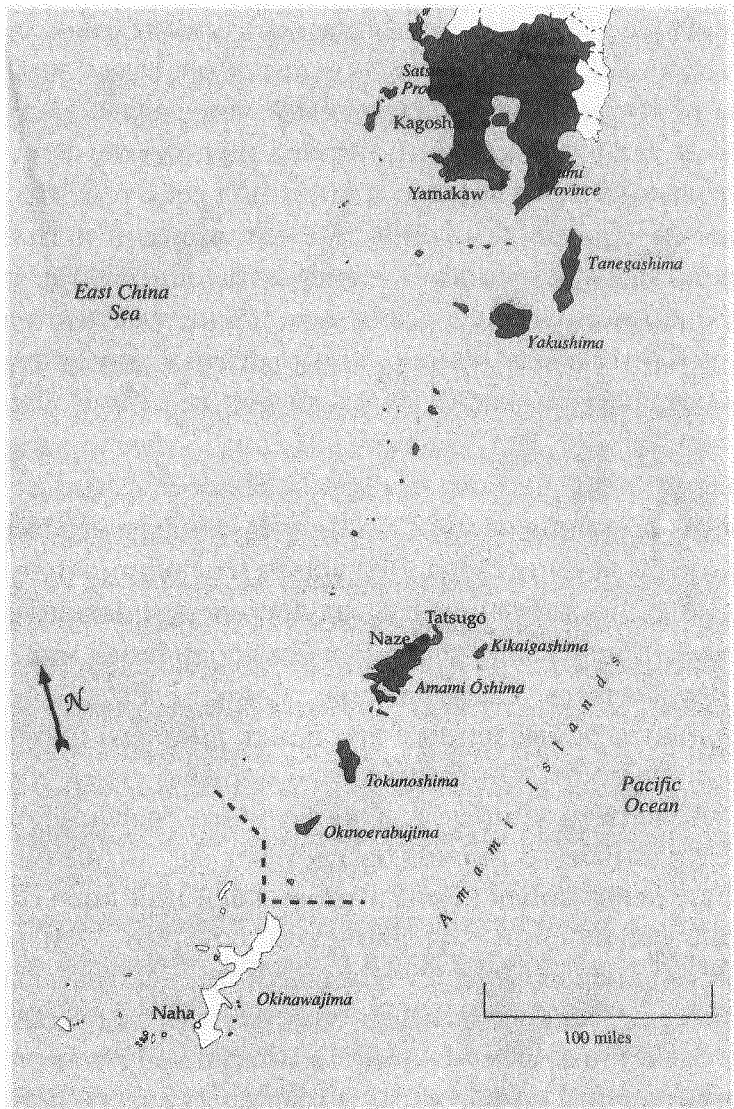
«КОСТИ В ЗЕМЛЕ»

Ссылка и унижение

Смерть, воскрешение и ссылка

Услышав громкий всплеск, остальные члены группы поспешили на нос лодки и поняли, что Сайго и Гэссё бросились в море. Чтобы поскорее остановить лодку, Сакагути разрубил на части парус, и команда начала грести к тому месту, где, как им казалось, Сайго и Гэссё прыгнули за борт. Хирано, Сакагути и Дзюсукэ, все трое, нырнули в воду и вскоре нашли Сайго и Гэссё, по-прежнему сцепленных мертвой хваткой. Их тела, окоченевшие от переохлаждения, было невозможно разнять. Команда направила лодку к ближайшему берегу, где был разведен костер, чтобы согреть тела. Оба мужчины закашлялись водой, и Сайго наконец начал дышать, слабо, но ровно. Вернуть к жизни Гэссё так и не удалось. Команда перенесла Сайго, находившегося в полубессознательном состоянии от переохлаждения, и тело Гэссё обратно в лодку, после чего направилась на веслах обратно в Кагосима.

Утро 16/11 Сайго провел в маленькой хижине на берегу залива Кагосима, пока его семья не прислала за ним паланкин. Он бредил на протяжении трех дней, постоянно выкрикивая имя своего погибшего товарища. Прошло около месяца, прежде чем его слух и подвижность окончательно восстановились. Когда к Сайго

Сацума и острова Амами

[названия на карте, сверху вниз, слева направо] — Провинция Сацума; Провинция Хюга; Кагосима; Ямагава; Провинция Осуми; Танэгасима; *Восточно-Китайское море*; Якусима; Тацуго; Надзё; Кикайгасима; Токуносима; Окинаэрабусима; Острова Амами.

вернулось сознание, его первыми словами были слова сожаления. Из уважения к монашескому сану Гэссё он, вместо того чтобы обнажить свой меч, согласился утопиться. В результате он потерпел полную неудачу. Он не только остался жив, но и опозорил себя тем, что пытался совершить самоубийство «как женщина». Преисполненный решимости выполнить клятву, данную Гэссё, он попросил дать ему меч. Члены семьи отговорили Сайго, задав вопрос, который сформировал всю его оставшуюся жизнь: было ли его спасение чистой случайностью? Нет, настаивали они. Сайго остался в живых, потому что такова была воля небес. Сайго не исполнил до конца свои обязанности самурая; его задача еще не была выполнена. Эти аргументы остановили руку Сайго, но заставили его задуматься над важным вопросом. В чем заключалась его невыполненная миссия?

Неудавшееся самоубийство Сайго сделало более упорным и осмысленным его поиск высшего проявления лояльности. Он много лет говорил о своей готовности умереть за правое дело. Если его спасение было не случайным, то, значит, существует еще более благородное дело. Поиск Сайго этой высшей причины определил дальнейший ход японской истории. Однако в 1858 году перед Сайго стояла еще более настоятельная проблема, заключавшаяся в том, что он по-прежнему был разыскиваемым человеком. Полиция сёгуната проследила за ним до Кагосима и уже начала вести поиски его и Гэссё в городе. Полицейские допросили Хирано и Дзюсукэ и взяли последнего под стражу. Как и раньше, княжество не имело особого желания защищать Сайго, но в то же время не хотело его выдавать. Чиновники княжества объявили о том, что Сайго и Гэссё утонули.

Они предъявили в качестве доказательства труп Гэссё и сказали, что тело Сайго найти не удалось. Инспектора сёгуната отнеслись к этому заявлению с подозрением, но в конечном итоге были вынуждены им удовлетворяться.

Чтобы подкрепить свой обман, чиновники княжества решили отправить Сайго в ссылку на Амамиосима, маленький островок, расположенный примерно в 250 милях к юго-востоку от города Кагосима. Поскольку Сайго не был преступником, он мог сохранить свое жалованье, но при этом не имел права возвращаться в Кагосима без разрешения властей. Чтобы скрыть факт его спасения, Сайго приказали сменить имя; в результате он стал называться Сайго Сансукэ, но в то же время взял себе неофициальное имя Кикиути Гэнго, в честь своего предка-лоялиста. Сайго был физически жив, но официально мертв. Княжество было настолько озабочено тем, чтобы скрыть факт его выживания, что приказало подготовить труп казненного преступника, чтобы в случае возвращения агентов сёгуната представить его в качестве тела Сайго.

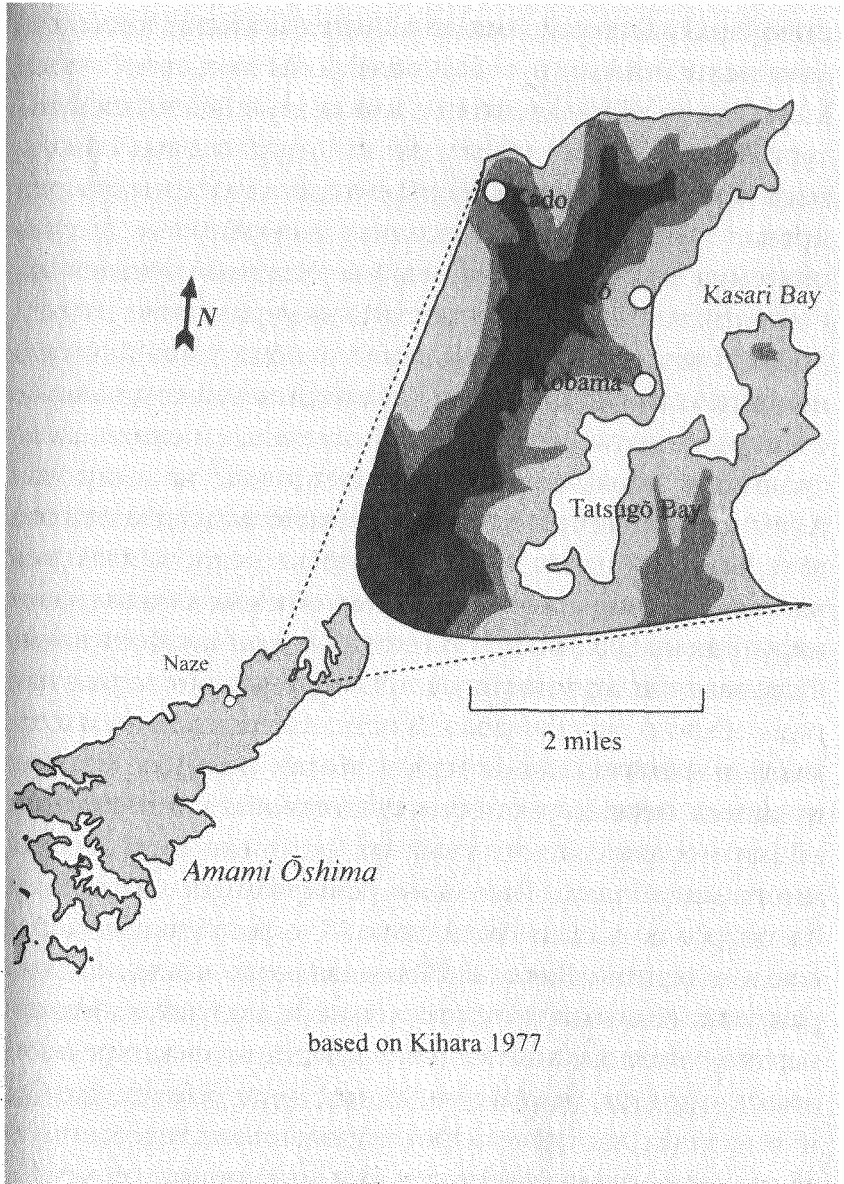
Восстановившись после переохлаждения, Сайго покинул Кагосима в конце 12/1858. Его корабль сделал остановку в порту Ямагава, расположенном у входа в залив Кагосима, прежде чем в начале 1/1859 отплыть на Амамиосима. 11/1/1859 Сайго прибыл в Надзё, главный город Амамиосима. После короткого совещания с местным управляющим он перебрался в деревушку Тацуго, где ему пришлось провести последующие три года.

Хотя Амамиосима находился всего лишь в двухстах милях от основной части Сацума, это был совершенно

другой мир. Благодаря омывающим острова Амами южным океанским течениям здесь было заметно теплее, чем на главных японских островах. Зимой здесь не бывает морозов, что благоприятствует росту таких тропических растений, как бананы и алоэ. Остров отличался причудливой топографией, с высокими, покрытыми густой растительностью горами и глубокими, живописными бухтами. Береговая линия залива Тацуго, как и большая часть побережья Амамосима, была сильно изрезана; местами берег поворачивал так резко, что было трудно отличить острова от полуостровов. Берега залива были покрыты густым лесом, который резко уступал место отвесным скалам и узким полоскам пляжа. Эта земля плохо подходила для сельского хозяйства, но представляла собой сказочные охотничьи угодья. Сайго с любовью писал об удаленных уголках в горах, где он подолгу любовался проплывающими по небу облаками.

Политически острова Амами являлись самой южной точкой Японской империи. Острова оставались независимыми до шестнадцатого века, когда царство Рюкю вторглось и завоевало архипелаг. В 1609 году княжество Сацума захватило острова Амами в ходе завоевания Рюкю. После того как правитель Рюкю был взят в заложники, Сацума восстановило большую часть автономии царства. Независимость Рюкю, или по меньшей мере видимость независимости, облегчала ведение торговли с Китаем. Однако острова Амами не получили такой автономии. Они стали частью территории Сацума, и их жители были вынуждены платить налоги в казну княжества.

Хотя политически острова Амами являлись территорией Сацума, в культурном отношении они были ча-

Амамиосима и Тацуго

[названия на карте, сверху вниз, слева направо] — Кадо; Тацуго; залив Касари; Кобама; залив Тацуго; Надзэ; Амамиосима

стью Рюкю. Острова Амами и Окинава имели много общих религиозных и социальных обычаев, и их захват княжеством Сацума почти никак не повлиял на культуру Амами. Кроме сбора налогов, правительство княжества не проявляло особого интереса к островам и направило сюда лишь горсточку чиновников для управления гражданскими делами. Местные жители по большей части сами осуществляли управление на островах, и княжество не прилагало особых усилий, чтобы изменить бытующие здесь культурные и социальные обычаи. Синтоизм и буддизм, основные религиозные традиции главных японских островов, на островах Амами были почти неизвестны вплоть до двадцатого века. Таким образом, хотя технически острова являлись частью Японии, многие местные обычаи казались шокирующими для любого выходца с главных островов. Островитяне хоронили своих мертвых, но через три года обычно эксгумировали останки, тщательно их отмывали и складывали кости в общих пещерах. Схожая практика перезахоронения существовала и в Японии эпохи неолита, но на главных островах она исчезла много веков назад. Главными религиозными фигурами на островах Амами были *норо* — официальные деревенские жрицы. Как и на Окинава, *норо* владели четко разграниченными территориями и получали безвозмездно земляные наделы для проведения своих религиозных обрядов, посвященных местным божествам. Семьи важных жриц *норо* формировали наследственную элиту; самыми могущественными мужчинами на островах обычно были их сыновья, братья или племянники.

Многие обычаи, считавшиеся утонченными на Амами, казались отталкивающими для людей из Сацума.

Местные женщины украшали руки сложными татуировками, отражающими их социальный статус. Женщины татуировали правую руку в двенадцать-тринадцать лет, по достижении брачного возраста, а левую после того, как они выходили замуж. Первая татуировка означала целомудрие, и без украшенной правой руки девушка не годилась для замужества. Татуировка на левой руке, напротив, символизировала повинование женщины своему мужу. Этот символизм был чужд и непонятен выходцам с главных островов, где татуировки ассоциировались с криминальным поведением и вульгарностью. Сайго нашел татуировки отгалкивающими, и он высмеивал местные обычаи в письме, адресованном Окубо и Сайсё Ацуси. «Молодые женщины на острове настоящие красавицы, — писал он с сарказмом, — но в отличие от женщин из Киото и Осака они украшают лица толстым слоем грязной золы и разрисовывают тыльные стороны своих рук».

Кроме этих культурных различий, Сайго больше всего был поражен бедностью местных жителей и деспотичным правлением. «Больно смотреть, до какого предела дошла здесь тирания, — писал он в своем первом письме с острова. — Повседневная жизнь островитян кажется просто невыносимой. С ними обращаются хуже, чем с айнами на Эдзо [после 1868 года — Хоккайдо]. Я был поражен тяжестью их существования: я не мог себе представить, что можно жить в таких условиях». Сайго был не первым выходцем с главных островов, которого неприятно поразила царившая здесь нищета. В 1777 году Токуно Цусё, чиновник из Сацума, направленный сюда для подъема земледелия, докладывал об ужасных условиях жизни местных обитателей: «На всем ост-

рове нет дома, где бы я согласился хотя бы присесть и вымыть ноги. Люди постоянно беспокоятся о том, что они будут есть на следующий день, и употребляют в пищу найденные на берегу водоросли. Им даже нечем бывает смочить себе горло... Сегодня я внезапно понял, какой глубины могут достигать человеческие страдания. У меня на сердце так тяжело, что я едва могу ходить». Правление Сацума на Амамиосима было таким жестоким, что островитяне вспоминали о нем даже в 1950-х.

Ужасающая бедность Амамиосима имела под собой одну главную причину — сахарный тростник. Эта культура, появившаяся на Амамиосима в 1690 году, изначально выращивалась для местного потребления, и тростник употребляли в пищу как фрукт, вместо того чтобы получать из него сахар. Только в 1746 году правительство Сацума осознало огромный экономический потенциал сахара — осознание, которое резко изменило значение острова. Для выращивания риса острова Амами были почти бесполезны. Местный рис считался низкокачественным, и на рынке Осака за него нельзя было получить приличную цену. Но с сахаром все было по-другому. Благодаря теплему климату острова Амами были идеальным местом для выращивания сахарного тростника, а сахар пользовался в Осака высоким спросом. Чтобы увеличить доход, княжество начало менять сельскохозяйственную политику островов, поощряя отказ от возделывания риса в пользу сахарного тростника. В 1746 году княжество стало взимать сахаром все местные налоги. В 1777-м оно установило государственную монополию на сахар, и частная торговля сахаром отныне каралась смертью. Этот переход к выращиванию сахарного тростника привел к появлению само-

го жестокого аспекта островной экономики — распространению рабства и подневольного труда. На главных островах рабство исчезло много веков назад. Для выращивания риса хорошо подходили мелкие, независимые крестьянские хозяйства, и даймё давно осознали, что такие фермеры являются надежными и продуктивными налогоплательщиками. С сахарным тростником дело обстояло совсем иначе. Выращивание сахарного тростника представляло собой трудоемкое, опасное и изнурительное дело, поэтому здесь самыми продуктивными фермерами были владельцы плантаций, способные в любой момент мобилизовать десятки и сотни подневольных работников. К началу восемнадцатого века все представители островной элиты — вожди кланов и местные чиновники — были рабовладельцами. К 1850-м около трети жителей были *янтю* — так на острове называли крепостных крестьян.

Сайго был тронут бедностью островитян и испытывал негодование от того, что его собственное княжество может действовать с такой жестокостью. Его сочувствие к островитянам плохо уживалось с собственным чувством потери. Сайго был отправлен на край земли, и одним своим видом местные жители постоянно напоминали ему о глубине его падения. 7/6/1859 он излил душу в письме друзьям: «Как вы знаете, более пяти лет я находился в близких отношениях с самыми высокопоставленными сторонниками императора в стране, поэтому сейчас мне очень трудно общаться с этими волосатыми китайцами. Я чувствую себя просто ужасно и порой даже сожалею о том, что выжил». Охваченный глубокой депрессией, чувствуя огромную тяжесть понесенной потери, Сайго замкнулся в себе. Согласно мест-

ной легенде, Сайго предложили слуг, но он отказался от них, отдав предпочтение уединению. Он жил один, сам собирал хворост и сам готовил себе еду. Иногда он выходил из своего маленького домика, чтобы размяться и поупражняться с мечом. Большой, молчаливый и мрачный, он представлял собой устрашающую фигуру.

Не желая смириться со ссылкой, Сайго отчаянно искал пути завоевать прощение, а вместе с ним и разрешение вернуться. Если Сайго стремился к тому, чтобы, находясь в ссылке, не оказаться в полной изоляции от внешнего мира, то его друзья предоставляли ему массу возможностей для этого. Коллеги интересовались мнением Сайго по важным политическим вопросам и даже заочно включили его в свою переписку с отцом даймё, Хисамицу. Хотя Сайго находился в ссылке на отдалённом острове, с ним постоянно консультировались и держали в курсе всех деталей политики лоялистов. Ни один другой вассал Сацума не был так хорошо информирован о национальной политике, не обладал такими обширными связями и не пользовался таким большим уважением. Хотя официально Сайго был мертв, он продолжал оказывать мощное влияние на сторонников императора из своего родного княжества.

С лета 1858 до 3/1860 самый животрепещущий вопрос, беспокоивший всех сторонников императора, заключался в том, как остановить Ии Наосукэ, инициировавшего ансэйскую чистку, которая значительно проредила их ряды. Ии не только посадил в тюрьму или казнил самых красноречивых ораторов и самых искусных стратегов, но и приобрел союзников при императорском дворе, а также добился одобрения императора для договора Харриса. Это смелое, внезапное и, глав-

ное, успешное восстановление власти сёгуната встревожило даже самых умеренных самураев. В последние дни своего пребывания в Осака и Киото Сайго пытался заручиться поддержкой для введения войск в императорскую столицу. В его отсутствие планы лоялистов стали еще более радикальными. Вассалы Сацума начали говорить об убийстве Ии, об изгнании с официальных постов всех его союзников при императорском дворе и о требовании проведения полной реформы сёгуната. Окубо, который в отсутствие Сайго стал лидером лоялистов Сацума, обдумывал подобные планы и спрашивал совет у Сайго. В письме от 29/12/1858, доставленном Сайго во время его короткой остановки в Ямагава по пути на Амамиосима, Окубо спрашивал у Сайго о том, что лоялистам делать дальше. Насколько тщательно им следует координировать свою стратегию с другими княжествами? Что, если главные члены их движения будут арестованы или казнены? Несмотря на его помертвующую репутацию человека, способного на опрометчивые поступки, советы Сайго были осторожными. Он хвалил преданность Окубо и своих соотечественников, но призывал их не действовать поспешно и не растрачивать понапрасну свои силы на нанесение удара без предварительного заключения союза с самураями из других княжеств. Умереть, служа императору, было почетно, но для того, чтобы служить императору, теперь требовались осторожность, дальновидность и тщательное планирование.

Совет Сайго оказался разумным, и он помог осуществлению планов как самого Окубо, так и всех сторонников императора. Вместо того чтобы нанести удар маленькой, плохо организованной группой, Окубо теперь

нацелился на то, чтобы склонить Хисамицу и Тадаёси к тому, чтобы оказать поддержку императорскому дому. Тихая дипломатия Окубо принесла свои плоды. 11/1859 Тадаёси, предварительно посоветовавшись со своим отцом, совершил беспрецедентный шаг, напрямую обратившись к Окубо и его группе лоялистов. В письме, запечатанном его *као*, официальной подписью даймё, Тадаёси призывал своих вассалов проявлять сдержанность и осторожность, но в то же время хвалил их за высокий моральный дух. Он также призывал их стать «каменными колоннами», поддерживающими государство, и защищать императорский двор. Письмо было адресовано *сэйтюси*, или «преданным вассалам», и его получатели превратили это обращение в свое название, начав называть себя «Сэйтюгуми», или «группа преданных вассалов». Лоялисты ответили Тадаёси клятвой на крови. Они согласились не действовать поспешно, но попросили своего господина защищать императорский двор; укрепить оборону княжества; заключить союз с Кумамото, Мито и Фукуи; вернуть из ссылки Сайго. Несмотря на то что Сайго находился от них в сотнях миль, «Сэйтюгуми» поместили его имя, Кикүти Гэнго, в самое начало своего списка. Кроме того, Окубо заверил Тадаёси, что они действуют, руководствуясь его идеями.

Признание Тадаёси «Сэйтюгуми» стало следствием коренного пересмотра его отцом Хисамицу своего отношения к внутренней политике княжества. Как и его единокровный брат Нариакіра, Хисамицу был озлоблен их спором из-за наследования и, вполне естественно, испытывал недоверие к союзникам своего недавнего противника. Однако он также понимал важность внутреннего единства княжества и продвижения та-

Окубо Тосимити

лантливых реформаторов из фракции своего единокровного брата. В конце 1859 года Хисамицу дал понять, что он готов принять сторонников Нариакира. Он отправил в отставку одного из старейшин, Симадзу Бунго, который давно был мишенью для фракции Нариаки-

ра, и назначил Симадзу Симоса, сторонника Нариакера, главой совета старейшин княжества. Схожие изменения произошли и на менее высоких уровнях. Кроме того, Хисамицу постепенно начал проявлять более теплое отношение к позиции Нариакера во внешней политике и медленно склонялся к открытой поддержке императора. Описывая эти перемены 12/1859, Окубо сообщил Сайго, что он может быть возвращен на родину уже ближайшей весной. Сайго был рад это услышать и сожалел только о том, что до сих пор находится в ссылке, лишенный возможности служить своему княжеству и императору.

Следующий год принес ему еще лучшие новости. 3/3/1860 кортеж Ии Наосукэ был внезапно атакован отрядом самураев, которые застрелили его, а затем отрубили ему голову. Большинство самураев были вассалами княжества Мито, но главный участник из Сацума, Аримура Дзисаэмон, был младшим братом старого друга Сайго Каэда Нобуёси. Несмотря на смертельное ранение, Аримура отличился тем, что сбежал с головой Ии. Агенты сёгуната в конечном итоге вернули голову, но убийство Ии ошеломило администрацию сёгуната. Лидер сёгуната был убит среди бела дня на одной из центральных улиц столицы. На протяжении нескольких месяцев сёгунат отказывался признавать, что Ии мертв. Хотя феодальные дома достаточно часто не объявляли публично о смерти своего лидера до тех пор, пока не будут урегулированы все вопросы, связанные с наследованием, дело Ии породило совершенно особые проблемы. В ответ на повторяющиеся запросы западных дипломатов сёгунат отвечал, что Ии был ранен и его состояние остается неизменным. Поскольку Ии был убит

публично, дипломаты встречали эту отговорку с едва скрываемой усмешкой. Значительно серьезней было то, что убийство Ии создало вакуум власти. Он был единственным организатором восстановления авторитета сёгунской власти. После его смерти никто из административного аппарата сёгуната не хотел настаивать на своем главенствующем положении, особенно ввиду угрозы насилия со стороны лоялистов. Разбитый и потерянный, сёгунат оцупью пробирался в направлении компромисса.

Ослабление сёгуната и смена настроения Хисамицу, казалось бы, предвещали скорое возвращение Сайго, который с нетерпением ожидал новостей, надеясь получить письмо с прощением. «Я узнавал о состоянии дел в мире, — писал он Окубо и Идзити Садака 7/11/1860, — дожидаясь быстроходных судов, и был рад узнать, что ситуация постепенно изменяется в сторону справедливости». Сайго по-прежнему испытывал беспокойство по поводу призрака западного империализма. «Если не произойдет радикальных изменений, то очень скоро мы будем порабощены и растоптаны, как Китай», — заявлял он. Но прекращение ансэйской чистки позволяло предположить, что страна движется в правильном направлении.

Мечта Сайго об амнистии осталась неосуществленной: прощение не пришло. Его собственное княжество было согласно на то, чтобы позволить ему пребывать в изоляции и забвении. В последние месяцы 1860 года его надежда медленно улетучилась, а 1/1861 начался третий год его изгнания. Столкнувшись с перспективой, как ему казалось, бесконечной ссылки, Сайго задумался над тем, где же находится его дом. 4/3/1861 он написал

сердечное письмо своим друзьям. Он поблагодарил их за энергичные и настойчивые попытки получить для него прощение и далее признавал себя недостойным их усилий. Однако теперь пришло время признать поражение. Ему не суждено в скором времени вернуться на родину. С тяжелым сердцем он заявил о том, что «становится островитянином». Сайго также огорошил своих друзей новостями личного плана. «Здесь, в глуши, я совершил нечто неуместное, — писал он. — ...Мой сын родился 2/1/1861». Друзья Сайго в Кагосима, несомненно, были потрясены: Сайго ничего не писал им ни о своей жене, ни о ее беременности. В письмах Сайго не было никаких указаний на то, что его жизнь на Амамиосима наполнена каким-то иным содержанием, кроме простого выживания. Этим письмом Сайго открыл, что он вел тайную жизнь. Продолжая отчаянно бороться за свое возвращение на большую землю, он в то же время все глубже втягивался в дела острова. Он женился на местной девушке, по имени Айгана, происходившей из влиятельной семьи, и обзавелся домашним хозяйством. Он стал интересоваться островной политикой и установил прочные дружеские отношения с местным чиновником Току Фудзинага и сацумским самураем Коба Дэннаи, который служил на острове цензором (*мэцукэ*). Он завел семью и стал заметной фигурой в жизни местного сообщества.

Детали жизни Сайго на Амамиосима остаются для нас тайной. Сайго мало писал о времени, проведенном в ссылке, своим друзьям из Кагосима, и до нас не дошло ни одного письма за период с 4/3/1861 до 27/3/1862. Ничего не известно и о его письмах, адресованных Айгане, которая, судя по всему, была неграмотной. Сайго

активно переписывался с Току и Коба, но их переписка началась только после того, как он покинул Амамиосима. Существуют многочисленные истории о жизни Сайго в ссылке, но большинство из них были сформированы десятилетиями пересказов и новых интерпретаций. Согласно местной легенде, Сайго без устали защищал слабых и обездоленных от тирании порочных чиновников. Он превратил коррумпированных, бессердечных администраторов в добродетельных лидеров и освободил угнетенных. Человеколюбивый и милосердный, он был добрым и щедрым со всеми. Бескорыстный и принципиальный, он в одиночку улучшил повседневную жизнь на острове. Эти островные легенды, как и многие другие продукты народного мифотворчества, позволяют предположить, что реальные достоинства Сайго были преувеличены сверх всякой меры его последующей славой.

Хотя количество *надельных* источников сильно ограничено, у нас все же есть возможность собрать фрагментарный отчет о жизни Сайго в ссылке. Несмотря на то что изначально Сайго испытывал отвращение к населяющим остров «волосатым китайцам», постепенно он втянулся в деревенскую жизнь. Его первыми знакомыми стали деревенские дети, которые попросили Сайго стать их учителем. Сайго старался сохранять высокомерие, но был слишком очарован детьми, чтобы ответить им отказом. Завербовав Сайго в качестве учителя, дети высветили скрытую грань его натуры. Сайго был не только физически мощным фехтовальщиком, но и добросердечным школьным наставником. Под суровым внешним фасадом скрывался добрый и скромный человек. В результате общения с местными детьми Сайго

потерял, возможно, невольно, свою броню мрачного стоицизма.

Преобразившись из озлобленного и молчаливого ссыльного в радушного соседа, Сайго сразу же стал значительно более привлекательной фигурой. Хотя, возможно, Сайго и недотягивал до образа героя из местной легенды, все равно был слишком совестливым и сострадательным человеком, чтобы остаться равнодушным к бедности крестьян и деспотичности управления островом. С первых месяцев своего пребывания на Амамосима, когда Сайго все еще жаловался на то, что островитяне отвратительны, как ядовитые змеи, он делился с ними личными запасами продовольствия. Он спорил с местными чиновниками по поводу каждого аспекта своего содержания, включая ведра, растительное масло и специи. Эта нехарактерная для него мелочность объяснялась тем, что он раздавал большую часть своего рациона.

Когда депрессия Сайго улетучилась, представители местной элиты начали рассматривать его как привлекательного потенциального зятя. Как самурай с главных островов, Сайго на Амамосима тоже обладал элитным статусом. Он был ссыльным, но не преступником и продолжал получать жалованье из казначейства княжества. Брачный союз с самураем с главных островов мог повысить статус и благосостояние любой семьи на Амамосима. Однако на подобные браки существовали строгие ограничения. Княжество признавало брак действительным только на период пребывания своего самурая на острове; как только самурай возвращался на главные острова, он мог жениться вновь, без предварительного развода. Более того, «островная жена» не име-

да права покидать свой остров. Ее статус простолюдинки оставался неизменным. Если в браке рождались дети, они объявлялись наследниками по отцовской линии и, следовательно, считались полноправными подданными своего княжества. Когда дети, мальчики или девочки, становились достаточно взрослыми, чтобы покинуть свою мать, их могли перевезти на главные острова, чтобы воспитывать в семье отца. Таким образом, для женщины перспектива такого брака была необычайно мрачной: материнство часто означало приговор к изоляции и одиночеству. Но решения о браках в Японии принимались семьями, а не отдельными личностями. Излишне говорить, что в данном случае семья невесты получала от брака огромные выгоды.

Согласно устной традиции, Сайго не хотел брать себе «островную жену», но в конечном итоге поддался уговорам своих друзей с острова. 11/1859 он заключил формальный брак с Отома Канэ, более известной по своему прозвищу Айгана. Невеста Сайго была родом из боковой ветви семьи Рю, могущественного местного клана. Семья Рю считала основателем своего рода Минамото Тамэтомо, придворного аристократа двенадцатого века и дальнего родственника первого японского сёгуна¹. Это была экстравагантная и почти невероятная генеалогия, но кем бы ни были в действительности их предки, семья Рю была богатой и могущественной. В главной резиденции Рю в Тацуго насчитывалось более семидесяти слуг и рабов. Однако сама Айгана росла в значительно более скромных условиях. Родившись в

¹ Минамото Тамэтомо (1139—1170) был родным дядей первого сёгуна Минамото Ёритомо. За участие в смуте Хогэн он был сослан на остров Осима, в край Идзу. Согласно легенде, он бежал оттуда на Рюкю, где основал собственное царство. (Прим. пер.)

1837 году, она потеряла отца в пятилетнем возрасте, и главенство в семье перешло к ее дяде. Хотя ее семья далеко не бедствовала, согласно местной легенде Айгана плела одежду из пальмового волокна, чтобы помочь семье. Первая встреча Сайго и Айганы стала темой многих противоречащих друг другу легенд. Если в одних версиях их встреча была организована, то в других она произошла случайно, на окраине Тацуго. Почти все версии сходятся на том, что Айгана была достаточно красива, с черными как смоль волосами и искрящимися глазами. Но в то же время она, несомненно, являлась продуктом своей культуры — неграмотной женщиной с татуированными руками. В любых других обстоятельствах, кроме ссылки, она была бы неподходящей женой для Сайго.

Отношения между Сайго и Айганой являются темой многих легенд и спекуляций. Сам Сайго был крайне немногословен в отношении своей «островной жены». Он ничего не писал о ней своим друзьям на главных островах. Во многих отношениях Айгана заставляла его испытывать неловкость, поскольку, несмотря на свою красоту и скромность, она тем не менее была островитянкой. Сайго, по своим собственным словам, женился на «волосатой китаянке». Даже находясь на пике своей политической власти, Сайго не предпринимал никаких усилий для того, чтобы перевезти Айгану на главные острова. Она была его заморским увлечением, не подходящим для метрополии. Однако иронично и трагично то, что Сайго наслаждался жизнью с Айганой и их ребенком. Их семья, писал он позднее, была для него источником большого счастья. В своем письме Кобанаписанном в 1862 году, он сожалел о том, что слиш-

ком много думал о политике своего княжества, когда жил на острове. Это делало его вспыльчивым, в то время как ему следовало жить в мире и покое.

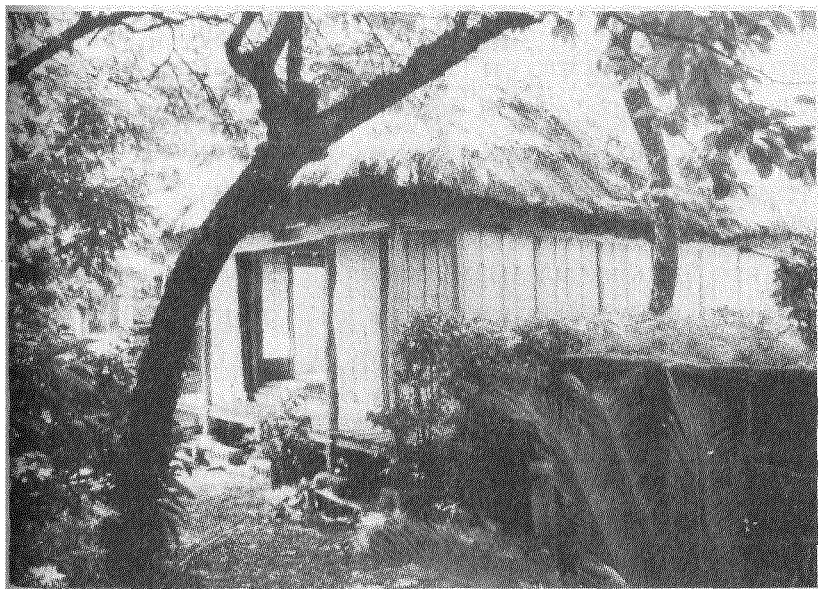
Если в отношении своей жены Сайго испытывал противоречивые чувства, то его местные друзья, Коба и Току, не вызывали у него подобного внутреннего конфликта. Коба был уроженцем Кагосима, с детства знавшим Сайго и Окубо. Он добился успеха как ученый и открыл академию в Кагосима, прежде чем получить пост в представительстве своего княжества в Осака. Когда Сайго был сослан на Амамиосима, Окубо вместе с другими друзьями добился назначения Коба на остров в качестве мэцукэ, официального цензора, осуществлявшего полицейский надзор. Как инспектор, Коба имел влияние на местных чиновников, благодаря чему мог обеспечить физическое благосостояние Сайго. Согласно устной традиции, Сайго и Коба были неутомимыми борцами с деспотичными местными порядками, главным защитником которых был управляющий островом Сагара Какухэй. Какими бы ни были их первоначальные отношения, Коба стал одним из самых близких друзей Сайго, с которым он делился тем, что оставалось неизвестным даже лучшим его друзьям с главных островов: счастьем, пережитым им в ссылке, и отвращением к осуществляемой на острове политике княжества.

Току Фудзинага родился на Амамиосима, в деревушке Кадо, расположенной неподалеку от Тацуго. Он служил начальником полиции округа Тацуго и через свою жену являлся дальним родственником Айганы. Току и Сайго имели родственные души. Согласно местной традиции, Току славился своей честностью и силой характера. Хотя его должность предоставляла ему массу воз-

возможностей для личного обогащения, он жил скромно, полностью посвящая себя местным делам. Позднее он был переведен в округ Укэн, на южной оконечности Амамиосима, где его главным достижением стало строительство деревянного моста через небольшую речушку, разделявшую деревни Такэн и Юван. Как и Сайго, Току был неподкупным, потому что он не испытывал интереса к материальным благам: Току и Сайго наслаждались простыми удовольствиями, которые приносили им охота и рыбалка. Как и в случае с Коба, начальная фаза отношений Сайго и Току не задокументирована, но Току также заслужил глубочайшее доверие Сайго. После возвращения на главные острова Сайго поручил Току присматривать за своей женой и детьми. Сайго чувствовал себя комфортно, демонстрируя Току как свое общественное, так и частное лицо. Например, в одном из писем он советовал Току, на каком острове чиновникам можно верить, рассказывал, как сильно он тоскует по своим детям, делился слухами об одном островном романе. Сайго доверил Току определяющий конфликт своей жизни: он хотел быть великим и преданным слугою государства и в то же время вести тихую жизнь, занимаясь рыбной ловлей с друзьями.

Сегодня в Тацуго есть реконструкция дома Сайго, построенного для его семьи. Согласно Рю Масака, дом, владельцем которого является один из потомков Айганы, стоит на том же месте, и при его возведении были использованы оригинальные столбы. В письмах Сайго не упоминается его дом, но устная традиция Амамиосима повествует нам следующее: хотя к концу 1861 года Сайго имел на Амамиосима семью, учеников и близких друзей, а сам остров стал для него вторым домом, по

его жилищу это было незаметно. Стремясь к уединению, Сайго изначально выбрал себе дом, расположенный на самой окраине Тацуго, или, точнее, на территории соседней деревушки Кобама. В 1859 году это было идеальное место для сердитого ссыльного холостяка. Однако в 1861-м Сайго пришлось еще раз вернуться к вопросу выбора дома. Поскольку теперь он был семейным человеком, дом в деревне казался более подходящим местом жительства для его жены и ребенка. В конце 1861 года Сайго, с помощью семьи Рю, занялся строительством нового дома, расположенного в самом центре Тацуго. По местным стандартам это был достаточно солидный дом: высокая соломенная крыша, под которой размещались две комнаты общей площадью около четырехсот квадратных футов. 20/11/1861

Дом Сайго в Тацуго

строительство дома было завершено, и Сайго посадил в саду памятное вишневое дерево. Вечером вся деревня собралась у него дома, чтобы отпраздновать новоселье. Тон единственного сохранившегося письма Сайго 1861 года подтверждает эту историю. В нем Сайго благодарил Окубо за то, что он старается получить для него прощение, но в то же время просил его признать свое поражение. Сайго не только примирился со ссылкой, но также начал демонстрировать некоторые признаки гордости за культуру Амамиосима. К письму он приложил образец копченой свинины, приготовленной по местному рецепту, и просил Окубо высказать о нем свое мнение. В этом письме Сайго очень похож на человека, который готов построить новый дом для своей новой семьи.

В начале 1862 года Сайго получил поразительную новость о том, что его вызывают обратно в Кагосима. Это было то, на что он так надеялся, но новость пришла уже после того, как он оставил всякую надежду на возвращение. До нас не дошло никаких письменных свидетельств современников, которые описывали бы чувства Сайго, но из более поздних документов становится ясно, что он покидал Амамиосима, испытывая смешанные эмоции. Сайго был изгнан на край земли, но здесь он нашел друзей, семью и общество. Сайго было бы непросто объяснить своим друзьям с главных островов, что на Амамиосима он чувствовал себя счастливым, поскольку для них Амамиосима мало чем отличался от колонии для каторжников. Однако позднее Сайго поделился этими чувствами с товарищами по ссылке, когда написал Току следующие слова: «Я никогда не забуду о том, с какой добротой относились ко мне островитяне,

оказавшие мне самый теплый прием». Сайго был верен своему слову. Хотя его друзья с главных островов вряд ли смогли бы по достоинству оценить пережитый им опыт, он с гордостью писал о ссылке. По возвращении в Кагосима он сменил имя, чтобы оно напоминало о времени, проведенном в изгнании. Теперь он подписывал свои письма Осима Санэмон: *осима* по-японски «остров», *сан* (три) — количество лет, проведенных в ссылке, а *эмон* — это стандартный суффикс для мужских имен. Сайго не забыл и о трудностях своих недавних соседей. В 1864 году он подал петицию в правительство княжества об отмене монополии на торговлю сахаром. В 1873-м он составил новое предложение, на этот раз для министра финансов нового правительства Мэйдзи. Даже находясь на пике своей политической карьеры, Сайго с теплотой вспоминал годы, проведенные в ссылке. В 1869 году он написал Току, что раздумывает о том, чтобы уйти в отставку и, вернувшись на Амамиосима, провести здесь остаток своей жизни.

Ссылка Сайго на Амамиосима вскрыла центральную дилемму в его жизни. Он был движим остреешим чувством долга и убежденностью в том, что ему суждено совершить великие дела. Сайго открыто стремился к преобразованию Японии, но политическая власть и связанные с нею привилегии не доставляли ему особого удовольствия, и наибольшую радость он получал от простых развлечений. Самые счастливые моменты в его жизни, как в Кагосима, так и в ссылке, наступали после того, как он надевал сплетенные своими руками сандалии и отправлялся с друзьями на охоту или рыбалку. Эти противоречивые пристрастия делали Сайго крайне привлекательным политическим лидером: он владел

властью, не проявляя к ней почти никакого личного интереса. Однако тот же самый внутренний конфликт делал его жизнь необычайно сложной. Не существовало такого места, где он мог бы найти для себя мир и спокойствие.

Закрывая брешь

13/2/1862 Сайго снова оказался в центре японской политики. В течение нескольких дней после своего возвращения в Кагосима он встретился со всеми главными политическими лидерами, а затем и с самим Симадзу Хисамицу, отцом даймё и реальным правителем княжества. Это было возвращение к власти, на которое Сайго открыто надеялся, но оно обернулось для него полной катастрофой. Сайго так упорно противостоял Хисамицу, что 6/4 его обвинили в злостном неповиновении. 10/6 он снова был отправлен в ссылку, на этот раз на отдаленный остров Токуносима. Что произошло? Почему взлет Сайго так быстро сменился падением?

Возвращение было вызвано политическими амбициями Хисамицу. В конце 1861 года Хисамицу начал разрабатывать план использования вооруженных сил для ускорения реформы сёгуната. Хисамицу не хотел свержения сёгуната или радикального изменения общественного порядка, а всего лишь стремился к тому, чтобы упрочить влияние Сацума в рамках существующей политической системы. Его план, основанный во многом на предложениях Нариакира, сделанных им в 1858 году, состоял в том, чтобы нанести визит в Киото с большим воинским контингентом и получить указ императора на проведение ключевых реформ в сёгунате.

Хисамицу хотел, чтобы Хитоцубаси Кэйки был назначен опекуном молодого сёгуна, а Мацудайра Сунгаку получил должность специального политического советника. Он также хотел, чтобы императорский двор избрал группу даймё, которые будут представлять императора перед лицом сёгуна. Кроме того, он хотел, чтобы сёгун посетил Киото для урегулирования внешнеполитических вопросов. Заручившись поддержкой императорского декрета, можно будет представить все дело так, будто бы эти реформы являются волеизъявлением императорского дома, а не простым расширением власти даймё за счет сёгуната.

Радикальные сторонники императора были главной частью плана Хисамицу. Его визит в Киото отчасти был вызван лоялистами из Сацума, которые требовали предпринять конкретные действия для защиты императора. Хисамицу также понимал, как угроза террористического насилия способна повлиять на сёгунат. В своей переписке с императорским двором он отмечал, что восстание лояльных императору самураев будет грязным, но в то же время эффективным способом изменить политику сёгуната. Но Хисамицу не испытывал никакого интереса к политической программе лоялистов. Он хотел добиться расширения влияния Сацума в рамках существующей политической системы, а не возвращения прямого императорского правления. Он также не имел никакого желания способствовать нереалистичным ожиданиям в области внешней политики. Радикальные сторонники императора призывали к немедленному насильственному изгнанию иностранцев, но при этом они не несли никакой практической ответственности за государственные дела и не имели ни малейшего

представления о реальной политике. Хисамицу, как потенциальный член новой правящей клики, не мог поддерживать такие опасные, непрактичные идеи. Ему были не нужны вспышки насилия и терроризма, которые могли повредить деликатным переговорам. Однако в то же время Хисамицу не хотел отталкивать от себя радикальных лоялистов. Ему требовалась их ярость, чтобы оказывать давление на сёгунат. Стратегия Хисамицу была основана на искусном затемнении. Хотя Хисамицу использовал императорский двор для продвижения интересов Симадзу, при этом он хотел выглядеть как сторонник императора.

В этих условиях Окубо убедительно выступал за возвращение Сайго. Ни один другой вассал княжества Сацума не пользовался таким доверием среди сторонников императора. Сайго уважали не только его соотечественники из Сацума, но и лоялисты-радикалы во всей Японии. Кроме того, он много времени провел в Киото и его хорошо знали при императорском дворе. Окубо утверждал, что Сайго сможет объединить княжество и держать под контролем радикальных самураев.

С помощью этих аргументов Окубо добился возвращения Сайго из ссылки, но с момента своего прибытия в Кагосима тот столкнулся с тяжелейшей задачей. Ему нужно было держать под контролем сторонников императора, хотя план Хисамицу не поддерживал их программу. Ему также требовалось восстановить свое влияние в национальной политике после трехлетней ссылки. С самого начала почва под его ногами была крайне неустойчивой. 13/2, когда Сайго встретился с ключевыми политическими лидерами княжества, чтобы обсудить с ними намеченный визит в Киото, он отчитал их

за плохую подготовку. Что они будут делать, спросил он, если императорский двор никак не прореагирует на требование Хисамицу? Они будут сидеть в Киото год или два, ожидая ответа? Как они намерены действовать в том случае, если сёгунат заключит союз с иностранцами и отправит военные корабли? Окубо, как и остальные собравшиеся самураи, ничего не мог ему ответить. У них не было никаких планов на случай решительной реакции сёгуната. Сайго был потрясен. Княжество, писал он позднее, управлялось неразумными детьми, преисполненными благими намерениями, но в то же время опьяненными властью.

Сайго был столь же прямолинеен, когда двумя днями позже он встретился с Хисамицу. Хисамицу, заметил Сайго, придерживался взглядов Нариакира, но в отличие от своего единокровного брата он не смог заручиться поддержкой других даймё. Сайго предложил Хисамицу прикинуться больным и отложить отправку посольства. Сайго был особенно обеспокоен тем, что радикалы могут трактовать этот визит как призыв к революции. Что, если в отсутствие Хисамицу в Сацума начнутся волнения? Что, если появление посольства в Киото спровоцирует бунт?

Наблюдения Сайго были одновременно точными и анахроничными. Опасение Сайго по поводу того, что сёгунат может заручиться иностранной поддержкой, на несколько лет предвосхитило появление в штабе сёгуната французских военных советников. Его страхи из-за кровопролития в Киото предсказали разгул насилия 1863 и 1864 годов. А его опасение по поводу того, что посольство Хисамицу может разжечь беспорядки в Сацума, оказалось вполне оправданным. В 1864-м ради-

кальные лоялисты на самом деле спровоцировали вспышку гражданской войны в двух крупных княжествах, Мито и Тёсю. Однако в то же самое время Сайго серьезно недооценивал масштаб упадка сёгуната. Испытав на себе мощь и ярость чистки Ии, он по-прежнему считал сёгунат грозной, хотя и непривлекательной силой. Однако после убийства Ии ни один из чиновников сёгуната не проявил желания продолжить его миссию. Находясь в ссылке, Сайго отпраздновал смерть Ии, но он не осознавал, насколько серьезно деградировала власть сёгуната после его убийства.

В то время как Сайго мог недооценивать слабость сёгуната, Хисамицу оценивал ситуацию достаточно трезво. Он прекрасно осознавал, насколько уязвим и податлив теперь сёгунат для внешнего давления. Хотя Хисамицу выслушал аргументы Сайго, он остался при своем мнении, согласившись только перенести свое отбытие с 25/2 на 15/3. Разочарованный и уставший, Сайго отправился на горячие источники Ибусуки, расположенные в двадцати пяти милях к югу от Кагосима, чтобы заняться лечением больных ног. Он считал себя освобожденным от всех обязанностей.

Окубо по-прежнему был убежден в том, что Сайго может сыграть важную роль в посольстве Хисамицу, несмотря на их напряженную встречу 13/2. В начале 3/1862 Окубо посетил Сайго в Ибусуки и попросил его совершить поездку по Кюсю, чтобы выяснить настроения самураев. После этого он должен был дожидаться Хисамицу в Симоносэки и далее сопровождать своего господина в его путешествии в Киото. Сайго согласился и после получения официальных распоряжений 3/13 покинул Кагосима.

Сайго прибыл в Симоносэки 22/3 и был поражен оказанным ему приемом. Самураи со всей Японии встречали его с уважением, граничившим с поклонением. Когава Кадзутоси, самурай из княжества Ока, расположенного на севере Кюсю, восторженно отзывался о своей встрече с Сайго. Это был тот самый Сайго, писал он, который бросился в море вместе с Гэссё, но выжил. Ему нет равных по отваге и стремлению к великим делам, но он очень скромно относится к своему лидерству. Испытываешь прилив воодушевления, писал Когава, когда находишься в присутствии такого мужественного и нестигаемого человека. Собравшиеся радикалы упрашивали Сайго возглавить их, и Сайго был почти опьянен тем почтением, которое они ему оказывали. После непростой аудиенции с Хисамицу Сайго было приятно почувствовать, что его уважают и ценят. Самураи планировали отправиться в Киото и использовать визит Хисамицу как стартовую точку для восстания против сёгуната. Однако долг Сайго, как вассала Сацума, обязывал его их удержать, чтобы уличные бои не помешали выполнению миссии Хисамицу. Не дожидаясь прибытия Хисамицу и не получив разрешения покинуть Симоносэки, Сайго отплыл в Осака, а оттуда по суше направился в Киото.

27/3 Сайго прибыл в Осака и начал встречаться с самураями и *ронинами* (самурай, не имеющий господина) со всей Японии. Он был поражен их искренностью и энтузиазмом. Они принадлежали, писал он позднее, к тому типу людей, «с которыми я буду рад погибнуть в бою». Они все были солдатами, оказавшимися в «смертельной местности», людьми, которые оставили свои дома и семьи, чтобы служить Хисамицу и его великой

цели. Сайго чувствовал, что он не сможет помочь этим людям, не присоединившись к ним.

Вряд ли Сайго, который 13/2 отчитал Окубо за плохо продуманную стратегию, был в восторге от планов радикалов. Их стратегия позволяла быть уверенным только в том, что многие хорошие люди погибнут. Но Сайго был тронут их беззаветной преданностью общему делу. Разработать плохую стратегию — значит обречь себя на поражение, но полный отказ от стратегии во имя более высоких мотивов, по мнению Сайго, являлся образцом безупречного поведения. Его упоминание «смертельной местности» было мрачным и в то же время красноречивым. Как заметил знаменитый китайский стратег Сунь-Цзы, в «смертельной местности» можно выжить, только встретив лицом к лицу свою смерть. Соблазненный благородными мотивами их безнадёжного дела, Сайго не смог сопротивляться просьбам радикальных лоялистов и согласился их возглавить. 3/1862 мысли и поступки Сайго сверхъестественным образом предопределили его смерть на склонах Сирояма, случившуюся через пятнадцать лет. И в 1862, и в 1877 годах он был захвачен преданностью, искренностью и энтузиазмом людей, чьи планы были эффективными, самоубийственными и наивными.

Поскольку Сайго покинул Симоносэки без разрешения, его действия вызвали подозрения. Если бы он лично объяснил свои мотивы Хисамицу, то, возможно, ему удалось бы развеять беспокойство своего господина. К несчастью, когда 6/4 Хисамицу прибыл в Киото, он узнал о действиях Сайго из вторых и третьих рук, а именно от Хирано Киниоми, Каэда Нобуёси и Идзити Садака. Каэда был направлен в Киото, чтобы разведать си-

туацию перед визитом Хисамицу. Он не встречался с Сайго, но слышал о его деятельности от Хирано Киниоми, вассала княжества Фукуока, который помогал вытаскивать Сайго из залива Кагосима. Хирано был рьяным противником сёгуната: он выступал за то, чтобы взять штурмом укрепления сёгуната в Киото, Осака и Хиконэ, а затем начать решительное наступление на Эдо. Хирано, который сопровождал Сайго от Симоносэки до Киото, был убежден в том, что Сайго полностью разделяет его взгляды. Он рассказал об этом Каэда, а тот, в свою очередь, передал его слова Хисамицу. Для Хисамицу это была тревожная новость. Сайго должен был завоевать доверие радикалов, чтобы держать их под контролем, но доклад Каэда заставил Хисамицу задуматься о том, кто кого использует: Сайго радикалов или радикалы Сайго. После этого Идзити Садака, вассал Сацума, исполнявший роль доверенного лица Хисамицу в Эдо, доложил ему о том, что Сайго сотрудничает с радикальными сторонниками императора. 5/4 Сайго подверг Идзити критике за его позицию по внешнеполитическим вопросам. Идзити выступал за умеренный подход к международным договорам, считая, что, поскольку Япония не сможет быстро изгнать всех иностранцев, более осторожный курс позволит укрепить и объединить страну и в то же время подготовить почву для пересмотра договоров. Сайго был с этим не согласен, и он отчитал Идзити за его «трусливую» позицию. Смириться с договорами, подписание которых двор одобрил только под давлением, было равносильно тому, чтобы предать двор и поддержать сёгунат. Когда Идзити передал этот разговор Хисамицу, тот пришел в ярость. Хисамицу сам считал изгнание иностранцев невозможным,

так что Сайго косвенно приравнял позицию своего господина к антиимперской трусости. Более серьезным было то, что разговор Сайго с Идзити носил частный характер, и поэтому его нельзя было рассматривать как простую уловку, позволяющую держать под контролем самых безрассудных лоялистов. Наихудшие подозрения Хисамицу теперь подтвердились: Сайго был опасным и ненадежным. Без долгих раздумий Хисамицу приказал его арестовать.

Окубо и Сайго были ошеломлены реакцией Хисамицу. Окубо чувствовал себя униженным. Он добился возвращения своего друга, но он же подготовил почву для его свержения. Окубо пытался обсудить дело Сайго с Хисамицу, но господин остался непоколебимым. Охваченный гневом и отчаянием, Окубо предложил совершить двойное самоубийство. Сайго отказался, используя ту же логику, которая остановила его руку тремя годами ранее: самурай существует для того, чтобы служить, а мертвый самурай уже никому не послужит. Окубо должен жить, чтобы выполнить свою великую миссию служения императору. Окубо, который восстановил свою честь после того, как предложил умереть, принял аргумент Сайго. Сайго предстояло встретить гнев Хисамицу в одиночестве.

Хотя Хисамицу издал приказ об аресте Сайго, чиновники княжества не торопились задерживать человека с его репутацией и положением. Охваченный раздражением, Хисамицу отправил Сайго под конвоем из Осака в порт Ямагава. Здесь Сайго ожидал около двух месяцев, когда Хисамицу примет окончательное решение относительно обвинений и приговора. В конце концов Сайго был обвинен по четырем статьям: тайный

говор с ронинами, подстрекательство вассалов, создание помех для визита Хисамицу и отбытие из Симоносэки без разрешения. В качестве наказания 6/6 он снова был приговорен к ссылке, на этот раз на маленький островок Токуносима, расположенный к югу от Амамосима. Сайго отплыл из Ямагава 11/6, но из-за неблагоприятного ветра его корабль был вынужден вернуться в порт, а затем, на протяжении дальнейшего пути, сделать еще несколько остановок. Наконец, 5/7/1862 Сайго прибыл в деревушку Вания, расположенную на северной оконечности Токуносима.

Снова оказавшись в ссылке, Сайго был охвачен отчаянием и острым ощущением того, что его предали. Он излил свои чувства в серии писем, адресованных его другу Коба с Амамосима: «Даже те люди, которых я считал своими родственниками, заклеили меня как преступника, даже не попытавшись узнать истину. Все мои друзья были убиты. К кому мне теперь обратиться?» Утверждение Сайго о том, что все его друзья были убиты, являлось сильным преувеличением. После ареста Сайго Хисамицу инициировал активные действия против радикалов, и 24/4 самураи из Сацума ворвались на собрание лоялистов, которое проходило в Фусими, возле Киото. Были обнажены мечи, и в результате состоявшейся стычки погибло несколько лоялистов из Сацума. Сайго был потрясен этой трагедией, но погибшие доводились ему знакомыми, а не близкими друзьями. Одно из его друзей, Мурата Синпати, Хисамицу отправил в ссылку на соседний остров Кикайгасима, но Мурата оставался в добром здравии вплоть до 1877 года, когда он, вместе с Сайго, принял смерть на склонах Сиroyама. Но

преувеличенное утверждение Сайго о том, что все «друзья были убиты», на самом деле достаточно точно отражало его настроение. Он видел вокруг себя только подлость, вероломство и злой рок. Однако Сайго не помышлял о самоубийстве. Для него было бы неправильно, объяснял он Коба, убить себя из гнева или отчаяния. Вместо этого он намерен смириться со всем, что уготовано для него судьбой. Но Сайго уже почти не надеялся когда-нибудь еще увидеть главные острова. Если все пойдет прахом и разразится война, размышлял он, то тогда еще есть шанс на то, что через несколько лет его вернут назад. Но, скорее всего, он проведет в изгнании всю оставшуюся жизнь. Это будет нетрудно, заявлял он, поскольку национальная политика теперь вызывает у него только отвращение.

Семья Сайго находилась поблизости, на Амамиосима, и 7/1862 Айгана привезла на Токуносима их сына Кикудзиро и новорожденную дочь Кикуюко. Этот визит вызвал у Сайго двойственные чувства. Через месяц он написал Коба, что был рад увидеть Кикуюко, но ему не хотелось бы, чтобы его семья приезжала сюда снова. Точные мотивы Сайго нам неизвестны, но в этом письме он называет Айгану «женщина, которая мне служит», и, судя по всему, ее благосостояние интересовало его больше, чем супружеская близость. Пока Сайго знал, что его жена и дети в безопасности, он не особенно стремился к тому, чтобы их увидеть. Главная забота Сайго состояла в том, чтобы за его семьей на Амамиосима присматривал какой-нибудь надежный человек. Пока Сайго находился в Киото, за Айганой присматривали Коба и Току, но теперь срок пребывания Коба на

Амамиосима подходил к концу, и поэтому Сайго обратился с аналогичной просьбой к еще одному другу, Кацура Хисатакэ. Хотя Кацура был направлен на остров только в конце 1861 года с необычной двойной миссией — открыть медный рудник и организовать береговую оборону, — семьи Сайго и Кацура были знакомы на протяжении многих поколений. Вскоре после своего прибытия в 1862 году Кацура начал помогать жене и детям Сайго, к примеру, покупая рулоны ткани для Айганы. «Скажи Айгане, — просил Сайго в письме к Коба, — чтобы она успокоилась, поскольку ей нечего бояться, пока на острове находится Кацура». Сайго видел необходимость находиться возле своей семьи только в случае отъезда Кацура. Согласно устной традиции, Сайго ожидал, что проведет на Токуносима в одиночестве много лет, и поэтому начал собирать сельскохозяйственный инвентарь, чтобы выращивать собственный урожай.

Однако 8/1862 из Кагосима на остров прибыл полицейский с новыми распоряжениями относительно приговора. Сайго был посажен на бриг и перевезен на Окиноэрабусима — еще один остров в архипелаге Аами. Хотя Окиноэрабусима находился на небольшом расстоянии к югу от Токуносима, это было совершенно другое место. В отличие от Аамиосима или Токуносима Окиноэрабусима предназначался для ссылки серьезных преступников, людей, которые едва избежали смертного приговора. Остров представлял собой мрачное место. По словам одного из биографов, «почва здесь стерильна, а воздух наполнен миазмами... Это неприятное место, где все время дует сильный ветер, поднимая высокие волны». Даже сегодня Окиноэрабусима

кажется пустынным и отрезанным от внешнего мира. Несмотря на все попытки привлечь сюда туристов, большинство людей, прибывающих на остров, являются государственными чиновниками из министерства сельского хозяйства. Перевод Сайго на Окиноэрабусима казался еще более зловещим из-за угрожающего поведения полицейского, присланного из Кагосима. Один из свидетелей, Накахара Манбэй, позднее вспоминал, что взгляд полицейского заставил его заподозрить, что Сайго будет убит до того, как корабль достигнет Окиноэрабусима.

После того как Сайго был насильно разлучен с семьей, он начал открыто сожалеть о том, что провел с нею так мало времени. В своем первом письме с Окиноэрабусима Сайго горевал о том, что он и Кикудзиро «растались, словно чужие люди, даже не узнав друг друга как следует». Разлука с детьми сделала его вторую ссылку значительно более мучительной. «Либо из-за тяжести ссылки, — писал он Току, — либо из-за того, что я постарел, однако на этот раз я кажусь себе мягкотелым и слабовольным. Я постоянно вспоминаю своих детей, и это заставляет меня страдать. Мне трудно описать свои чувства. Это странно, поскольку я всегда считал себя человеком, который от природы обладает сильным телом и духом». Сайго не забыл о пережитом чувстве потери. Жестокость ссылки на Окиноэрабусима сформировала его взгляды на преступление и наказание. Через много лет, в одном из редких положительных отзывов о западных политических институтах, Сайго похвалил западные тюрьмы, назвав их мягкими и цивилизованными. В отличие от японских тюрем, они не только наказывают, но и пытаются реабилитировать заключенного.

Они не отделяют заключенного полностью от друзей и семьи, проявляя жалость к его изолированному положению. Поэтому, заметил Сайго, именно западная пенитенциарная система сумела воплотить в себе конфуцианские идеалы человеколюбия.

Край земли

Сайго находился на Окиноэрабусима с 8д/1862 по 2/1864, но о первых шести месяцах, проведенных им на острове, почти не сохранилось никаких записей. Однако существует подробная фольклорная история о жизни Сайго, которая является частью местной устной традиции. Согласно самой известной версии, Сайго прибыл в маленький порт Инобэ 14/8д/1862 и был перевезен по суше в деревню Вадомари. Здесь управляющий островом, Цудзурабара Мотосукэ, получил распоряжения об условиях его содержания. Цудзурабара был озадачен. На Окиноэрабусима находилось большое количество ссыльных, но все они могли свободно перемещаться по острову. Однако в отношении Сайго ему было дано особое указание содержать его в «заключении» все время. Цудзурабара не был уверен, что именно означает «заключение», но смысл этого распоряжения явно требовал ужесточения наказания. Поскольку Сайго прибыл на Окиноэрабусима на корабле, где имелось специальное помещение для арестантов, Цудзурабара приказал соорудить схожую конструкцию. Рабочие быстро построили для Сайго простую клетку с бамбуковой решеткой и соломенной крышей. Согласно легенде, это был куб со стороною около девяти футов, в одном

углу которого размещался очаг, а в противоположном туалет. Многие биографы отмечали, что эта конструкция напоминала загон для крупного животного.

Сайго провел две ночи под охраной, пока рабочие заканчивали его клетку. Затем он был переведен в свою новую тюрьму. Крыша создавала тень, позволявшую укрываться от солнца, но клетка стояла около моря, и ее стены не защищали от жары, ветра или дождя, а также москитов и других насекомых. Поскольку Сайго не разрешалось покидать место своего заключения, он не мылся и не ухаживал за собой; его грязные и спутанные волосы начали издавать дурной запах. Пища была ужасной, а клетка слишком маленькой для Сайго, чтобы он мог в ней размяться. С каждым днем внешний вид Сайго заметно ухудшался. Большой, энергичный человек, он медленно поддавался воздействию сквозняков, недоедания и болезней.

Согласно устной традиции, Сайго встретил свою судьбу с холодным стоицизмом. Он практиковал дзен-буддистскую медитацию и ожидал смерти. Один из его стражников, Цугимоти Масатэру, сжалился над ним и предложил Сайго тайком приносить ему более качественную еду. Сайго отказался с мрачным юмором: если ты употребляешь простую пищу, заметил он, твое тело не изменится слишком сильно после смерти. Цугимоти, согласно легенде, был поражен тихой решимостью Сайго, и ему все меньше хотелось наблюдать за его медленным угасанием. Он обратился к Цудзурабара с просьбой пересмотреть свою интерпретацию указаний Хисамицу. Заключение, утверждал Цугимоти, совсем не обязательно должно означать открытую клетку: это может быть любое маленькое, простое строение, даже

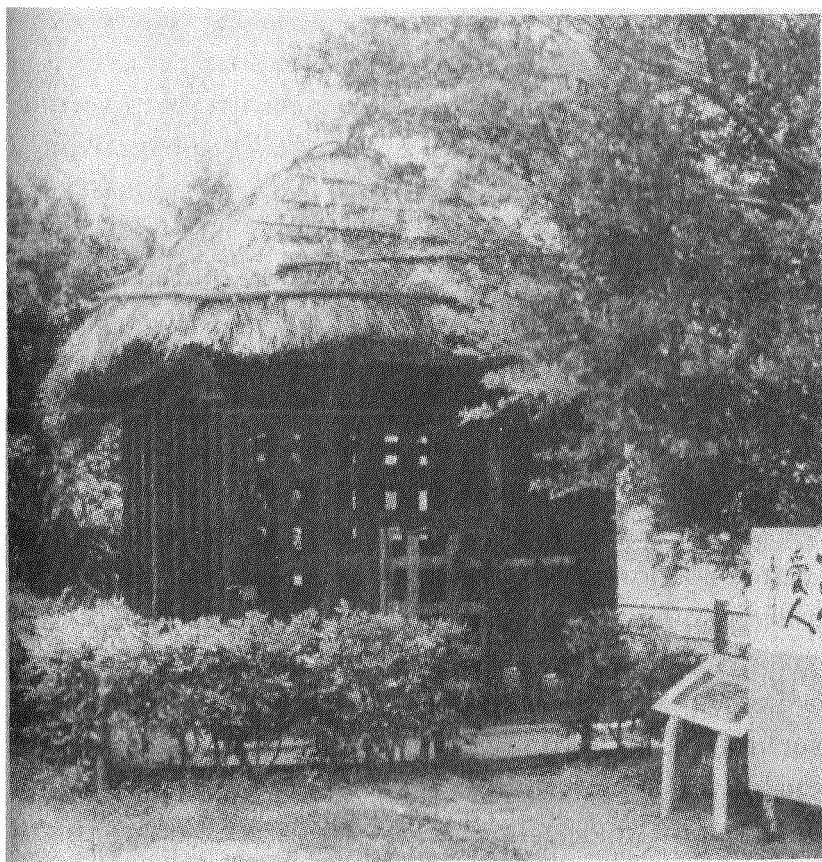
чайный домик. Цудзурабара согласился: он получил указание ограничить передвижение Сайго, а не убить его. Цутимоти сразу же начал работать над сооружением простого домика, и в конце 10/1862, после двух месяцев, проведенных в клетке, Сайго был помещен под домашний арест.

Нет никаких документов, способных подтвердить эти истории, чей уровень детализации позволяет предположить, что над их украшением поработало не одно поколение пересказчиков. Однако в этих отчетах нет ничего заведомо фальшивого. Они скорее усиливают то, что нам достоверно известно о ссылке Сайго. Накахага опасался за жизнь Сайго перед его отбытием, а сам Сайго позднее писал о том, что его перевели из «заключения» в «комнату». Легенда о клетке под открытым небом достаточно правдоподобно связывает эти более надежные отчеты. Мы также знаем из более поздних писем и стихов Сайго о том, что у них с Цутимоти сложились близкие и прочные отношения. Цутимоти относился к Сайго с уважением, граничившим с поклонением, и он с готовностью поддерживал его самые непрактичные идеи. Например, 7/1863 Сайго, хотя официально он по-прежнему находился под домашним арестом, решил построить корабль и отплыть в Сацума. В начале этого месяца английские военные корабли обстреляли Кагосима в ответ на атаку четырех британских подданных самураями из Сацума, и Сайго рвался домой, чтобы сражаться за свое княжество. Цутимоти, который воспринял эту идею с полной серьезностью, продал раба и использовал свои личные сбережения, чтобы начать строительство корабля для Сайго. Однако этот непрактичный план так и не был осуществлен. Битва, извест-

ная в Японии как «Сацума — Английская война», продолжалась один день. Хотя целые кварталы Кагосима были уничтожены огнем, силам Сацума удалось серьезно повредить один из семи британских кораблей, и две стороны тихо договорились мирно урегулировать конфликт.

Сайго считал Цутимоти образцом преданности и отваги, а также называл его «человеком справедливости». Он заявил, что если иностранные военные корабли подойдут к Окиноэрабусима, то они с Цутимоти будут биться до последнего. В стихотворении Сайго утверждал, что Цутимоти настолько скромнен в привычках и решителен в своей преданности, что он преодолевает границу между жизнью и смертью. Это счастье, писал он своим дядям, иметь такого друга. Связывающие их узы сохранились и после окончания срока заключения Сайго на острове. Цутимоти посвятил себя реализации одной из идей местного развития, предложенной Сайго: совместного использования резервного зернохранилища и программы принудительных сбережений. В 1863 году Сайго высказался за то, чтобы местные крестьяне откладывали часть их урожая в резервное зернохранилище. Этот принудительный вклад должен приносить им доход 20 процентов в год. Крестьяне могли получить причитающиеся им проценты только в кризисной ситуации, такой, как неурожай или чрезвычайное происшествие, но на основную часть вклада они получали полное право по истечении пяти лет после открытия счета. Этот план отражал донкихотский синкретизм Сайго. Название, выбранное Сайго для этих зернохранилищ, *sacé*, было древнекитайским выраже-

нием, а сам план основывался на конфуцианских идеях великодушного деспотизма. Но высокая процентная ставка демонстрирует еще одного Сайго — осведомленного о рыночных силах и своекорыстии. Десятилетием позже Цутимоти, который в конечном итоге стал мэром Вадомари, попытался реализовать план Сайго. Это оказалось сложным: *sacé* требовало больших вложений капитала, отсутствовавшего на нищем острове. Но Сайго вмешался, чтобы помочь своему старому другу. Он

Клетка Сайго на Окиноэрабусима

оказал давление на министра финансов и губернатора Кагосима, чтобы они простили островитянам задолженности по налогам. С помощью Сайго Цутимоти сумел превратить *sacé* в доходный, если не процветающий финансовый институт. Связь Сайго с Цутимоти была характерным примером его отношений со своими последователями. Сайго вызывал страстную, порой слепую преданность, потому что он относился к своим последователям с благородством и уважением.

Мы не знаем достоверно, доводилось ли когда-нибудь Сайго сидеть в клетке под открытым небом или нет, но легенда настолько убедительна, что островитяне воплотили ее в бетоне и бронзе. В центре Вадомари, в маленьком парке, расположенном сразу за главной торговой улицей, находится памятник, изображающий Сайго в клетке. Клетка построена в соответствии с местными традициями, и бронзовый Сайго сидит внутри нее, сильный, спокойный и уравновешенный. Эта статуя представляет собой поразительный пример силы воздействия славы Сайго. Находясь в Вадомари, кажется абсурдным спрашивать, сидел ли Сайго когда-нибудь в клетке, поскольку вот он, перед вами, — физически осязаемое воплощение самурайской решимости. Поблизости также находится часовня, посвященная вкладу Сайго в островную культуру. Эти памятники на Окиноэрабусима позволяют понять, насколько пугающей была репутация Сайго, причем не только для его противников, но и для него самого. Сайго стал легендой еще при жизни, и он прекрасно знал о том, с каким почитанием к нему относятся. Еще в начале 1863 года он считал свою славу вдохновляющей и в то же время смешной.

Клетка Сайго на Окиноэрабусима

В своем первом письме с Окиноэрабусима Сайго кратко упоминает некое «заключение», а затем с гордостью описывает свой интеллектуальный рост. «Меня не беспокоят повседневные дела, и благодаря этому я могу полностью посвятить себя учебе, — писал он. — Похоже, что если я и дальше буду учиться в том же темпе, то скоро стану настоящим ученым». Сайго использовал

свое заключение как возможность учиться. Он занимался каллиграфией и выработал более зрелый стиль: его почерк стал более плавным, с четкими, жирными мазками. Сайго прочел много книг по китайской и японской философии. Вместе с товарищем по ссылке, Кавагути Сэппо, он переписал все шесть томов избранных эссе Хосои Хэйсю. Сайго также много читал из китайской классики, особенно поэзии.

Кроме того, Сайго стал плодовитым поэтом. Хотя он использовал несколько поэтических форм, наибольшее предпочтение он отдавал классическому китайскому стилю. Одно из самых известных его стихотворений, «Размышления в тюрьме», написано в китайском стиле *риси*, который имеет строгие правила в отношении количества слов и параллелизма. Для Сайго эти правила были скорее помощью, чем ограничением. Сайго обнаружил, что через классическую китайскую поэзию он может связать свой личный опыт с универсальными нормами и историческими событиями:

Днем человек наслаждается благосклонностью
своего господина,
Но ночью он раздавлен и погран,
как жертва чистки Цинь Ши-хуанди.
Превратности нашей судьбы похожи на смену дня и ночи.
Подсолнух поворачивается к солнцу,
будто бы свет его никогда не померкнет.
Так и я сохраняю свою верность,
даже если удача мне изменила
Мои дорогие друзья из столицы все теперь призраки.
Ссылный на далеком южном острове,
я единственный выжил.
Жизнь, как и смерть, несомненно, дарована нам небесами.
Я прошу лишь о том, чтобы мое сердце и душа
оставались на земле ради защиты его величества.

Здесь Сайго связывает свою преданность и решимость с природой и человеческой историей. Безропотно принимая все, что уготовано для него судьбой, он поворачивается лицом к императору так же послушно, как подсолнух поворачивается к солнцу. Он также связывает себя с жертвами чистки императора Цинь Ши-хуанди, основателя династии Цинь, который, согласно легенде, при подавлении волнений в 213 г. до н. э. закапывал живьем ученых-конфуцианцев и сжигал все книги, за исключением текстов, посвященных медицине, сельскому хозяйству и предсказанию будущего.

Избранная Сайго поэтическая форма содержала в себе скрытое политическое заявление. Многие радикальные сторонники императора считали, что китайский язык и китайская мысль *загрязняют* оригинальные японские ценности. Среди лоялистов было принято писать стихи исключительно на японском. Некоторые из них даже старались не использовать китайские иероглифы, играющие ключевую роль в японской системе письменности. Но Сайго, хотя он и был рьяным японским шовинистом, любил китайскую поэзию. Его мировоззрение было тесно связано с общим восточно-азиатским каноном китайской классики. Однако его любовь к древнекитайской культуре не вызывала в нем уважения к современному Китаю. Называя нищих обитателей Амамиосима «волосатыми китайцами», он тем самым, конечно же, хотел выразить свое презрение. Этим он походил на своих современников из Англии, которые восторгались античной греческой культурой, но в то же время с презрением относились к грекам девятнадцатого века.

Несмотря на то что официально он находился в заключении, Сайго стал учителем, пользующимся любовью своих учеников. Он начал проводить регулярные занятия еще 4/1863, всего лишь через несколько месяцев после того, как его, согласно устной традиции, перевели из клетки под домашний арест. Основную часть его учеников составляли сыновья местных чиновников, среди которых был и сын начальника полиции острова Мисао Танкэй. Несмотря на статус заключенного и относительную краткость своего пребывания, Сайго оказал долговременное воздействие на Окиноэрабусима. Местные жители до сих пор свято верят в то, что благодаря Сайго их дети являются необычайно прилежными в учебе и хорошо образованными для такого бедного и отдаленного острова.

В письмах Сайго не обсуждал свою преподавательскую деятельность, но до нас дошли некоторые записи, оставшиеся от его индивидуальных занятий с Мисао Танкэй. Сайго обучал Мисао по самым простым текстам из китайской классики. Его подход был общепринятым: изучение конфуцианства в интерпретации Чжу Си и использование сунских терминов при обсуждении трудов Мэн-цзы. Но голос Сайго отчетливо различим даже в записях Мисао по Мэн-цзы. Он уделял особое внимание пересечению границы между жизнью и смертью. Главным условием полноценной жизни, утверждал он, является осознание того, что смерть неизбежна, непредсказуема и поэтому неважна. Только научившись игнорировать «мысленное различие» между жизнью и смертью, мы сможем понять нашу небесную природу, небесные принципы и небесную волю. Примечательно, что в оригинальной выдержке из Мэн-цзы смерть не

упоминается, и этот фрагмент можно трактовать как пример оптимистического взгляда Мэн-цзы на природу человеческих существ, от природы наделенных моралью и добром. Сайго разделял этот оптимизм, но с одним мрачным дополнением: только перестав бояться смерти, мы можем жить в гармонии с небесами.

В начале 1864 года Сайго написал безмятежное годовое письмо своим дядям из Кагосима. «Я процветаю на этом крохотном острове», — заявлял он. У Сайго было около двадцати учеников. В течение дня он учил их простому чтению, а вечером объяснял им тексты. Благодаря своему заключению, шутил Сайго, он становится достаточно образованным человеком. Сайго не упоминает о возвращении в Кагосима и ни на что не жалуется. Он не просто избежал смертного приговора — он научился радоваться жизни, находясь в самой суровой ссылке. Как и на Аминосима, Сайго доказал, что он может чувствовать себя счастливым даже в самой безнадежной ситуации. В тюремной камере на отдаленном острове, где воздух «наполнен миазмами», он создал сообщество из преданных учеников и верных друзей. Но его счастье было недолгим.

«ВЕЛИКИЙ ГРУЗ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ГОСУДАРСТВО»

Свержение сёгуната¹

Из ссылки в столицу

20/2/1864 жители Окиноэрабусима стали свидетелями редкого зрелища, когда «Котомару», один из немногих японских пароходов, вошел в порт Вадомари. На борту корабля прибыли три неожиданных для Сайго визитера: его друг Ёсии Томодзанэ, его младший брат Цугумоти и вассал из Сацума Фукуяма Сэйдзо. Они привезли с собой поразительные новости о том, что Сайго прощен и должен срочно вернуться на службу. Это превосходило его самые смелые мечты. Он никогда не сомневался в преданности своих друзей. Даже в самые мрачные моменты Сайго беспокоился о безопасности Окубо, а не о том, верен ли он ему. Но Сайго давно оставил всякую надежду на то, что его друзья смогут вернуть ему свободу.

Сайго не пришлось долго раздумывать над своей неожиданной удачей, поскольку Хисамицу приказывал ему вернуться безотлагательно. Сайго будет дорожить своей дружбой с Цугимоти всю оставшуюся жизнь, но в тот момент у него не было времени на долгое прощание; «Котомару» вышел в море на следующее утро.

¹Цитата из воспоминаний Кацу Кайсю, посвященных Сайго.

Ёсии и компания имели приказ сразу вернуться в Ямагава, но Сайго настоял на том, чтобы они сделали остановку на Амамиосима. 23/2/1864, около полудня, пароход вошел в залив Касари на Амамиосима и бросил якорь возле Тацуго. Сайго сошел на берег и отправился к своей семье, которую он не видел два года. Он провел на острове четыре дня, посещая друзей и восстанавливая семейные узы с женой и детьми. Кикудзиро уже исполнилось четыре, и Сайго теперь мог играть с мальчиком, а не с малышом. Его дочь, Кикусо, тоже подросла. Как всегда, Сайго был крайне сдержан в отношении своих чувств, но он поделился ими с Цутимоти: ему было так приятно увидеть жену и детей, что «мне казалось, будто бы я восстал из мертвых». Сайго также отметил что Айгана, которую он называл своей «любовницей», тоже радовалась их встрече. Но, несмотря на свое приподнятое настроение, Саго оставался человеком долга. Он прибыл на Амамиосима с визитом, но цель его жизни заключалась в том, чтобы служить своему господину. Утром 26/2 он покинул Тацуго во второй, и в последний, раз. Его дети, в конечном итоге, были перевезены в Кагосима, но он больше никогда не видел Айгану.

По пути в Кагосима Сайго и его компаньоны сделали еще одну остановку, чтобы забрать Мурата Синпати с соседнего острова Кикайгасима. Хисамицу отправил Мурата в ссылку вместе с Сайго в 1862 году. Спасательная партия, направленная за Сайго, не получила никаких инструкций относительно Мурата, но, согласно легенде, Сайго не хотел оставлять в ссылке своего преданного друга. 28/2 «Котомару» прибыл в Кагосима. Сайго встретил паланкин, который без промедления доставил его в собственную резиденцию в Уэносоно. На следую-

щий день он посетил могилу Нариакира и засвидетельствовал ему свое почтение. Неделей позже он и Мурата отплыли в Киото на корабле «Анкомару» и прибыли туда 14/3. 18/3 у Сайго состоялась аудиенция с Хисамицу, который официально вернул ему прежнее жалованье и назначил его командующим войсками Сацума в Киото. Менее чем за месяц Сайго преодолел более двенадцати сотен миль. Он был возвращен из ссылки и опалы, вдобавок получив один из самых влиятельных постов в правительстве княжества. От всех этих событий Сайго почувствовал себя дезориентированным, но постепенно он начал понимать, что стало причиной его прощения и повышения. Национальная политика совершила резкий поворот, и княжеству Сацума срочно потребовался новый голос в императорской столице.

Когда 14/3/1864 Сайго прибыл в Киото, его сразу же поразила деградация политической сцены. Ситуация, писал он 4/1864, была гнетущей. Императорский двор не проводил последовательной политики, а просто реагировал на повседневные события. Главные даймё ссорились между собой, постепенно превращаясь в марионеток сёгуната. Хитоцубаси Кэйки нельзя было верить; он казался опасно честолюбивым. Создавалось впечатление, писал Сайго, что «здесь больше нечего делать, кроме как ждать неприятностей». Это был не тот исход, которого многие ожидали двумя годами ранее, когда Сайго был отправлен в ссылку. Тогда говорили о наступлении новой эпохи правительства национального единства. Визит Хисамицу в 1862 году в Киото и Эдо заметно изменил политический ландшафт. Хисамицу потребовал создания новой структуры разделения функций власти, получившей название *кобу гаттай* (бук-

вально — «союз императорского двора и воинов»), в которой сёгунат остается влиятельной силой, но при этом включает главных даймё в процесс принятия решений. Эта новая структура должна быть поддержана и узаконена императорским двором. В 1862 году Сайго беспокоился из-за того, что Хисамицу действует слишком агрессивно, продвигая свой план создания *кобу гаттай*. Цель была благородной, но Сайго опасался ответного удара сёгуната. Однако Сайго ошибался. Хисамицу прекрасно рассчитал время.

Вместо того чтобы принять на себя полную ответственность за подписание непопулярных договоров, сёгунат решил поделиться властью, надеясь таким образом поделить и ответственность. В ответ на требования Хисамицу сёгун согласился посетить Киото и подтвердил приоритет воли императора над решениями сёгуната. 8/1862 сёгунат назначил Хитоцубаси Кэйки, проигравшего в 1858 году спор из-за наследования титула сёгуна, опекуном молодого и слабого сёгуна Иэмоти. Мацудайра Сингаку, который с 1858 года находился под номинальным домашним арестом, был назначен политическим директором сёгуната (*сэйдзи сёсай*). Это была новая должность, сравнимая с постом великого советника (*тайро*), который занимал Ии. Сёгунат даже согласился с рекомендацией Хисамицу пересмотреть систему *санкин кодай*, резко сократив время обязательного пребывания даймё в Эдо.

В 1862 году казалось, что эти изменения предвещают скорое наступление новой эпохи японского правительства. Но в 1864-м лишь немногие все еще верили в то, что *кобу гаттай* может решить проблемы Японии. Несмотря на все оптимистические разговоры о союзе

императорского двора, сёгуната и главных даймё, план создания *кобу гаттай* закончился полной неудачей. Частично это была неудача самих участников. Феодалная элита расписалась в том, что она не способна налаживать эффективные связи через границы княжеств. Крупные даймё, включая Симадзу Хисамицу, Ямауги Ёдо из Тоса, Мацудаира Сингаку из Фукуи и Мацудаира Катамори из Айдзу, представляли собой шовинистическую и патриархальную группу лидеров, плохо подходящую для строительства нового государства. Неожиданной проблемой для формулы *кобу гаттай* стал опекун сёгуна Хитоцубаси Кэйки, который вскоре стал главным врагом Хисамицу. Кэйки в полной мере оправдал ожидания своих сторонников в 1858 году, но он использовал свои навыки для создания независимой политической базы. В 1864-м недавние союзники Кэйки и Хисамицу постепенно становились злейшими врагами, и ухудшение их отношений отравляло весь проект *кобу гаттай*. Сайго, со своей стороны, начал испытывать глубокую ненависть к Кэйки. В начале 1864 года он начал выражать беспокойство из-за неблагонадежности Кэйки, а к 1868 году он уже всей душой желал ему смерти.

Формула *кобу гаттай* потерпела неудачу и из-за проблем внутри императорского двора. В теории уважение к императорскому двору должно было объединить конкурирующих даймё. Но двор был совершенно не готов к принятию непростых политических решений 1860-х. По условиям соглашения семнадцатого века с режимом Токугава, императорские придворные должны были заниматься сочинением стихов, каллиграфией, чайной церемонией и другой утонченной дея-

тельностью. Императорский двор не управлял армией уже около тысячелетия. Еще в 1858 году Хасимото Санаи пришел в отчаяние из-за того, насколько плохо придворные разбираются в самых злободневных политических вопросах, и даже десятилетием позже многие высокопоставленные придворные по-прежнему придерживались мнения, что можно найти простой способ изгнать «варваров» из Японии. Согласно формуле *кобу гаттай*, предполагалось, что воины должны поддерживать двор, но двор был анахроничным, слабым и сильно раздробленным институтом. Некомпетентность двора стимулировала открытую и опасную борьбу за контроль над ним. К 1864 году могущественные княжества соперничали не столько за получение почестей при дворе, сколько за то, как манипулировать его решениями.

Сражение за императорский двор было усилено идеологией радикальных лоялистов. Все большее число самураев и простолюдинов во всей Японии верили в то, что поклонение императору поможет решить национальные политические проблемы. Центральное место в идеологии радикальных лоялистов занимала вера в то, что пребывание иностранцев в Японии приводит к осквернению «земли богов». Только изгнав из страны иностранцев, подданные императора могут доказать свою лояльность; любые компромиссы — это не только трусость, но и проявление неуважения к императору и богам. Суть убеждений радикальных лоялистов можно было выразить одним предложением: «Почитание императора (*сонно*) и изгнание варваров (*дзэи*)». Идеология *сонно дзэи* обладала огромной эмоциональной силой. Как и радикальный исламский фундаментализм наших

дней, она позволяла излечить глубоко укоренившиеся обиды и унижения утопичными обещаниями очищения и мести. Иррациональность риторики *кобу гаттай* была частью ее привлекательности. Ито Хиробуми, один из самых космополитически настроенных лидеров государства Мэйдзи, вспоминая о своей юности, заметил: «Если кто-то начинал рассуждать логично о вещах [которые тогда случались], их было невозможно понять... но эмоционально казалось, что именно так все должно и быть». Сайго мог горячо симпатизировать гонителям иноземцев. В 1854 году он сам был глубоко тронут видением Фудзито Токо чистой Японии, объединенной преданностью императору и свободной от тлетворного иностранного влияния. Но к 1864-му Сайго осознал, что «изгнание варваров» — это долговременный проект. И, что более серьезно, Сайго испытывал глубокое уважение к порядку и не поддерживал призывов к насилию, исходивших от радикалов *сонно дзёи*. Они были, как он заметил в 1864 году, не более чем «хулиганами».

Движимые страстным чувством собственной правоты и совершенно не желая замечать реальные факты, радикалы *сонно дзёи* вызвали хаос и волнения в японской политике. В Мито это привело к вооруженным выступлениям, известным как восстание Тэнгу. 3/1864 толпа из недовольных самураев, синтоистских священников и простолюдинов поднялась на гору Цукубо в Мито и объявила о своем намерении совершить паломничество в Никко, где находится мавзолей Токугава Иэясу, основателя сёгуната. Они собирались почтить память даймё Мито Токугава Нариаки, который умер в 1860 году, заявить о своей преданности Иэясу и импе-

раторскому дому, а затем направиться в Йокохама, чтобы изгнать из города варваров и закрыть порт. Поначалу сёгунату удалось остановить кризис, но к 7/1864 мятежники завербовали сотни последователей, и конфликт вскоре перерос в гражданскую войну, захлестнувшую княжество Мито.

Для сёгуната восстание Тэнгу стало кризисом сразу на нескольких фронтах. Войска сёгуната были плохо обучены и слабо мотивированы, поэтому, несмотря на большое превосходство в живой силе и вооружении, их неоднократно обращали в бегство маленькие отряды бунтовщиков. Начало открытых военных столкновений продемонстрировало крайнюю хрупкость существующего политического порядка. А успех мятежников в вербовке сторонников среди самураев и простолюдинов подчеркнул жизненность дела *сонно дзёи*. На протяжении месяцев войска сёгуната преследовали повстанцев по всей Японии, прежде чем 12/1864 они, наконец, вынудили их сдаться.

Кроме угрозы восстания Тэнгу, сёгунат также столкнулся с терроризмом маленьких групп радикальных лоялистов. К 1864 году никто не мог чувствовать себя полностью защищенным от ярости террористов. Иностранцы были самой очевидной мишенью, и лоялисты атаковали как офицеров, так и небооруженных гражданских лиц. Радикалы *сонно дзёи* также обратили свой гнев против тех японцев, которых они считали недостаточно лояльными. Особое раздражение у них вызывал Мацудайра Сунгаку, даймё Фукуи. Они считали его коллаборационистом и несколько раз планировали похитить и убить его. Радикалам так и не удалось добраться до Сунгаку, но они сумели поджечь его резиденцию в

Киото. Даже императорский двор не был полностью застрахован от атак террористов, поскольку — несмотря на их преклонение перед императором — лоялисты все чаще проявляли готовность атаковать императорских придворных. Например, 1/1863 Сандзё Санэай, высокопоставленный придворный вельможа, обнаружил в своем особняке в Киото отрезанные уши Икэути Дайгаку. Чтобы Сандзё правильно понял значение отрезанных ушей, убийцы приложили к ним записку, где объяснялось, что Икэути, ученый-конфуцианец, когда-то преданно служил императору, но затем стал союзником сёгуната, и поэтому он является гнусным предателем. В записке советовалось Сандзё пересмотреть свою позицию. Ивакура Томоми, старший придворный, а затем лидер государства Мэйдзи, столкнулся с похожим предостережением: он обнаружил в своей резиденции отрубленную руку.

Все эти столкновения происходили на фоне обострения соперничества между двумя самыми могущественными японскими княжествами — Сацума и Тёсю. Как и Сацума, Тёсю противостояло Токугава в 1600 году, и княжество давно имело зуб против сёгуната. Однако в отличие от Сацума княжеству не доставало сильных лидеров среди даймё. В 1860-х Тёсю, по сути, управляли две враждующие фракции — консерваторы и радикальные лоялисты. К концу 1862 года радикалы *сонно дзёи* захватили контроль над княжеством и начали проводить агрессивную внешнюю политику. Эти лоялисты не одобряли прагматизм Хисамицу, в котором они видели оппортунистическую защиту сёгуната. Их пылкое принятие верноподданнических идей взбудоражило наиболее радикально настроенных членов императорского

двора, и к началу 1863 года самые влиятельные придворные были сторонниками Тёсю, которые призывали двор занять по отношению к иностранцам более нетерпимую и несостоятельную позицию. 14/2/1863 двор приказал в течение двух месяцев изгнать из Японии всех иностранцев. Это было абсолютно непрактичное и неразумное требование, но более спокойные голоса заглушила разрушительная комбинация из насилия террористов и величия императора. Даже сёгунат, который подписал договоры, гарантирующие безопасность всем проживающим в Японии иностранцам, отказался от своей ответственности за них и согласился на высылку.

Контроль Тёсю над императорским двором вызвал гнев у правительства Сацума. Новая политика изгнания иностранцев была полной противоположностью прагматичной позиции Хисамицу в отношении иностранной угрозы. Более того, Тёсю использовало свое новое влияние на двор с тем, чтобы исключить Сацума из императорской политики: 29/5/1863 самураям из Сацума было запрещено появляться при дворе. Такое оскорбление не могло остаться без ответа. С точки зрения Сацума, двор захватил опасный соперник, и престиж всего княжества оказался под вопросом. Хисамицу заключил вынужденный союз с Айдзу, просёгунским княжеством, расположенным на северо-востоке страны. С молчаливого согласия умеренных придворных они организовали точно рассчитанную атаку. Рано утром 18/8/1863 самураи из Айдзу и Сацума ворвались в императорский дворец и взяли под охрану ворота. Их союзники при дворе организовали экстренное совещание, которое благословило эту акцию, и в результате самураи из Са-

цума стали официальными стражниками императорского дворца. Сацума сокрушило Тёсю одним ударом.

Лидеры Тёсю были ошеломлены. Буквально в мгновение ока они потеряли главную опорную точку в своей политической стратегии — контроль над императорским дворцом. То высокомерие, с которым радикалы Тёсю изгнали из дворца своих соперников, теперь обратилось против них. Когда эмиссары из Тёсю попытались подать петицию императору, им даже не удалось приблизиться ко дворцу. 13/9/1863 военный губернатор Киото, назначаемый сёгунатом, запретил делегации из Тёсю входить в город. 12/1863 вторая делегация была вынуждена ждать, пока придворные решали, стоит ли выслушивать их жалобу. В конце концов посланникам было отказано, и они вернулись в Тёсю с тревожной новостью о том, что княжество утратило все свое влияние в императорской столице.

Судя по всему, совместный удар Сацума и Айдзу вдохнул новые силы в умирающую коалицию *кобу гаттай*. После того как радикалы-ксенофобы были изгнаны, сложилось мнение, что, возможно, умеренные в конце концов смогут управлять страной. 12/1863 в ответ на давление со стороны Симадзу Хисамицу императорский двор учредил новый консультативный совет, в состав которого вошли самые могущественные даймё страны: Симадзу Хисамицу; Мацудайра Сунгаку из Фукуи; Ямаути Ёдо из Тоса; Датэ Мунэнари из Увадзима; Мацудайра Катамори из Айдзу и Хитоцубаси Кэйки, который представлял сёгунат. Этот беспрецедентный союз придворной и воинской власти словно бы предвосхитил грядущую правительственную реформу. 2/1864 сёгунат последовал примеру императорского двора и открыл свои совещательные органы для «посторонних»

(*тодзама*) даймё. Внешне это выглядело как серьезное продвижение к реализации *кобу гаттай*, поскольку могущественные феодальные правители, такие, как Симадзу Хисамицу, теперь получили право голоса как в сёгунате, так и при императорском дворе. Однако в действительности старые разногласия только усилились, и *кобу гаттай* оставался таким же неработоспособным, как и раньше. Многие давние вассалы сёгуна, «наследственные» (*фудай*), были глубоко возмущены включением Симадзу и других «посторонних» даймё в сёгунский совет. Схожие проблемы возникали и при императорском дворе. Среди придворных у многих вызвало самое активное недовольство назначение даймё императорскими советниками: по их мнению, роль воинов ограничивалась исполнением приказов императора. Какую пользу могли принести эти обвешанные оружием выскочки тонкой и взвешенной политике императорского двора?

Однако самая большая напряженность существовала в отношениях между Хитоцубаси Кэйки и Симадзу Хисамицу. Кэйки с большим подозрением относился к влиянию Сацума на Киото и искал пути подорвать положение Хисамицу, блокировав его инициативы во внешней политике. Хисамицу, основываясь на совете Окубо, предложил использовать прагматичный подход к договору об открытии портов. Поскольку Япония нуждалась в западных технологиях, чтобы сражаться с Западом на равных, ей следовало на некоторое время открыть свои порты для иностранцев, прежде чем их закрывать. Словами Окубо, «открытие портов — это реальный способ держать варваров под контролем». Такой подход, несомненно, был достаточно радикальным, но Хисамицу сумел заручиться молчаливой поддержкой

императорского двора. Однако Кэйки не мог смириться с тем, что контроль над внешней политикой уходит в руки Хисамицу, и он особенно настаивал на том, чтобы посольство, которое сёгунат собирался отправить в Европу, начало вести переговоры о закрытии порта Йокосама для иностранцев. Когда Хисамицу возразил, Кэйки осыпал его оскорблениями. Этот ожесточенный личный конфликт стал погребальным звоном для нового императорского совета. 8/3/1864 совет был распущен, и входившие в его состав даймё, рассерженные и разочарованные, начали разъезжаться из императорской столицы в свои княжества. Шестью днями позже в Киото прибыл Сайго.

Миролюбивый воин

Сайго был неприятно поражен вязкостью этого политического болота. Хисамицу послушно следовал идеалам *кобу гаттай*, завещанным Нариакира, но императорский совет феодальных правителей ничего не достиг. На самом деле усилия Хисамицу только ухудшили ситуацию. Радикалы *дзёи*, которые интерпретировали эту умеренную внешнюю политику как предательство, теперь нацелились на союзников Сацума при императорском дворе. Информацию по этой проблеме Сайго получал от Накагава-но-мия Асахико, принца из боковой ветви императорского рода, который был одним из доверенных лиц Сайго при дворе. Накагава давно был связан с Сацума и стал мишенью террористов вскоре после роспуска императорского совета даймё. 4/1864 убийцы атаковали одного из помощников Накагава, но сумели убить только его мать и ребенка. Остальные слу-

ги Накагава были напуганы, а к 6/1864 сам Накагава был готов оставить политику и заявил Сайго, что хочет уйти в отставку. 9/7/1864 Сайго написал, что Накагава был так сильно напуган и изможден, что у него произошел полный упадок душевных сил.

Сайго также беспокоила проблема Тёсю. Теперь, после того как Тёсю было изгнано из Киото, в Эдо и самом Киото пошли разговоры о необходимости отправки военной экспедиции, чтобы покарать княжество за прошлые действия. Как лояльный вассал Сацума, Сайго не мог не радоваться тому, что один из самых высокомерных соперников его княжества подвергается репрессиям. Но в то же время план нападения на Тёсю вызвал у Сайго глубокие подозрения, и он невольно задумался над тем, не являются ли напряженные отношения между Сацума и Тёсю частью стратемиы сёгуната. Кроме того, Сайго с подозрением относился к княжеству Айдзу, недавнему союзнику Сацума. 25/6 Сайго назвал наказание Тёсю «личной» борьбой между Тёсю и Айдзу, в которую Сацума не следует вмешиваться. Сайго особенно не хотелось атаковать Сацума в то время, когда княжество столкнулось с иностранной угрозой. Западные державы собрали флот, чтобы атаковать Тёсю в отместку за действия княжества в предыдущий год. Тогда Тёсю, исполняя в одностороннем порядке приказ императорского двора об изгнании «варваров», обстреляло западные суда в проливе Симоносэки.

Сайго, испытывавший дискомфорт от этого внутреннего противоречия, хотел получить ясный ответ на простой вопрос: княжество Тёсю хорошее или плохое? 4/1864 он предложил драматическое средство для выяснения истинных намерений Тёсю. Он отправится в

Тёсю и потребует полного признания вины за действия 1862 года. Сайго полностью отдавал себе отчет в том, что его могут убить, но это будет хорошо, поскольку, поступив так, Тёсю продемонстрирует всем свое вероломство: «Если я буду убит, Тёсю потеряет поддержку народа». И напротив, если Тёсю покается, то тогда разговоры о карательных мерах можно будет отбросить в сторону. «Если они проявят благоразумие, то и мы будем последовательны [в восстановлении мира]». В любом случае, заключал Сайго, «я не вернусь с пустыми руками». Сайго спросил у княжества разрешения, но ему сказали подождать. Для такой важной миссии ему было необходимо получить одобрение Хисамицу. Пострадав от своей поспешности в 1862 году, на этот раз Сайго решил ждать и следовать приказам. Коротая время, он написал стихотворение в китайском стиле:

Не боясь за себя, я поклялся отправиться в Тёсю.
 Думая лишь о судьбе императорской земли,
 я буду говорить о мире и согласии.
 Если они возьмут мою голову, то пусть моя кровь
 будет такой же преданной, как у Ян Чженьциня,
 Устрашая предателей еще долгие годы.

Выбрав Ян Чженьциня (709—785) в качестве образца для подражания, Сайго открыл сложность своего взгляда на героизм. Ян Чженьцин был не солдатом, а китайским ученым-администратором, который прославился благодаря двум своим достижениям — нестигаемой преданности династии Тан во время восстания Ань Лу-шаня и изящному каллиграфическому стилю. Именно это сочетание культурной утонченности и непоколебимой преданности до самой смерти воспламенило воображение Сайго.

Пока Сайго ждал в Киото, радикалы в Тёсю начали проявлять нетерпение. Неудача умеренных из Тёсю в получении контроля над императорским двором усилила позиции местных сторонников *сонно дзёи*. Двор, утверждали они со всей горячностью, находится в руках Сацума и Айдзу, которые теперь издают фальшивые эдикты от имени императора. (Разумеется, это было зеркальным отражением точки зрения Сайго.) Единственный способ исправить ситуацию состоит в том, чтобы произвести вооруженное нападение на ворота императорского дворца, чтобы изгнать узурпаторов. К 6/1864 в Тёсю началась открытая мобилизация войск. Когда Сайго сообщили о мобилизации в Тёсю, он перевел войска Сацума, охранявшие императорский дворец, в состояние повышенной боевой готовности и начал ждать войны. Его ожидание было недолгим.

Утром 19/7/1864 войска Тёсю начали перемещаться от окраин Киото по направлению к императорскому дворцу. Дворец охраняли войска из многих княжеств, включая Хитоцубаси, Мито и Кию, где правили даймё из рода Токугава, но главные укрепления были заняты людьми из Айдзу и Сацума. Сайго и его войска ожидали наступления у ворот Инуи, расположенных в северо-западном углу территории дворца. Они встретили силы Тёсю, приближающиеся по проспекту Карасума — широкой дороге, протянувшейся в направлении с севера на юг вдоль западной границы территории дворца. Они обменялись залпами пушечного огня. Сайго, его младший брат Кохэй и близкий друг Сайго, Сайсё Ацуси, были ранены в этой перестрелке. Затем Сайго вызвал подкрепление и вынудил Тёсю отступить. В юго-западном

углу дворцовой территории силы Тёсю быстро сломили сопротивление защитников из Айдзу и, прорвались внутрь через ворота Хамагури, но прежде чем захватчики сумели получить доступ к самому дворцу, прибыли подкрепления из Айдзу и Сацума. Силы Тёсю были разбиты, и им пришлось отступить. Битва продолжалась всего два-три часа, и в ней участвовало лишь несколько тысяч человек, но она привела к серьезным повреждениям. В результате артиллерийской перестрелки в центре Киото было разрушено несколько тысяч домов, многие из которых принадлежали придворным аристократам. Контратака Тёсю закончилась полным провалом: войска княжества были обращены в бегство, и сам императорский двор выразил свое возмущение беззаконием Тёсю.

Это сражение, известное на Западе как инцидент у Запретных ворот, развеяло все сомнения Сайго относительно Тёсю. Княжество, по мнению Сайго, было неисконным злодеем. В письме Окубо от 20/7/1864, написанном на следующий день после битвы, Сайго рассказывает о том, как войска Тёсю наводили свои пушки на императорский дворец и, таким образом, совершили высшую измену. Теперь их должна постичь «кара небес». Через четыре дня после битвы, 23/7/1864, императорский двор приказал сёгунату наказать Тёсю, и 24/7 сёгунат отдал распоряжение двадцати одному княжеству начать мобилизацию войск. Это был ясный сигнал, в котором нуждался Сайго, и он сразу же стал горячим сторонником карательной экспедиции. 28/7 Сайго вместе с Комацу Татэваки, старейшиной княжества Сацума, написал письмо, в котором они просили княжество Фу-

куи поддержать экспедицию. Тёсю, утверждали они, замышляло похитить императора под прикрытием хаоса битвы. В свете этого преступления «все верноподданные императора» горят желанием наказать Тёсю. Или Фукуи не хочет, спрашивали они на вежливом, но язвительном японском, поддержать авторитет императорского двора? Презрение Сайго к Тёсю стало почти неизлечимым. Всего лишь несколько месяцев назад он чувствовал внутренний дискомфорт при мысли о том, чтобы атаковать Тёсю в то время, когда княжество стоит перед лицом угрозы со стороны Запада. Но когда 5/1864 западные силы начали свою атаку, Сайго остался равнодушным. Союз четырех наций (Британия, Соёдиненные Штаты, Голландия и Франция) обстрелял Симоносэки, разрушил береговые укрепления и вынудил Тёсю сдаться, а Сайго при этом сожалел только о том, что Сацума не нанесло удар раньше иноземцев.

Если бы сёгунат действовал быстро, не затягивая атаку Тёсю, то Сайго, несомненно, выступил бы за самые жесткие санкции против княжества. Это изменило бы дальнейший ход японской истории, поскольку именно союз между Тёсю и Сацума в конечном итоге опрокинул сёгунат. Но сёгунат был отвлечен другими заботами. Восстание Тэнгу поглотило военные ресурсы сёгуната, и он отчаянно нуждался в получении императорской поддержки для подписания навязанных Западом торговых договоров. Желая удовлетворить императорский двор, сёгунат согласился возглавить экспедицию, но у него возникли проблемы с поиском подходящего командующего. Короче говоря, вопрос о наказании Тёсю завяз во внутренних проблемах сёгуната. 7/8/1864

сёгунат, наконец, назначил Токугава Ёсикацу, даймё Овари, командующим экспедицией, но он все еще не мог собрать достаточного количества войск. Только 1/11/1864 Ёсикацу покинул Осака и направился к месту боевых действий в Хиросиме.

Сайго сильно переживал из-за этих проволочек, которые имели самые серьезные последствия. Пока сёгунат медлил и тянул время, у Сайго состоялась встреча, коренным образом изменившая его представление о будущем Японии. 11/9/1864, по совету двух знакомых, Сайго встретился с Кацу Кайсу, командующим военно-морскими силами сёгуната. Кацу был скромного происхождения, почти из самых низов самурайского сословия, и сумел подняться до больших высот исключительно благодаря своему уму и честолюбию. Он изучал западную науку и технику в морской академии сёгуната в Нагасаки и в 1864 году был назначен на должность *гункан бугё*, командующего сёгунским военно-морским флотом. Но, несмотря на свой высокий ранг, Кацу был настроен к сёгунату очень критично. Он хотел возглавлять национальный, а не сёгунский флот и поэтому связывал большие надежды с *кобу гамтай*. Кацу был разгневан, когда Хитоцубаси Кэйки торпедировал совет даймё своим невыполнимым обещанием закрыть порт Йокохама. Высокомерный, амбициозный и хорошо информированный, Кацу был опасным оппозиционером.

Сайго не возлагал никаких особых ожиданий на эту встречу с Кацу, но покинул ее восхищенный его прямо-той и политической дальновидностью. «Я начал с намерением направить его прямо, а закончил, склонив голо-

ву. Мне кажется, это самый умный человек из всех, кого я знаю». Сайго сравнивал Кацу с Сакума Сёдзан, пионером западной военной технологии в Японии. «Кацу наделен духом героя, и он значительно способнее, чем Сакума Сёдзан. Что касается учености и интуиции, то здесь Сакума не имеет себе равных, но, учитывая сегодняшнюю ситуацию, я полностью очарован Кацу». Сайго, со своей стороны, тоже произвел на Кацу сильное впечатление. «Позднее, встретившись с Сайго, — вспоминал Кацу, — я подумал, что мои мнения и аргументы превосходят его, но при этом у меня мелькнула тайная мысль: «Возможно, Сайго — это тот человек, который взвалит на свои плечи великий груз ответственности за государство».

Больше всего Сайго поразило в Кацу его пронизательная, критическая оценка сёгуната. Сайго, как и большинство самураев, предполагал, что сёгунат должен быть главной частью любого будущего политического порядка. Какое бы сильное недоверие ни испытывал Сайго к сёгунату, он не представлял себе Японию без него. Кацу думал по-другому. Сёгунату, сказал он Сайго, уже невозможно помочь. Это не вопрос замены нескольких слабовольных чиновников; весь режим слишком слаб, чтобы действовать решительно, и его некомпетентность неминуемо приведет к потере всякого уважения со стороны западных держав. У Японии есть только один способ добиться успеха во внешней политике: начать говорить новым голосом — голосом великих даймё. Пришло время, заявил Кацу, отказаться от неразумной стратегии изгнания иностранцев и согласиться открыть порты Нагасаки и Йокохама. Но новое

правительство, основанное на союзе даймё, сможет твердо отстаивать свою позицию в вопросе об открытии других портов, особенно Хёго (Кобэ).

Аргументы Кацу произвели каталитическое воздействие на мышление Сайго. Его давние сомнения по поводу сёгуната теперь выкристаллизовались в последовательную политическую программу, которую Сайго назвал «совместное правительство» (*кёва сэйдзи*). Это напоминало кобу *гаттай*, но с одним важным отличием: политическое видение Сайго больше не включало сёгунат. Сайго верил, что, покончив с сёгунатом, новый режим заслужит доверие иностранцев, получит возможность пересмотреть договоры и восстановит честь императорской земли. Сайго отправлялся на встречу с Кацу с четким негативным планом остановки подъема Тёсю в национальной политике. Встреча с Кацу дала ему позитивную программу — план создания нового режима, способного защитить Японию.

Важно отметить, что изменение настроения Сайго имело определенные границы. Он по-прежнему выступал за карательную экспедицию против Тёсю и наказание лидеров княжества. Такую политику вряд ли можно было назвать миролюбивой. Многие даймё и самураи, как открыто, так и тайно, выступали за более мягкую политику в отношении Тёсю. Некоторые делали это, опасаясь начала гражданской войны; другие — потому что они поддерживали радикальную позицию Тёсю в вопросе об изгнании иностранцев. Сайго же, напротив, призывал применить самое суровое наказание к людям, ответственным за нападение Тёсю на Киото. Но Сайго больше не думал, что поражение Тёсю станет победой для Сацума. Его главная задача теперь состояла в том,

чтобы создать союз великих даймё и объединить Японию для борьбы с иностранной угрозой. Длительные военные действия против Тёсю не могли пойти на пользу этому плану. Сайго хотел, чтобы вопрос с Тёсю был решен эффективно и справедливо, чтобы страна могла двигаться дальше в своем развитии.

Сайго был командующим одной из самых больших армий в Японии, и сёгунат признал это, назначив его начальником штаба военной экспедиции в Тёсю. 24/10/1864 Сайго встретился с Токугава Ёсикацу, командующим экспедиционной армией, чтобы разработать стратегию наступления. Сайго рассказал ему о своих новых взглядах на Тёсю. Экспедиционная армия должна поставить Тёсю перед превосходящей силой, но ей также следует предъявить княжеству разумные требования. Требования сёгуната, которые включали публичное унижение даймё Тёсю, Мори Такатика, только подтолкнул княжество к отступлению в «смертельную местность» и укрепят его решимость. И, напротив, если экспедиция смягчит свои требования и использует разногласия внутри Тёсю, то она быстро добьется принесения извинений и капитуляции. Ёсикацу согласился. Он и сам был настроен в пользу быстрой кампании, поскольку некоторые важные даймё критически высказывались об экспедиции. Но новая позиция Сайго коренным образом меняла ситуацию. Княжество Сацума являлось одним из главных сторонников карательной кампании, и его военная поддержка имела критическое значение для успеха экспедиции. Поэтому изменение настроения Сайго имело эффект «Никсон едет в Китай»:

выступая ранее за уничтожение Тёсю, Сайго теперь мог проявить снисходительность, при этом не выглядя мягким. Быструю кампанию против Тёсю больше не будут называть нерешительной.

Заручившись поддержкой Ёсикацу, Сайго сразу же отправился в Ивакуни, дочернее княжество Тёсю. Здесь он встретился с Кицукава Кэнмоцу, даймё Ивакуни, который был известным консерватором, чьей помощью Сайго надеялся заручиться в борьбе против радикалов Тёсю. Сайго объяснил ему требования экспедиции. Во-первых, Тёсю отправит для инспекции головы трех старейшин княжества, выступивших за нападение 19/7. Во-вторых, княжество казнит четырех офицеров штаба, участвовавших в атаке. Наконец, оно выдаст пятерых придворных аристократов, которые бежали в Тёсю в 1863 году. Это были ключевые требования. Сацума хочет покарать злодеев, а не уничтожить Тёсю. Чтобы усилить воздействие своих слов, Сайго передал Кицукава десятерых солдат Тёсю, захваченных войсками Сацума в битве у Запретных ворот. Пленные, объяснил он в сопроводительном письме, были вассалами низкого ранга, и они не понимали политического значения своих действий. Поскольку они не виновны ни в каком преступлении, Сацума передает их Кицукава, и Сайго, со своей стороны, надеется на то, что Кицукава сделает все от него зависящее, чтобы эти люди были не наказаны, а отпущены по домам. Это было наглядной демонстрацией намерений Сайго: он хотел капитуляции на приемлемых условиях, а не полного уничтожения Тёсю. Советники Кицукава прореагировали так, как рассчитывал Сайго, поблагодарив за «великую милость» и пообещав

воспользоваться его советом относительно судьбы пленников.

Кицукава призвал Тёсю выполнить условия экспедиции. 11/11 правительство княжества повиновалось, отрубив отрубленные головы старейшин в Хиросиму и казнив четырех офицеров штаба в тюрьме Хаги. 14/11 Токугава Ёсикацу прибыл на фронт и осмотрел головы. Два самых важных аспекта капитуляции Тёсю были выполнены, осталось выполнить только третье условие.

Казалось, что военная экспедиция в Тёсю идет к быстрому и бескровному завершению, когда внезапно она столкнулась с серьезным препятствием в виде начала гражданской войны в Тёсю. План Сайго использовать разногласия внутри Тёсю сработал слишком хорошо. Радикалы-лоялисты и нерегулярные войска возражали против предложенной капитуляции, и правительство княжества направило свою армию, чтобы подавить волнения. 12/1864 произошла серьезная стычка между отрядами лоялистов и правительственными войсками, и 1/1865 княжество объявило военное положение. Создвшееся положение угрожало выполнению оставшегося ключевого условия капитуляции — выдачи пяти беглых придворных. Правительство княжества, которое уже приготовилось передать аристократов, в конечном итоге не смогло их доставить. 15/11 нерегулярные батальоны лоялистов помогли придворным бежать в дочернее княжество Тофу.

Когда гражданская война набрала обороты, Сайго осознал, что она может нарушить соглашение, и начал устраивать встречи с целью нахождения компромисса. В конце 11/1864 он обсудил проблему пяти придвор-

ных с ключевыми фигурами, включая Накаока Синтаро. Накаока был из Тоса, но он проходил подготовку с нерегулярными войсками Тёсю и поэтому мог служить честным посредником между Сайго и лоялистами. С помощью Накаока Сайго организовал встречу со сторонниками Тёсю, и 11/12, в сопровождении своих друзей Ёсии Томодзанэ и Сайсё Ацуси, он прибыл в Симоносэки, на территорию повстанцев. Эта встреча, несомненно, являлась опасным шагом, но Сайго был преисполнен решимости завоевать доверие лоялистов. После жаркой дискуссии, которая затянулась далеко за полночь, стороны пришли к компромиссу. Пятерых придворных переправят на нейтральную территорию, в княжество Фукуока, на севере Кюсю, где они будут находиться под охраной солдат из пяти княжеств. Это хитроумное решение позволяло Тёсю выдать придворных, но не сёгунату. По мнению Сайго, достигнутый компромисс решал последнюю проблему, связанную с Тёсю, и экспедицию на этом можно было закончить.

Поездка Сайго в Симоносэки и соглашение по пяти придворным изменили политический ландшафт. Командиры мятежников из Тёсю вели в Симоносэки мирные переговоры с человеком, которого они имели все основания убить: Сайго воспрепятствовал их устремлениям в национальной политике, вырвал императорский двор из их рук и ввергнул их княжество в гражданскую войну. Чтобы вести с ним переговоры, требовалось серьезно пересмотреть свои взгляды. Но мятежники не могли не заметить, что Сайго не хотел их уничтожения. Имея в своем распоряжении большую армию, Сайго тем не менее не торопился атаковать Тёсю. Мятежники выполнили свое обещание, данное Сайго, и 14/1/1865

придворные были перевезены в Фукуока. Но повстанцы не смогли договориться о мире с собственным правительством. Как только Сайго покинул Симоносэки, они возобновили свои атаки. К началу 1865 года княжество было охвачено полномасштабной гражданской войной.

Однако к этому времени экспедиционная армия была распущена в результате решения, принятого под напором аргументов Сайго. Беспорядки в Тёсю, утверждал он, — это, конечно же, плохо, но они не имеют никакого отношения к возложенной на армию миссии. Условия капитуляции были выполнены, и пришло время отправить войска по домам. Сайго извлек максимальную выгоду из внутренней разобщенности сёгуната и его отдаленности от фронта. Экспедиционная армия, настаивал он, не может ждать в поле, пока гонец доберется до Эдо и получит конкретные указания сёгуната. Ёсикацу, который сам по-прежнему был настроен на быстрое завершение экспедиции, принял предложение Сайго. 27/1/1864 он распустил экспедиционную армию, на чем карательный поход в Тёсю был закончен.

Такое завершение экспедиции в Тёсю стало огромным успехом для Сайго. Он сумел добиться невозможного. Княжество Сацума исполнило волю императорского двора, соблюло свои обязательства перед сёгунатом и подтвердило свое положение ведущей политической и военной силы. В то же время Сацума инициировало заключение перемирия с Тёсю. Хотя эти два княжества были все еще далеки от заключения союза, между ними произошло определенное сближение. Сацума отказалось от возможности сокрушить Тёсю, и даже бунтовщики из Тёсю почувствовали, что произошли какие-то изменения. За свой триумф Сайго удостоился

похвалы от самого Хисамицу. 15/1/1865 Сайго имел аудиенцию с Хисамицу и Тадаёси в Кагосима. Они отметили его усилия личным благодарственным письмом и вручили ему свой фамильный меч. 5/1865 Сайго получил должность *обангасира*, четвертую по своей значимости в Сацума, и содержание 180 коку в год. Это было только начало в серии повышений. 9/1869 Сайго был официально принят в совет старейшин княжества, верховный совещательный орган при даймё. Сын простого чиновника вошел в элиту княжества.

Сайго стал теперь фигурой национального значения. Он давно был известен как помощник Нариакира и сторонник императора, но теперь его уважали даже те, кто находился выше его в социальной иерархии. Так, например, брат даймё Кумамото писал: «Я слышал о Сайго от многих людей... и был рад встретиться с ним лицом к лицу. Это на самом деле выдающийся человек». Сам Хитоцубаси Кэйки отметил политическую ловкость Сайго, пусть и косвенным путем: хотя он не видел в Сайго ничего особенного, Токугава Ёсикацу, судя по всему, был опьянен его способностями. Вино, которое они делают из сладкого картофеля в Сацума, заметил Кэйки, может быть очень крепким напитком.

Для Сайго события конца 1864 года стали еще одной жизненной вехой. Хотя в начале 1864-го он заявлял о том, что доволен своей жизнью в ссылке, в конце года он снова стремился представлять свое княжество в национальной политике. Одним из самых заметных признаков смены настроения у Сайго был его выбор имени для корреспонденции. После попытки самоубийства в 1858 году Сайго использовал имя Кикуги Гэнго. После 1862-го он взял имя Осима Санэмон, в память о ссылке

на Амамиосима. Однако в ходе военной экспедиции в Тёсю он снова начал подписывать письма своим именем — Сайго Китиносукэ. Он больше не считал себя ссыльным; теперь он был государственным человеком и мог снова использовать имя своего отца. Он также решил жениться на женщине, чей социальный статус будет соответствовать его нынешнему положению. 28/1/1865 он заключил брачный союз с Иваяма Ито, дочерью секретаря старейшины княжества. Она была прекрасной парой для человека такого низкого происхождения, как Сайго, и этот брак стал еще одним свидетельством его возвышения. Данный брак, как и первая женитьба Сайго, был скорее семейным, чем личным. Союз Сайго и Ито был биологически продуктивным (сын и две дочери), сравнительно гармоничным и внешне лишенным интимности.

Как и большинство мужчин своего времени, Сайго имел увлечения на стороне. Хотя Сайго был исключительно сдержан в отношении своей интимной жизни, мы знаем о его любовнице из наблюдений друзей. Один из его современников, Окатами Сигэми, вспоминал, как он видел Сайго *в образе* щеголеватого покровителя гейши. Сайго возвращался в конце дня в свой дом в Киото, брился, менял одежду, а затем, красивый и галантный, отправлялся навестить свою гейшу. Из мемуаров Кацу Кайсю нам известно прозвище любовницы Сайго. Согласно Кацу, после того как Сайго вернулся из ссылки, у него начался бурный роман с гейшей из Киото, которая была такой толстой, что ее называли «Принцесса свинья» (Бутахимэ). Судя по всему, о связи Сайго с «Принцессой свиньей» было хорошо известно в элитных кругах. Когда 3/1873 Сайго встречался с

даймё Увадзима, тот спросил, правда ли, что у него был роман с женщиной из Киото. Сайго ответил, что это правда, и тут же перевел разговор на политику. Несмотря на свое непривлекательное прозвище, «Принцесса свинья», по-видимому, была очень привлекательной для Сайго: имея рост около 180 сантиметров и вес более 120 килограммов, Сайго наслаждался обществом самой пышной гейши в Киото. Несмотря на свое неожиданное богатство и власть, вкусы Сайго по-прежнему оставались простыми. Из всех красоток императорской столицы Сайго выбрал женщину, которую его друзья находили комически толстой.

Сеть союзов

Завершение карательной экспедиции в Тёсю стало важной поворотной точкой в японской политике. В 1863 году Сацума и Тёсю встретились на поле боя, но в 1865-м эти княжества равномерно продвигались к заключению антисёгунского союза. Это был медленный, деликатный и взрывоопасный процесс. Принимая во внимание их ожесточенное соперничество, критикам с каждой из сторон было легко называть любое сотрудничество уступками врагу. Как годами позже вспоминал Кидо Коин, ведущий политик из Тёсю, многим казалось легче потерпеть сокрушительное поражение от сёгуната, чем обратиться за помощью к Сацума. Процесс продвижения Сацума и Тёсю от непримиримой вражды к новому союзу основывался главным образом на их общей неприязни к сёгунату. Княжество Сацума противостояло сёгунату, потому что Кэйки разрушил *кобу гаттай*. Тёсю противостояло сёгунату из-за карательной

экспедиции. Два княжества не доверяли друг другу, но они оба еще меньше доверяли сёгунату.

Сёгунат превратил себя в удобную мишень. Между осенью 1864 и летом 1866 года режим представлял собой вихрь самоубийственной ярости. Раздираемый серьезными внутренними противоречиями, сёгунат одновременно вел себя воинственно и примирительно, агрессивно и нерешительно. К концу 1868 года люди из Сацума и Тёсю смотрели на сёгунат со смесью гнева и отвращения. Собственная враждебность Сайго была усилена той жестокостью, с которой сёгунат обошелся с участниками восстания Тэнгу. После вынужденной капитуляции мятежников 12/1864 сёгунат казнил сотни пеших солдат. Сёгунат также попросил княжество Сацума взять под стражу тридцать пять самураев низкого ранга и отправить в ссылку на острова Амами. Сайго был возмущен. Согласно давно устоявшейся японской традиции, писал он, командиров побежденных армий после капитуляции ожидает смерть, но простых солдат нужно прощать. Действия сёгуната были беспрецедентными по своей жестокости, настаивал он, и со стороны Сацума будет аморально принять пленников. Окубо, как и Сайго, был потрясен действиями сёгуната, и в своем дневнике он записал, что жестокость режима является предвестником его скорого крушения. Но гнев Сайго имел и личную окраску, поскольку он сам страдал в ссылке на Амиосима. Кроме того, в ходе карательной экспедиции в Тёсю Сайго, в знак искренности своих намерений, простил пленных солдат из этого княжества, хотя и потребовал казни их командиров. Именно так должен вести себя благородный человек. Почему, удив-

лялся Сайго, сам сёгунат не понимает таких простых принципов самурайской чести?

Наихудшие подозрения Сайго были усилены все более враждебной политикой сёгуната в отношении Тёсю. Токугава Ёсикацу завершил первую экспедицию в Тёсю без прямого одобрения из Эдо, и сёгунат теперь пытался навязать княжеству более жесткие условия как часть финального соглашения. Умеренно настроенные члены верховного совета сёгуната (*рёдзю*) хотели, чтобы даймё Тёсю, Мори Такатика, ушел в отставку, передав власть своему сыну, а также чтобы княжество выплатило контрибуцию 100 000 коку. Сторонники жесткой линии, такие, как Хитоцубаси Кэйки, хотели получить с княжества по меньшей мере 150 000 коку и, кроме того, настаивали на том, чтобы в отставку вышел не только Такатика, но и его сын Мотонори.

Однако Тёсю не было заинтересовано в том, чтобы делать новые уступки. За зиму 1864/65 года силы повстанцев провели серию успешных выступлений, и к весне 1865-го княжество снова оказалось в руках сторонников императора. Гражданская война устранила консерваторов-традиционалистов из политики Тёсю. Люди, которые высказывались за осторожность в государственных делах, были мертвы или навсегда дискредитированы. Лидеры нового правительства Тёсю не могли отказаться от капитуляции своего княжества в 1864 году, но они наотрез отказались идти на новые уступки. Они отказали сёгунату даже в самых простых жестах, которые позволили бы ему сберечь лицо, таких, как официальное раскаяние, способное оправдать мягкость сёгуната.

Сайго наблюдал за этими событиями со смесью удовольствия и ужаса. Сёгунатом, заметил он, управляет «банда дураков», оторванных от реальности. Они требуют от Тёсю уступок под угрозой войны, хотя всем хорошо известно, что сёгунат сейчас не готов к тому, чтобы вести боевые действия. «Это очень странный ход событий, — писал он Окубо 13/8/1865, — поскольку даже если они проиграют переговоры с самого начала, то все равно не смогут начать войну». Наблюдая за странным подходом сёгуна к Тёсю, Сайго начал подозревать, что режим разрушает сам себя. Например, 28/8/1865 Сайго предсказал, что режим рухнет от внутренних разногласий. Сёгун планировал посетить княжество, но изменил свои намерения из-за слухов о готовящемся на него покушении. Из этого Сайго заключил, что заговорщиками были вассалы сёгуна, планирующие убийство собственного господина. Он также утверждал, что вассалы сёгуна стоят за подозрительным пожаром в замке Эдо. Но даже ожидая крушения сёгуната, Сайго продолжал беспокоиться о том, что режим еще способен причинить серьезные неприятности, особенно изолировав Тёсю. Сайго не рассматривал Тёсю как союзника, но в то же время он не хотел позволить сёгунату уничтожить это княжество.

Сацума и Тёсю испытывали одинаковое недоверие к сёгунату, но они все еще не могли вести переговоры без помощи нейтральных посредников. В этот критический момент два самурая из Тоса, Сакамото Рёма и Накаока Синтаро, вызвались помочь. Оба этих человека вели свое происхождение из самых низов самурайского сословия. Например, предки Сакамото были торговца-

ми, которые заслужили самурайский статус в восемнадцатом веке, осваивая заброшенные земли. Они оба были преданными сторонниками императора, и у них обоих вызывала недовольство официальная политика княжества Тоса. Правитель Тоса, Ямаути Ёдо, был членом императорского совета даймё (*санъё кайги*), но он в значительно меньшей степени, чем Хисамицу, был склонен оспаривать главенствующее положение Токугава. Основанием этой политики был давний долг сёгунскому дому: Токугава наградили Ямаути большими земельными наделами за их поддержку в битве при Сэкигахара. Кроме того, Ёдо считал, что интересам Тоса лучше послужит умеренный курс на реформы сёгуната при сохранении его легитимности. Поэтому он начал подавлять активность радикальных лоялистов в Тоса, и к 1865 году Накаока и Сакамото стали персонами нон грата в собственном княжестве. Накаока нашел прибежище в Тёсю, в то время как Сакамото укрылся на территории представительства Сацума в Осака. Как беглые лоялисты, попавшие под защиту этих двух ключевых княжеств, они как нельзя лучше подходили на роль посредников, способных облегчить заключение союза между Сацума и Тёсю.

Летом 1865 года Накаока и Сакамото начали работать над конкретным сотрудничеством между Сацума и Тёсю. Первым пунктом стал вопрос вооружения. Тёсю отчаянно нуждалось в оружии, но княжество имело лишь ограниченные контакты с западными торговцами, и, кроме того, ему приходилось обходить наложенное сёгунатом эмбарго. Ну а княжество Сацума установило прочные деловые отношения с шотландским торговцем

Томасом Гловером, связанным с британской фирмой «Джардин Мэтесон». Продажа оружия в Сацума нарушала эдикты сёгуната, но британцы закрывали глаза на деятельность Гловера. Хотя Британия официально придерживалась нейтралитета, британские дипломаты были не против тихой поддержки антисёгунской деятельности. Их слабая реакция на нелегальные поставки оружия стала первым шагом к тайной поддержке Сацума и Тёсю.

Контакты Сацума с Гловером начались 4/1864, когда княжество приобрело у него три тысячи винтовок, стреляющих пулями Минье¹ — самое смертоносное оружие своего времени. По предложению Сакамото и Накаока Сайго теперь согласился помочь Тёсю купить оружие у Гловера. 7/1865 два самурая из Тёсю, Ито Хиробуми и Иноуэ Каору, прибыли в Нагасаки. Остановившись в резиденции Сацума, они договорились о покупке семидесяти трех сотен винтовок и парового корабля «Юнион». В благодарность за оказанную поддержку Тёсю отправило в представительство Сацума в Киото большое количество провизии.

1/1866, воодушевленные этими шагами, Сайго и Окубо начали встречаться в Киото с представителями Тёсю, среди которых были Кидо Коин и Синагава Ядзиро. Их первые встречи были сложными и напряженными. Несмотря на общие интересы, две стороны

¹ Пуля Минье, названная в честь своего изобретателя, французского офицера Клода-Этьена Минье (1804 — 1879), имела в основании полый металлический колпачок. При выстреле колпачок расширялся, увеличивая основание пули, что значительно повышало дальность и точность стрельбы. (*Прим. пер.*)

по-прежнему имели разногласия по целому ряду важных вопросов. Сайго остановил карательную экспедицию в Тёсю, но тем не менее ему все еще казалось, что княжество проявило недостаточно раскаяния за атаки 1864 года. Окубо тоже считал, что Тёсю следовало наказать, но меры, принятые сёгунатом, он считал избыточными. С другой стороны, представители Тёсю все еще были недовольны союзом Сацума с сёгунатом в 1864 году. Согласно легенде, Синагава написал на подошвах своих сандалий «бандиты из Сацума, негодяи из Айдзу», чтобы втаптывать в землю их имена с каждым шагом. Кидо и Синагава приветствовали ту поддержку, которую оказывало Сацума сторонникам императора, но они не хотели просить помощи в своей борьбе против сёгуната. Как нейтральная сторона, Сакамото помог сгладить ход переговоров, убедив представителей Сацума самим предложить помощь, но основные участники по-прежнему испытывали недоверие друг к другу. Патовая ситуация была разрушена проявлением воинственности со стороны сёгуната. 22/1/1866 сёгунат решил потребовать отставки и заключения даймё Тёсю, Мори Такатика, заключения его сына и выплаты 100 000 коку из семейных запасов Мори. Княжество Сацума, конечно же, не могло поддержать такие жесткие требования. После того как их общее недоверие к сёгунату усилилось, два княжества быстро составили пакт из шести пунктов, который послужил формальным началом для создания союза Сацума и Тёсю.

Этот пакт носил ограниченный характер. Княжество Сацума принимало на себя обязательство использовать свои связи при дворе, чтобы получить прощение импе-

ратора для Тёсю. Если этого не получится и сёгунат нападёт на Тёсю, то Сацума направит в Киото две тысячи солдат, но предназначение этого воинского контингента не было четко определено. Сацума лишь пообещало «сделать все возможное» для оказания помощи Тёсю, так что было неясно, то ли войска на самом деле атакуют сёгунат, то ли просто будут удерживать свои позиции и выглядеть угрожающе, таким образом связывая войска сёгуната. Сацума обязывалось присоединиться к Тёсю в войне против сёгуната только при одном условии: если княжество Кувана, княжество Айдзу или сам Хитоцубаси Кэйки используют силу оружия, чтобы блокировать доступ Сацума ко двору. В финальном пункте два княжества брали на себя обязательство сотрудничать ради «земли императора» (кококу) и славы императорского дома.

Заключенный 1/1866 союз был ограниченным, несбалансированным и наполненным взаимными подозрениями. Княжество Сацума обещало сражаться за Тёсю, но Тёсю ничего не предлагало взамен. На самом деле Сацума было заинтересовано в мирном урегулировании проблемы Тёсю. Если император простит мятежное княжество и сёгунат не станет этому противиться, то Сацума выполнит свое обязательство перед Тёсю, не прибегая к войне. Сам Сайго опасался, что этот пакт придаст смелости Тёсю и оно спровоцирует сёгунат. 4/3/1864 он написал из Осака письмо Окубо, находившемуся в Киото, где просил его проследить за тем, чтобы никто не предпринимал каких-либо поспешных действий: «Независимо от того, насколько плохо пойдут наши дела, мы должны избегать опрометчивых поступ-

ков, сохраняя спокойствие и рассудительность. Если мы выдержим эту позицию до конца, то очень скоро станем свидетелями того, как сёгунат борется с беспорядками, зародившимися внутри». Кроме того, он предупредил о том, что самураи из Тёсю, даже Кидо Коин, могут «действовать слепо» и попасть в ловушку, приготовленную сёгунатом. Однако люди из Тёсю были склонны интерпретировать такую осторожность как бездействие. Когда попытки Сацума получить прощение императора для Тёсю застопорились, Кидо Коин поинтересовался, сохраняет ли Сацума верность обязательствам, взятым на себя по соглашению от 1/1866. После серии уклончивых ответов представитель Сацума, Курода Киётака, был вынужден признать, что Сацума не может переиграть Хитоцубаси Кэйки и его союзников в придворной политике.

Это недоверие могло разрушить союз Сацума и Тёсю, но сёгунат продолжал настраивать против себя Сайго и других лидеров Сацума. Например, 3/1866 сёгунат попытался аннулировать компромисс относительно пяти беглых придворных, потребовав от княжества Фукуока выслать их в Осака. Сайго рассматривал это как предательство. Он почувствовал себя задетым за живое, поскольку сам недавно посетил придворных и заверил их в том, что Сацума продолжает заботиться об их безопасности. Сайго отправил в Фукуока своего доверенного агента Курода Киёцуна с небольшим отрядом солдат, чтобы заблокировать усилия сёгуната. Курода успешно справился с заданием, и 29/5/1865 Сайго сообщил о его успехе Окубо: Курода отмел аргументы представителей сёгуната, и Фукуока теперь снова объе-

динилось с Сацума в поддержке «справедливости» (*сэйрон*). Курода полностью разрушил план сёгуната, и «это давление со стороны сёгунских инспекторов может стать началом объединения Кюсю [против сёгуната]».

К лету 1866 года сёгунат оказался пойманным в собственную ловушку. Поскольку он публично настаивал на дополнительных уступках со стороны Тёсю, его легитимность теперь полностью зависела от согласия этого княжества. Но сёгунат не мог добиться согласия без участия военной коалиции, создать которую было практически невозможно, поскольку большинство могущественных даймё были против второй войны с Тёсю. Сёгунат попытался заручиться поддержкой Сацума, но эти усилия были малоэффективными и носили скорее комический характер. Сёгунат приказал Сацума отправить войска в начале 4/1866, а 14/4/1866 лидеры Сацума ответили официальным отказом. Итакура Кацукіё, старейшина сёгуната, понимал, что он не сможет добиться согласия Сацума, но в то же время не хотел принимать полученный отказ. В Киото Окубо отправился в резиденцию Итакура и потребовал объяснить, почему он не принял письмо Сацума. Вместо того чтобы объяснить свои действия, Итакура отказался от любых дальнейших встреч с Окубо. Судя по всему, сёгунат не хотел принимать «нет» за ответ. Отказ Сацума принять участие в военной коалиции и последовавший за этим фарс укрепил решимость княжеств игнорировать призыв сёгуната к оружию. Многие зависимые даймё отправили войска, но при этом поскупились на их экипировку, не желая расходовать боеприпасы или деньги.

Чтобы продемонстрировать свой нейтралитет, некоторые из соседей Тёсю отказались от применения силы. В конце концов сёгунату удалось собрать значительную армию, но она плохо подходила для непопулярной войны против воодушевленного врага. Это предвещало катастрофу, но сёгунат не смог найти другой альтернативы. Казалось, что сёгунат выполняет предсказание Сайго о своем саморазрушении.

7/6/1866 сёгунат и его союзники вторглись в Тёсю с четырех сторон: сухопутные силы из княжества Хиросима на востоке, из княжества Цувано на севере, из княжества Кокура на юго-западе, а военно-морские силы со стороны Внутреннего моря на юго-востоке. На юго-восточном фронте сёгунат быстро захватил маленький остров, но это оказалось его главным военным успехом. На остальных трех фронтах сёгунат был быстро отброшен назад. Его войска не рвались в атаку, не прикрывали фланги и не поддерживали наступающие подразделения. Командующий силами сёгуната на восточном фронте, испытывавший отвращение ко всему этому предприятию, заключил локальный мир с Тёсю. Это позволило Тёсю использовать освободившиеся войска для развития успеха на северном и юго-западном фронтах. К концу 7/1866 Тёсю захватило значительные княжества Хамада и Цувано на севере, а в начале 8/1866 защитники замка Кокура, расположенного на противоположной стороне пролива Симоносэки, подожгли свой замок, чтобы не сдавать его Тёсю. Это была катастрофа огромных масштабов. Вместо того чтобы наказать Тёсю, сёгунат наказал своих союзников, спровоцировав вторжение Тёсю на их территорию. Сёгунат

теперь отчаянно сражался за то, чтобы избежать полного публичного унижения.

На фоне этого разгрома начали распространяться слухи о том, что сёгун мертв. Иэмоти и в самом деле умер в Осака 20/7/1866, но его смерть оказалась внезапной, и сёгунат не успел подготовить наследника. До тех пор, пока вопрос с наследованием не будет решен, режиму требовалось держать факт смерти сёгуна в тайне. Иэмоти было только двадцать, он не имел сыновей, так что самым очевидным кандидатом был его регент, Хитоцубаси Кэйки. Однако Кэйки без энтузиазма отнесся к предложению занять этот пост. Его безразличие было вполне понятным. Сёгунат находился в глубоком упадке, и титул сёгуна был скорее тяжкой ношей, чем благословением. Единственный способ спасти сёгунат состоял в проведении радикальных реформ, но Кэйки, как посторонний, не имел достаточного влияния на административный аппарат сёгуната в Эдо. Многие историки думают, что безразличие Кэйки было притворным. Если бы он согласился сразу, то показался бы амбициозным и еще дальше оттолкнул бы от себя администрацию Эдо. Ну а приняв предложение после многократных просьб, он смог бы в конечном итоге добиться того влияния, которое ему требовалось для проведения реформ.

Истинные мотивы Кэйки озадачивали его современников и продолжают интриговать историков. Но каким бы ни было его безразличие, искренним или тщательно рассчитанным, оно лишь усилило кризис наследования. Армия режима была обращена в бегство, сёгун умер, а сёгунат даже не мог объявить о смерти Иэмоти, пока не

будет решен вопрос с наследованием. 27/7, после просьб ключевых фигур в сёгунате, Кэйки наконец согласился стать главой дома Токугава, но предусмотрительно отказался принять титул сёгуна, заявив, что откажется, даже если получит такое предложение от императора. Как глава дома Токугава, Кэйки принял командование над войсками Токугава и начал подготовку к возобновлению атаки на Тёсю. Это было спорное решение: некоторые ястребы, такие, как Мацудайра Кадамори, все еще верили в то, что Тёсю можно победить, но большинство союзников сёгуната хотели как можно скорее покончить с этим делом. 8/7 чиновники сёгуната в Осака получили новость о победе Тёсю в Кокура; враг теперь контролировал обе стороны пролива Симоносэки. Это склонило чашу весов в сторону перемирия. 20/8/1866 сёгунат формально признал смерть Иэмоти, передал Кэйки руководство домом Токугава и объявил перемирие в связи с официальным трауром.

Сайго был в восторге от мучительной нерешительности сёгуната: «Меня искренне радует этот нелепый поворот событий». Но он наблюдал за саморазрушением сёгуната из Сацума. 30/2/1866 Сайго покинул Киото, чтобы отплыть на корабле домой, и не появлялся в императорской столице вплоть до 25/10/1866. Это было его первое длительное пребывание на родине после возвращения из ссылки в 1864 году. Находясь в Кагосима, Сайго наблюдал за реорганизацией армии Сацума. Княжество уже приобрело большое количество винтовок «Энфилд» (заряжаемых с дульной части) и «Снайдер» (заряжаемых с казенной части), но теперь оно также реорганизовывало свою армию в британском стиле.

что являлось частью более обширной программы технической модернизации. Княжество построило большой фабричный комплекс, который включал фармацевтическую фабрику, перегонный цех, плавильный цех и кузницу. В центре комплекса находился Сёсэйкан, военный завод, работающий на энергии пара. Сёсэйкан производил пушки и военное снаряжение, а также ремонтировал паровые двигатели и боевые суда. Программа Сацума получила высокую оценку. Ёкои Сёнан, влиятельный писатель и советник Мацудаёра Сунгаку, был впечатлен планом Сацума «обогатить страну и укрепить вооруженные силы». Княжество Сацума, заметил он, игнорировало запреты сёгуната на внешнюю торговлю и пребывание в стране иностранцев, поэтому ему было просто импортировать западные технологии. В результате его войска становились все сильнее, а в приамковом городе, наполненном иностранными торговцами, кипела жизнь.

Занимаясь реорганизацией войск, Сайго в то же время продолжал создавать новые союзы. 6/1866 он помог принять британского посланника Гарри Паркеса, чей визит в Сацума являлся прямым оскорблением сёгуната и открытой попыткой сделать из Сацума союзника Британии. Паркес прибыл в Кагосима 16/6/1866, и на борту его корабля «Принцесс ройял» он имел официальную встречу с Симадзу Хисамицу и Симадзу Тадаёси. На следующий день Паркес встретился с Сайго, которого сопровождали Тэрадзима Минэнори и Нииро Гёбу. Британия давно намекала на то, что она окажет под-

держку антисёгунским силам, поэтому Сайго связывал с визитом Паркеса большие надежды. Однако Паркес начал их встречу с повторения официальной британской политики. Сайго был ошеломлен, но Паркес просто испытывал Сайго и молчаливо требовал, чтобы он первым затронул тему противостояния сёгунату. Сайго же, со своей стороны, опасался, что Паркес расскажет сёгунату о намерениях Сацума. Наконец, осознав, что никто из них не хочет открыто вступать в сговор, Сайго отбросил все предосторожности и раскрыл Паркесу свои планы. Сацума, объяснил он, надеется на то, что императорский двор возьмет в свои руки контроль над японской дипломатией и доверит решение всех внешнеполитических вопросов совету из пяти-шести великих даймё. Эти даймё будут передавать двору доход от внешней торговли, и они же займутся пересмотром условий торговых договоров. Это унижение вынудит Кэйки уйти в отставку, после чего сёгунат станет второстепенной силой в японской политике. Паркес одобрил план Сайго. Однако он предупредил его о том, что пересмотр договоров будет медленным процессом. Он также напомнил ему, что Япония нуждается в фундаментальной политической реформе. Японское децентрализованное правительство, заявил Паркес, с международной точки зрения было глубоко расколотым. Пока Япония не создаст правительства с «единым верховным органом... Япония не будет иметь чести [буквально «лица»] в глазах иностранцев». Сайго молча с ним согласился.

Встреча Сайго с Паркесом еще больше усилила его враждебность в отношении сёгуната. Сёгунат не только

не сумел поддержать японские традиции, связанные с честью и достоинством, но также повредил международной репутации Японии. Сайго теперь был преисполнен решимости свергнуть режим. Но он еще не думал о войне. Он скорее рассчитывал на то, что давление со стороны императорского двора и главных даймё заставит сёгунат рухнуть. Его расчет был абсолютно безосновательным, но прошел еще один год, прежде чем Сайго осознал свою ошибку.

Дорога к войне

Казалось, что смерть Токугава Иэмоти быстро приведет к воскрешению *кобу гамтай*. Мацудаира Сунгаку настоял на том, чтобы Кэйки созвал совет даймё для определения дальнейшего курса японской политики. Сёгунат, утверждал он, должен передать свои полномочия во внешней политике императорскому двору и позволить совету даймё принять решение о характере сёгунского правления. Кэйки, казалось бы, с ним согласился, но на самом деле у него были совершенно другие планы. Кэйки начал осознавать необходимость преобразования сёгуната в общенациональное правительство из регионального правительства с общенациональными обязательствами. Как Сайго и Окубо, он представлял себе новый японский режим, обладающий улучшенной политической легитимностью и большей военной мощью. Однако, в представлении Кэйки, сёгунат должен быть центральной, а не периферийной частью этого нового режима. Кроме того, отказ Кэйки стать сёгуном в действительности укрепил его позицию. К 9/1866

Кэйки уже мог ожидать, что, став сёгуном, он получит в свои руки реальную власть, и перспектива наследования этого титула приобрела для него привлекательность. Таким образом, Кэйки тоже выступил за созыв совета даймё, но совсем не по той причине, что Сунгаку. Он хотел, чтобы совет утвердил его на посту сёгуна, а не пересматривал или изменял полномочия сёгуната. 7/9/1866 императорский двор по просьбе Кэйки направил двадцати четырем главным даймё приглашение прибыть в Киото. Однако никто не знал, чем займется совет или кто на нем будет присутствовать. В письме Сайго из Киото Окубо пытался объяснить эту сложную ситуацию. Императорский двор пребывал в хаосе и замешательстве, Кэйки хитроумно манипулировал за сценой, и Окубо подозревал, что весь императорский совет закончится ничем. И все же план Сунгаку лишить сёгунат власти, восстановить престиж императорского двора и разработать новую программу для будущего Японии вызывал у Окубо радостное возбуждение. Он сомневался в том, что этот план будет реализован, но Сацума не могло позволить себе оставаться в стороне.

Однако к концу 9/1866 надежды на созыв представительной конференции даймё рухнули. Кэйки, мастер закулисных интриг, убедил императорский двор в необходимости восстановления статус-кво. Мацудаира Сунгаку, разгневанный и не желающий принимать участие в том, что он считал бутафорским советом, 1/10 покинул Киото и отправился в Фукуи. Большинство других даймё выразили свое неудовольствие тем, что не прибыли в Киото. Например, Ямаути Ёдо обнаружил, что он болен. Даймё Фукуока, Кумамото, Хиросима, То-

кусима и Увадзима — все они нашли причины, мешающие им посетить конференцию. Наконец, 10/27 Хисамицу, уже по дороге в Киото, официально попросил у двора разрешения «отложить» свое посещение.

На фоне этой ухудшающейся ситуации Сайго и Комацу поспешили в Киото. Всего лишь год назад Сайго считал сёгунат существенной частью любого будущего политического устройства Японии. Теперь он рассматривал каждый триумф Кэйки как оскорбление императорского дома.

Сайго прибыл в Киото 25/10 и увидел своими глазами, как Кэйки одерживает очередную победу. 7/11 и 8/11 созванный императором совет даймё рекомендовал Кэйки на пост сёгуна. На совете присутствовало только семь даймё, но тем не менее его окружала аура императорского авторитета. Кэйки принял план Сунгаку, адаптировав его для достижения собственных целей. Месяцем позже, 5/12/1866, император Комэй официально назначил Кэйки пятнадцатым сёгуном Токугава. Для Сайго и Окубо это была удручающая новость. Кроме того, что Кэйки одержал триумф, его победа подорвала веру Сайго и Окубо в то, что совет даймё, при поддержке императора, сможет бросить вызов сёгунату.

Крушение плана Сунгаку оставило Сайго и Окубо не у дел. Они по-прежнему находились в оппозиции к сёгунату, но не имели никакого представления о том, что им делать дальше. Дневник Окубо за последние месяцы 1866 года на удивление пуст, и сохранилось лишь небольшое количество писем от Сайго за тот же самый период. Самые могущественные лидеры Сацума, которым оставалось только наблюдать за Кэйки и ожидать

удобного момента, получили в свое распоряжение необычайно много свободного времени. 11/11/1866 Сайго пригласил Окубо совершить увеселительную поездку в Сага, а 12/11 он предложил Окубо отправиться вместе с ним и Комацу на охоту в горы. Но Сайго не бездельничал. Хотя политическая жизнь в Киото на некоторое время замерла, Сайго увидел проблески надежды на международном фронте. 8/12/1866 у него состоялась встреча с Эрнестом Сатоу, который порадовал его, сказав, что иностранцы в отчаянии от политики сёгуната. Эта встреча, как и встреча Сайго с Паркесом, состоявшаяся шестью месяцами ранее, началась неловко, потому что ни одна из сторон не хотела первой затрагивать тему антисёгунской деятельности. Годы спустя, в своих мемуарах, Сатоу так описал свои ощущения: «После обычного обмена приветствиями я почувствовал в себе некоторую неуверенность. Этот человек казался таким бесстрастным, и он не хотел первым начинать разговор. Но его глаза искрились, как большие черные бриллианты, а когда он говорил, его улыбка была очень дружелюбной». Это входило в намерения Сайго. «Я делал вид, что испытываю некоторую неуверенность, — написал он на следующий день, — чтобы выведать истинные намерения Сатоу». Несмотря на взаимные подозрения, у них состоялся вполне конкретный разговор. Сатоу призвал княжество Сацума выступить против сёгуната. Британия, заявил Сатоу, заинтересована в том, чтобы японское правительство выполняло свои обязательства по договору, а сёгунат на это совершенно не способен. Британия поможет даймё создать такое правительство, но прямое иностранное вмешательство будет неумест-

ным. Сайго ответил искренне, но осторожно. Его княжество пыталось поддержать императора, но сёгунат захватил контроль над двором. Это возмутительно, но, поскольку теперь любые действия Сацума могут быть представлены как измена императору, княжеству больше ничего не остается делать, кроме как выждать два или три года. Сатоу был удивлен. Два или три года — это слишком долго, настаивал он. Сацума необходимо оказать давление на сёгунат до открытия порта Хёго, которое назначено на конец следующего года. Сайго теперь осознал глубину британского интереса к Японии. Если Хёго будет открыт для внешней торговли при правлении сёгуната, то сёгунат сможет использовать торговлю для того, чтобы вознаградить Францию за поддержку и наказать Британию за оппозицию. Представление Сайго о европейской политике было достаточно поверхностным, но он улавливал ключевые моменты и был рад тому, что Сацума и Британия имеют общий интерес в противостоянии сёгунату и Франции.

В то время, когда Сайго размышлял о своей встрече с Сатоу, ошеломляющая новость потрясла столицу. 25/12, всего через 2 недели после назначения Кэйки на пост сёгуна, император Комэй умер. Его внезапная смерть вызвала подозрения. Императору было всего тридцать пять лет, он отличался хорошим здоровьем и вел активный образ жизни. 10/12 он заболел оспой, но затем, казалось бы, пошел на поправку, как вдруг его состояние внезапно ухудшилось. Столицу наводнили всевозможные теории заговора, согласно которым император стал жертвой отравления. В число претендентов

на роль отравителей попадали анонимные агенты сёгуната — Окубо Тосимити и придворный аристократ Ивакура Томоми. Симптомы Комэй полностью соответствовали рецидиву оспы, но это обстоятельство осталось не замеченным наблюдателями, склонными к панике и подозрительности.

Смерть Комэй снова изменила политический ландшафт. Комэй был одним из главных сторонников Хитодзубаси Кэйки, и он упорно сопротивлялся присутствию иностранцев в Японии. Как сказал Сатоу в разговоре с Сайго, казалось, что двор смотрит на иностранцев как на источник загрязнения страны. Ксенофобия Комэй имела много общего с программой радикалов *сонно дзёи*, которые тоже призывали очистить Японию от чужеземцев. Но при этом Комэй был против радикальных изменений политического статус-кво и был враждебно настроен к радикалам из Тёсю, особенно после инцидента у запретных ворот. Таким образом, император требовал невозможного: изгнания иностранцев при одновременном сохранении существующего политического порядка. Кэйки ловко превратил эту невыполнимую программу в императорский рескрипт. Когда представители Сацума заявили о том, что открытие портов неизбежно, он назвал их изменниками, противящимися императорской воле. Когда радикалы из Тёсю выступили за немедленное изгнание иностранцев, он обвинил их в экстремизме. Кэйки выставлял себя единственным разумным политиком Японии, который верен воле императора, но в то же время способен действовать прагматично во время опасного внешнего кризиса. Для Сайго это было полное лицемерие, но Кэйки удавалось вы-

полнять обязательства Японии по внешним договорам, при этом сохраняя поддержку двора. В процессе своих политических маневров он не только сохранил, но и укрепил сёгунат.

После смерти императора перспективы Кэйки стали менее определенными. 9/1/1867 покойного императора сменил на троне его второй сын, пятнадцатилетний Муцухито, лучше известный по своему посмертному имени, император Мэйдзи¹. Регент Муцухито, придворный Нидзё Нарюки, был сторонником умеренной политики, который давно искал возможности заново сплотить коалицию *кобу гамтай*. Нидзё был осторожным, но Сайго и Окубо оба сочли, что наступил решительный момент. Программа *кобу гамтай*, которая еще месяц назад находилась при смерти, теперь, казалось бы, получила свой наилучший шанс пошатнуть позиции сёгуна. Сайго незамедлительно приступил к действиям. 22/1/1867 он выехал из Киото в Кагосима и 1/2/1867 уже был на месте. После прибытия ему потребовалось несколько дней на то, чтобы восстановить силы. Отдохнув, Сайго начал оказывать давление на администрацию Сацума, чтобы добиться отправки Хисамицу на еще одну конференцию даймё. Учитывая плачевные

¹ Термин Мэйдзи происходит от названия эры правления, о наступлении которой было объявлено 8/9/1868. Ранее императорский двор объявлял о наступлении новой эры, основываясь на астрологических и политических событиях. Так, например, прибытие эскадры Перри в 1853 году стало поводом для объявления новой эры, и между 1853 и 1868 годами уместилось пять коротких эр. Однако начиная с эры Мэйдзи двор установил новую традицию — одна эра для каждого правления. Таким образом, эра Мэйдзи продолжалась до смерти императора Муцухито в 1912 году. При жизни император Муцухито был известен как «правлящий император» (*киндзё хэйка*), а после смерти — как император Мэйдзи.

результаты конференции 1864 года и отмененные планы конференции в 1866-м, Сайго ожидал упорного сопротивления со стороны элиты княжества. Однако, к его удивлению и радости, администрация оказала поддержку его плану и одобрила идею отправки посольства в Киото. Сайго имел официальную аудиенцию с Хисамицу, который одобрил его план, а затем, 13/2, направился в Тоса, чтобы заручиться поддержкой Ямаути Ёдо. Даймё Тоса тоже выразил свое одобрение и пообещал отправиться в Киото в следующем месяце. Единственное разочарование принес Сайго его визит к Датэ Мунэнари, даймё Увадзима. Мунэнари был «крайне нерешителен» и попытался перевести разговор с политики на обсуждение любовницы Сайго в Киото. Сайго отказался обсуждать свою личную жизнь, а Мунэнари отказался дать Сайго четкий ответ.

Сайго вернулся в Кагосима, чтобы доложить Хисамицу о результатах своей поездки и подготовиться к их визиту в Киото. Сайго собрал и вымуштровал около семисот отборных солдат — достаточно, чтобы продемонстрировать решимость Сацума, но не так много, чтобы спровоцировать войну. 25/3 Сайго, Хисамицу и Тадаёси покинули Кагосима вместе со своим военным эскортом на «Санхёмару» и прибыли в Киото 12/4. Обстановка в императорской столице казалась благоприятной. Двор объявил амнистию, и 29/3/1867 Ивакура Томоми, влиятельный придворный, который был изгнан из Киото в 1862 году, получил разрешение вернуться в столицу. Все влиятельные даймё были настроены на сотрудничество. Датэ Мунэнари, в конечном итоге склонившийся в пользу визита, появился в Киото

15/4. Мацудайра Сунгаку прибыл на следующий день, а Ямаути Ёдо — 1/5. Все, казалось, было готово к конфронтации с Кэйки, и Сайго с Окубо теперь погрузились в детали киотской политики.

Сайго и Окубо достаточно ясно давали всем понять, что их конечная цель состоит в разрушении сёгуната. Как написал Сайго Хисамицу, власть сёгуната необходимо вернуть императорскому двору, а статус сёгуна следует свести до статуса обычного даймё. Но это был долговременный проект, и конференция даймё представляла собой лишь первый шаг на пути к его осуществлению. В своих служебных донесениях к Хисамицу Сайго говорит не столько о конечном свержении сёгуната, сколько о двух других, более краткосрочных целях: о прощении даймё Тёсю и открытии порта Хёго. Княжество Тёсю в прошлом проявляло несдержанность, но сегодня, настаивал Сайго, критически важно проявить к Тёсю снисходительность. Сайго привел Хисамицу целый ряд тщательно отобранных причин, по которым сёгунат должен простить Тёсю: это «успокоит умы людей», это продемонстрирует уважение к двору и это укрепит веру в то, что Японии по силам энергично справиться с внешнеполитическим кризисом. Реальные причины для прощения были несколько иными. В представлении Сайго, это позволит Сацума выполнить свои обязательства перед Тёсю, сцементирует союз княжеств и публично дискредитирует сёгунат за проведение кампании против Тёсю. В вопросе, связанном с Хёго, Сайго настаивал на том, что власть над портом нужно передать императорскому двору. Но политика в

отношении Хёго будет зависеть от того, как сёгунат отнесется к прощению Тёсю, поэтому так важно сначала решить вопрос с Тёсю.

Сайго и Окубо были уверены в том, что Хёго станет той дубинкой, с помощью которой они смогут побить сёгунат. Двор упорно противостоял открытию Хёго для внешней торговли, поскольку это подпустит «варваров» на опасную близость к императорской столице. Но сёгунат был обязан открыть порт по условию договора. Согласно договору Харриса (официальное название — Американский торговый договор 1858 года), открытие Хёго должно было состояться в 1863 году, но сёгунату удалось, после длительных переговоров, перенести открытие на 7/12/1867 (1 января 1868 года). Однако в 1865-м западные державы попытались ускорить открытие Хёго, потребовав порт в качестве компенсации за нападение Тёсю на западные суда. «Переговоры» представляли собой опасное упражнение в дипломатии канонерок, поскольку западные державы направили в гавань флотилию боевых судов, пытаясь оказать неприкрытое давление на сёгунат. Этот кризис вынудил сёгунат попросить у императорского двора разрешения открыть Хёго. Результатом стал императорский эдикт, который скорее откладывал, чем решал проблему. Двор согласился с договорами, таким образом косвенно санкционировав открытие Хёго в 1868 году, но в то же время отметил, что определенные пункты договоров «не соответствуют воле императора», и настоял на том, чтобы «в отношении Хёго не предпринимались никакие действия». Этот ответ был таким уклончивым и расплывчатым, что британский представитель сначала от-

казался его принять, но французский посол, Леон Роше, сумел найти компромисс.

Кэйки искусно урегулировал кризис с Хёго в 1865 году, но теперь Сайго и Окубо чувствовали, что они загнали его в угол. Если Кэйки откроет Хёго, то он нарушит императорский эдикт, а если он откажется открыть Хёго, то тем самым нарушит договор. Если Кэйки мог манипулировать императором Комэй, то на Муцухито он не имел такого влияния. Таким образом, Сайго и Окубо чувствовали, что они могут взять верх над Кэйки, заставив его признать ошибку с Тёсю в ситуации, когда он отчаянно нуждается в получении одобрения императора на открытие Хёго. Эта хитроумная стратегия требовала, чтобы княжество Сацума, которое давно выступало за прагматичную политику в торговле, внезапно воспротивилось открытию Хёго, чтобы таким образом оказать давление на Кэйки. Это было явным лицемерием, но ни Сайго, ни Окубо не имели ничего против того, чтобы использовать двойные стандарты, если это позволит подорвать позицию Кэйки, которого они считали вероломным интриганом.

Даймё и Кэйки начали встречу утром 14/5, и Хисамицу, следуя советам своих вассалов, настоял на том, чтобы вопрос о прощении Тёсю был рассмотрен раньше всех остальных. Кэйки быстро раскусил стратегию Хисамицу и заявил в ответ, что, поскольку война в Тёсю окончена, вопрос об открытии Хёго сейчас значительно важнее. Хисамицу, со своей стороны, продолжал настаивать на приоритете вопроса о Тёсю. Из-за обещания Сацума добиться прощения для Тёсю простой вопрос, связанный с регламентом, внезапно приобрел

первостепенное значение. Выживание сёгуната зависело от порядка ведения дебатов. Конференция затянулась на несколько дней, застряв на этой узкой проблеме. Но время было союзником Кэйки: в войне умов он был вооружен лучше любого другого даймё. После недели патовой ситуации Кэйки сумел ускользнуть из ловушки Хисамицу, назначив большое собрание даймё и представителей сёгуната на полдень 23/5.

Сайго встревожил тот факт, что двор открывает совет, не утвердив приоритет вопроса о Тёсю над вопросом о Хёго. В день открытия совета Сайго написал отчаянную записку Окубо, спрашивая у него совета, но Окубо тоже пребывал в полной растерянности. Двор, написал он в своем дневнике, попал в руки сёгуната. Столкнувшись с этим поражением, Хисамицу принципиально отказался участвовать в совете, а Ёдо сказался больным. Окубо и Комацу отчаянно призывали Сунгаку и Мунэнари бойкотировать совет, но безуспешно. Когда императорский двор прислал Сунгаку официальное приглашение, он сдался и поспешил во дворец. Мунэнари прибыл через несколько часов, около полуночи 23/5.

Когда совет собрался, Кэйки, как и опасались Сайго и Окубо, начал вести переговоры с властной решимостью. Кэйки раскусил стратегию Сацума и отказался уступить в вопросе по Тёсю, справедливо почувствовав, что в этой битве он не может позволить себе проиграть. Когда встреча продолжилась утром и на следующий день, слабость позиции придворных дала о себе знать. Хотя им нравилось ругать Кэйки за то, что он не

смог изгнать «варваров», в глубине души они боялись радикальных перемен. Придворный Такацукаса Сукэма-са открыто высказал свой страх регенту императора, Нидзё: «Если сёгун уйдет в отставку и страну охватит хаос, то выживет ли императорский двор?» К вечеру 24/5 Кэйки измотал своих оппонентов, и около 22.00 Нидзё сдался, согласившись предоставить согласие императора на открытие Хёго. Изданный указ содержал расплывчатый призыв к сёгунату мягко обойтись с Тёсю, но это ничего не значило, поскольку определение «мягкости» оставалось за сёгуном. Кэйки, искусный политик, снова одержал победу.

Однако победа обошлась Кэйки дорогой ценой. Он публично унизил трех могущественных даймё, и они знали это. Как заметил самурай из Тёсю Хиросава Саноми в письме своему другу, Кэйки был «злым гением», который благодаря своей находчивости сумел одолеть трех менее одаренных даймё. Манипуляции Кэйки над императорским двором казались необоснованными. Как заметил Датэ Мунэнари, его «презрение к императорскому двору невозможно выразить словами». Идея *кобу гаттай* лежала в руинах. Можно сказать, что эта катастрофа дискредитировала императорский двор, который, несмотря на появление нового императора и регента, поддавался давлению Кэйки. Ни двор, ни даймё не сумели захватить лидерство, в результате чего Сайго и Окубо оставили всякую надежду на мирные реформы. Они еще не были готовы к полномасштабной войне, но уже не испытывали иллюзий по поводу того, что Кэйки можно победить с помощью мирного совета. Теперь они начали работать над заключением тайных пактов и союзов с целью оказать военное давление на сёгунат.

Самая настоятельная проблема была связана с Тёсю. 1/1866 княжество Сацума пообещало добиться для Тёсю прощения, но даже по прошествии четырнадцати месяцев не могло похвастаться какими-либо конкретными результатами. Представители Тёсю в Киото, Ямагата Аритомо и Синагава Ядзиро, знали об усилиях Сацума из неформальных встреч с Сайго, Окубо и Комацу, но неудача конференции четырех даймё до сих пор отрицательно сказывалась на их взаимоотношениях. Чтобы сохранить союз, княжеству Сацума было необходимо продемонстрировать свою добрую волю. 15/6/1867 Сайго посетил Ямагата, чтобы предложить ему и Синагава аудиенцию с Симадзу Хисамицу, отцом даймё Сацума. Это было беспрецедентное предложение. Ямагата, как и Сайго, был по своему происхождению простым самураем, не имеющим никаких оснований претендовать на такую высокую честь, как аудиенция у даймё. Более того, Хисамицу был правителем враждебного княжества или по меньшей мере являвшегося таковым еще год назад. Два самурая из Тёсю пытались возражать, но Сайго настоял на своем, и на следующий день Ямагата и Синагава встретились с Хисамицу в представительстве Сацума в Киото. Встреча была короткой по продолжительности, но глубокой по своему символизму. Хисамицу пообещал сделать все возможное для того, чтобы добиться прощения Тёсю, и вручил в подарок каждому из мужчин шестизарядный револьвер. Он сказал, что в самом ближайшем будущем отправит Сайго в Тёсю с подробными инструкциями. В тот же вечер Ямагата и Синагава посетили резиденцию Комацу, где у них состоялась встреча с Комацу, Сайго, Окубо и Идзи-

ти Сайдака. Представители Сацума теперь говорили о союзе Сацума и Тёсю более искренне и увлеченно. Когда зашел разговор о деталях, Комацу сказал, что их ближайшие планы состоят в том, чтобы захватить контроль над двором и получить императорский эдикт против сёгуната. Что касается дальнейших деталей, то они будут определены только после визита Сайго.

Пока Сацума и Тёсю работали над возобновлением союза, сторонники императора из Тоса оказались под огромным давлением. Их правитель покинул Киото в приступе гнева, и они потеряли лицо перед своими товарищами из Сацума. Самураи из Сацума в Киото открыто высмеивали Ёдо за его поспешное отбытие, используя одинаковое звучание слова «*касива*», или «дубовое дерево» (на семейном гербе Ямаути были изображены три дубовых листа), и слова «*касива*» в значении «цыпленок». Многие самураи Тоса разделяли это неудовольствие Ёдо. Один из его главных военных советников, Итагаки Тайсукэ, высказывался в пользу того, чтобы поднять войска и атаковать сёгунат, независимо от того, одобрит этот шаг Ёдо или нет. Лоялисты из Тоса также опасались за положение своего княжества в национальной политике. Если Сацума и Тёсю выступят против сёгуната, Тоса может остаться в стороне. Руководствуясь как собственными принципами, так и чисто прагматическими соображениями, Сакамото Рёма и Гото Сёдзиро, руководитель управления индустриального развития Тоса, составили предложение о заключении союза между Сацума и Тоса. Главными целями этого союза были названы восстановление императорской власти, свержение сёгуната и создание законодательно-

го органа. Этот план должен был стать ядром союза Сацума — Тоса.

22/6 главные представители Тоса и Сацума встретились в киотском ресторане «Санбодзи», чтобы обсудить ключевые детали соглашения. Сайго, Окубо и Комацу выступали со стороны Сацума, в то время как Тоса представляли Гото Сёдзиро и трое других самураев (Фукуока Котэй, Тэрамура Содзэн и Манабэ Эйсабуро). Сакамото Рёма и Накаока Синтаро тоже присутствовали на этой встрече, но только в качестве наблюдателей, поскольку они были слишком низкорожденными и радикально настроенными, чтобы выступать со стороны Тоса. В принятом итоговом протоколе говорилось о том, что участники встречи выступают за широкое политическое видение. В преамбуле было четко заявлено, что «передача полномочий в решении политических вопросов административному аппарату сёгуната является нарушением естественного порядка». «Не может быть двух правителей у одной земли, — говорилось далее, — как и двух хозяев в одном доме. Поэтому будет разумно вернуть руководство делами и правосудием одному правителю». В отличие от союза Сацума — Тёсю пакт соглашения Сацума — Тоса был обширным и детализированным. В основной части текста содержался призыв к свержению сёгуната и созданию двухпалатного законодательного органа: с даймё в верхней палате и «вассалами и даже простолюдинами» в нижней. Статус сёгуна следует «понизить до ранга обычного даймё», а политическую власть вернуть императорскому двору. Обе стороны неофициально согласились с тем, что Кэйки можно свергнуть только с помощью военной си-

лы, поэтому Гото пообещал вернуться в Киото с войсками. 1/7 представители Сацума в Киото формально одобрили соглашение, и через два дня Гото отправился в Тоса, чтобы получить одобрение своего княжества.

Сайго был рад этому пакту. В письме от 7/7/1867, адресованном Синагава и Ямагата в Тёсю, он называет предложение Тоса неожиданным подарком судьбы. Гото, пояснил он, был рассержен и разочарован действиями Ёдо, поэтому решил обратиться к Сацума с грандиозным планом. Намерения Гото были самыми серьезными, представители Сацума в Киото выразили ему свою поддержку, поэтому Сайго чувствовал, что ему следует «воспользоваться удачной возможностью». Чтобы развеять любые подозрения, которые могли возникнуть в Тёсю, Сайго приложил к письму копию соглашения и отправил его со своим надежным другом Мурата Симпати. «Если у вас появятся какие-то возражения, пожалуйста, сообщите о них Мурата. Более того, если внутри Тёсю сложится оппозиция, я прошу вас дать мне об этом знать». К несчастью, докладывая Сайго, этот пакт задерживал его поездку в Тёсю, поскольку ему нужно было дожидаться в Киото возвращения Гото. Сайго извинялся за внезапную перемену своих планов и просил прощения у Ямагата и Синагава: «Мне не терпится уехать, но у меня нет никакой возможности бросить некоторые мелкие малоприятные обязанности».

Пакт Сацума — Тоса не охватывал все цели Сайго и Окубо, но это был очень важный первый шаг. Сайго рассматривал свержение сёгуната как сложный, длительный процесс, и предложение Тоса означало, что еще одно крупное княжество желает лишить Кэйки его

титула. Тоса также попыталось привлечь на свою сторону княжество Хиросима, и Хиросима молчаливо дало понять, что оно присоединится к любому предложению, которое поддержат Сацума и Тоса. Сайго имел все причины испытывать радость и оптимизм, но, к его разочарованию, эта широкая коалиция антисёгунских сил оказалась хрупкой и недолговечной. Поначалу казалось, что все идет хорошо. Гото прибыл в Тоса 8/7/1867 и на следующий день встретился с Ёдо. Гото убедил своего господина в том, что пакт Сацума — Тоса является умеренным по своему характеру предложением, более предпочтительным, чем разговоры о войне, циркулирующие среди радикалов Сацума и Тоса. Ёдо согласился с предложением, и Гото отправил Сайго весточку о том, что события развиваются так, как они рассчитывали. Однако прежде чем Гото успел вернуться в Киото, Тоса оказалось втянутым во внешнеполитический кризис. 8/7/1867 два британских моряка были убиты в Нагасаки, и Гарри Паркес, на основании косвенных доказательств, пришел к выводу, что убийцами были самураи из Тоса. Британия направила в Тоса боевые корабли, и в середине 7/1867 казалось, что Тоса, как ранее Сацума и Тёсю, будет вести локальную войну с Британией. Тщательное расследование освободило Тоса от всяких подозрений, и конфликт был урегулирован мирным путем, но переговоры поглотили всю энергию Гото, как и других сторонников союза Сацума — Тоса. Между тем консерваторы из Тоса развернули активную деятельность с целью сорвать заключение пакта, и к 8/1867 Ёдо уже не испытывал желания выступать за отставку сёгуна. Когда 9/7 Гото вернулся в Киото, он имел на ру-

ках холодный меморандум, который составил Мацуока Кикэн, конфуцианский ученый из окружения Ёдо. Он призывал к созданию совещательного органа и модернизации армии и флота, но там ничего не говорилось об отставке Кэйки или свержении сёгуната. Гото не имел при себе ни войск, ни каких-либо других осязаемых доказательств своих усилий.

Сайго ничего не знал о проблемах, возникших в Тоса. 4/8/1867 он написал Кацура Хисатакэ в Кагосима, что Тоса «полностью вернулось на курс справедливости» и поэтому княжество теперь будет под пристальным надзором сёгуната. Он беспокоился из-за того, что сёгунат подтолкнет Британию к нападению на Тоса, и размышлял над тем, сможет ли он каким-то образом вступить за Тоса. Но пока Сайго ожидал ответа Тоса, в Тёсю росло беспокойство из-за позиции Сацума. Ямагата надеялся на то, что Сацума приготовится к масштабному военному наступлению, но пакт с Тоса предлагал нечто иное. Чтобы прояснить детали их туманного союза, 18/7 Тёсю направило Синагава, вместе с помощником Сайго Мурата, обратно в Киото, но Синагава почти ничего не узнал. Испытывая все большее беспокойство, лидеры Тёсю направили вторую группу посланников, Касивамура Макото и Михори Косукэ, которые 14/8 наконец встретились с Сайго, Окубо и Комацу. На этой встрече представители Сацума, тайно, но вполне официально, попросили у Тёсю военной помощи в борьбе против сёгуната. На следующий день Касивамура встретился с Сайго с глазу на глаз и потребовал посвятить их в детали. Сайго в первый раз раскрыл свои планы.

Сацума держит в Киото около тысячи солдат, и третью их часть княжество отправит на штурм императорского дворца, чтобы посадить на все ключевые посты придворных, преданных «справедливости». Другая треть атакует войска княжества Айдзу. Последняя треть солдат подожжет бараки сёгуната в округе Хорикава. В Осака еще один трехтысячный контингент возьмет в осаду центральный замок, в то время как в Эдо войска Сацума, совместно с ронинами, постараются отрезать подкрепления сёгуната. Что касается Тоса, то Сайго назвал план Гото, требующий отставки сёгуна, прекрасной идеей, но он был уверен в том, что Кэйки откажется покинуть свой пост. В этот критический момент Сацума выступит вперед, чтобы освободить императорский двор от хватки сёгуната. Сайго подчеркивал секретность плана. О нем знали только даймё и еще несколько других лидеров Сацума; Касивамура мог посвятить в него только своего даймё и еще двух-трех самых надежных человек. В Сацума элита княжества была не готова поддержать атаку на сёгунат, поэтому Сайго надеялся нанести удар, а затем получить императорский эдикт, одобряющий атаку.

Делегация Тёсю пришла в восторг от планов Сацума, но эта встреча была наполнена иронией. Три годами ранее Сайго и Михори встретились в бою на улицах Киото, когда Тёсю пыталось захватить императорский дворец. В этот день Сайго был союзником Айдзу и сёгуната, а княжество Тёсю, как проигравшая сторона, было названо виновником пожара и всех вызванных им разрушений. Теперь Сайго просил у Тёсю помощи в борьбе против Айдзу и сёгуната, и Касивамура посове-

товал ему не забыть адекватные меры предосторожности против пожара.

В разговоре с Касивамура Сайго назвал предложение Тоса достойным похвалы, но обреченным на неудачу. Кэйки не согласится покинуть свой пост, и его отказ даст Сацума и Тёсю предлог для атаки. Но Сайго удовлетворяла и другая альтернатива. Если Кэйки уйдет с поста сёгуна, то это будет огромный шаг в направлении утверждения монархической формы правления. Но Сайго не предусмотрел того, что случилось в действительности: предложение со стороны Тоса было лишено своего содержания. Когда Гото, наконец, вернулся в Киото в начале 9/1867, он и Сайго стали относиться друг к другу с взаимной тревогой. Сайго нашел пересмотренный меморандум Гото недопустимо слабым, и он опасался, что Тоса не использует силу для того, чтобы вынудить Кэйки к отставке. Со своей стороны, Гото был напуган тем, что Сацума готовится к войне, и он попросил Сайго отложить нападение до тех пор, пока Тоса не передаст свой меморандум. Сайго отказался. Он не будет мешать планам Гото, но при этом не собирается изменять свои. Тоса и Сацума теперь были не союзниками, а соперниками. Вместо того чтобы позволить Кэйки ускользнуть, Сайго начал готовиться к войне.

В последующие дни Сацума и Тёсю начали разрабатывать детальную стратегию предстоящего сражения, и 15/9 Окубо отправился в Тёсю, чтобы встретиться с лидерами княжества. В Ямагути он встретился с даймё Мори Такатика и его сыном, чтобы разработать конкрет-

ный план передвижения войск. Согласно этому плану, Сацума отправит военные корабли в расположенный на территории Тёсю порт Митадзири. Здесь они возьмут на борт войска из Тёсю и Хиросима, после чего отправятся в Осака. Окубо пообещал, что флот прибудет 26/9, и, решив, что его работа выполнена, вернулся в Киото. Но консерваторы из Сацума, испугавшись конфронтации с сёгунатом, задержали отправку флота, и радикальные лоялисты Тёсю заподозрили двойную игру. Войска в конечном итоге прибыли 6/10 и 9/10, доказав искренность намерений Сацума, но лидеры Тёсю почувствовали, что элемент внезапности был утерян, и настояли на пересмотре военных планов.

Между тем в Киото Сайго, Окубо и Комацу пытались добиться поддержки от императорского двора. 8/10/1867 они направили секретный меморандум трем придворным, среди которых был дядя императора. Поведение Кэйки, заявляли они, угрожает земле императора, и они больше не могут оставаться в стороне, когда вся страна находится на грани катастрофы. Они хотели получить императорское разрешение «покарать преступников [из сёгуната], изгнать коварных интриганов и выполнить великую миссию возвращения императорскому дому его прежнего статуса». Через шесть дней княжество Сацума получило секретный эдикт «уничтожить изменника Кэйки». Хотя на эдикте стояло имя императора, он был составлен без его согласия. Не сумев получить императорскую поддержку, союзники Сацума при дворе подделали императорский декрет. Несмотря на этот обман, Сацума и Тёсю получили свой «казус белли» и теперь могли начать финальную подготовку к

атаке. Однако Кэйки почувствовал приближающуюся опасность и в тот же самый день принял свои контрмеры. Воспользовавшись предложением Тоса, он извинился за совершенные ошибки и передал свои «властные полномочия» (*сэйкэн*) императору.

Это был блестящий предупредительный удар. Тактическая капитуляция Кэйки лишала Сацума основания для нанесения удара. Но поскольку в заявлении Кэйки ничего не говорилось о титуле сёгуна, было неясно, какие именно полномочия он с себя слагает. 15/10 императорский двор принял отставку Кэйки, но тут же попросил его продолжать выполнять свои традиционные обязанности, пока двор не соберет в Киото всех основных даймё для обсуждения политической реформы. Принимая во внимание его искусное манипулирование советом из четырех даймё пятью месяцами ранее, Кэйки имел все основания согласиться на проведение большого собрания феодальных правителей. Однако союзники Сацума при дворе были парализованы. Они не хотели поддерживать выступление против Кэйки теперь, после того, как он ушел в отставку, даже несмотря на то что не могли до конца понять ее истинное значение. Казалось, Кэйки снова ускользнул.

Сайго и Окубо были непоколебимы. Маневр Кэйки только укрепил их убежденность в том, что для проведения радикальных реформ потребуется применить силу. План Тоса, который еще недавно казался хорошим средством оказания давления на Кэйки, теперь превратился в спасительную лазейку для сёгуната. Вместо того чтобы отложить свои планы подготовки к войне, Сайго и Окубо продвигались вперед в ускоренном темпе. Сай-

го осознал, что мир и спокойствие играют на руку Кэйки, и отдал короткое распоряжение, которое имело далеко идущие последствия.

В середине 10/1867 он приказал Сагара Содзё, вассалу Сацума, собрать ронинов и посеять хаос в Эдо. Используя резиденцию Сацума в округе Мита в качестве штаба для своих операций, Сагара и его люди грабили торговые склады, поджигали собственность сёгуната и устраивали нападения на полицейские участки Эдо. Если Кэйки имеет превосходство при императорском дворе, то Сайго вытащит его на улицу.

Между тем лидеры Сацума и Тёсю вернулись домой, чтобы составить окончательные планы. 19/10 Окубо, Сайго и Комацу поднялись на борт корабля в Осака. Эти три могущественных человека вместе покинули Киото, предвещая скорое наступление великих перемен. Сначала они направились в Тёсю в сопровождении Хиросава Санэоми и вечером 21/10 прибыли в Митадзири. На следующий день они были в столице Тёсю, Ямагути, где у них состоялась встреча с даймё Мори Такатика и его сыном. Здесь они подтвердили решимость Сацума сражаться вместе с Тёсю за свержение сёгуната. 10/26 они прибыли в Кагосима и сразу же направились в замок, чтобы доложить о последних новостях Хисамицу и Тадаёси. На следующий день у них состоялась продолжительная встреча с элитой княжества: Сайго и Окубо были преисполнены решимости свергнуть сёгунат, но они хотели, чтобы сам даймё командовал войсками в Киото. Несмотря на глубокие сомнения, старейшины Сацума дали свое согласие, и 29/10 княжество приняло официальное решение отправить Тадаёси в Киото во главе маленькой армии.

К середине 11/1867 антисёгунские силы начали наступление на Киото. Сайго и Симадзу Тадаёси покинули Кагосима 13/11 во главе трехтысячного отборного войска. Они сделали остановку в Митадзири, чтобы перегруппироваться и обеспечить транспортом силы Тёсю. Войско Сацума прибыло в Осака 20/11, а тремя днями позже вошло в Киото, где присоединилось к двухтысячному контингенту, уже находившемуся в императорской столице. Силы Тёсю, возглавляемые Мори Мотонори, прибыли в Осака 20/11, но они не вошли в Киото. Тёсю все еще находилось под императорской санкцией, и поэтому Мотонори не рискнул появляться с войсками в столице. Асано Мотикото, сын даймё Хиросима, прибыл с тремя сотнями солдат. Малоубедительным оправданием для этой активности даймё послужили разосланные им приглашения императорского двора от 15/10/1867 на большой совет, созванный для обсуждения отставки Кэйки. Войска якобы потребовались им для защиты императорского двора.

Получив мощную военную поддержку, Сацума теперь оказывало давление на императорский двор, добиваясь от него издания декрета против Кэйки. 8/12 Сайго вместе с Окубо и старейшиной княжества написали письмо Ивакура Томоми. Великая и сложная задача стоит перед нами, заявили они, и будущее всей страны висит на волоске. «Умы людей» загрязнены более чем двухвековым правлением Токугава, и реставрация императорской власти будет сложной и опасной задачей. Хотя существует соблазн пойти на компромисс с Токугава во имя «великодушия», на самом деле это только поставит двор под угрозу. Ничто, кроме низложения Кэйки до ранга обычного даймё, не будет удовлетво-

рять императорской воле. Таким образом, говорить о мире равносильно тому, чтобы говорить об измене: «Те, кто говорит, что не нужно стремиться к войне, в действительности утверждают, что нам не нужно действовать в соответствии с великими принципами (*дайдзёри*)».

В тот же самый день императорский двор поручил ассамблее решить судьбу сёгуната. Собравшиеся даймё быстро решили целый ряд предварительных вопросов. Они даровали прощение нескольким придворным лоялистам, включая Сандзё Санэтоми (один из пяти беглых придворных), а также окончательно реабилитировали Ивакура, так что теперь он снова мог появляться перед императором. В тот же вечер они объявили о полном прощении и восстановлении придворного ранга даймё Тёсю Мори Такатика и его сына. Княжество Сацума наконец выполнило свое главное обязательство по пакту 1/1866. Но оставалось обсудить самый настоятельный вопрос — императорский указ о роспуске сёгуната. Переговоры продолжались всю ночь и на следующее утро.

Утром 9/12 в конференции был объявлен перерыв, и регент императора, Нидзё, вернулся домой. Ивакура сразу же приступил к действиям. Он дал указание войскам, в основном из Сацума, взять под охрану ворота императорского дворца. Затем он пригласил даймё и высокопоставленных вассалов из Сацума, Хиросима, Тоса, Фукуи и Овари в императорский дворец на официальную церемонию. Пока собравшиеся ждали, юный император Муцухито вызвал в свою библиотеку принцев Арисугава-но-мия и Ямаси-но-мия, где объявил им «императорскую волю». Затем он вышел к собравшимся даймё и, заняв место за бамбуковой ширмой на высокой платформе, прочитал «великий эдикт» (*дайгорэй*),

коренным образом меняющий политическую структуру Японии. Сёгунат был упразднен. Этот указ включал пост самого сёгуна, а также пост протектора Киото (*Киото сюго*), который занимал Мацудайра Катамори, и пост его заместителя. Ключевые должности при императорском дворе также были упразднены. Должности регента (*сэссё*), которая являлась центром власти с седьмого века, больше не существовало. Вместо сёгуната и традиционного императорского двора император объявил о создании новой политической структуры. Принц Арисугава-но-мия будет президентом (*сёсай*); главные даймё и высокопоставленные придворные станут сенаторами (*гидзё*); самураи и придворные низкого ранга будут советниками (*санъё*). Это был быстрый, бескровный переворот, который Сайго и Окубо планировали на протяжении месяцев, но, чтобы не вызывать лишних подозрений, требовалось соблюдать осторожность и осмотрительность. Окубо занимал скромное место в дальней части зала для собраний. Сайго находился снаружи, у дворцовых ворот, командуя войсками Сацума.

Присутствие многочисленного воинского контингента Сацума в столице помогло создать широкую, но эфемерную антисёгунскую коалицию. Ямаути Ёдо и Мацудайра Сунгаку, которых вряд ли можно было назвать союзниками Сацума, поддержали декрет скорее из страха оказаться исключенными из новой политической структуры. Они оба были вознаграждены постами сенаторов в новом императорском совете. Хитоцубаси Кэйки и Мацудайра Катамори, напротив, отказались прийти на собрание, не желая легитимировать своим присутствием антисёгунский путч. Таким образом, императорский декрет скорее создал напряженную патовую

ситуацию, чем привел к ясной победе. Чтобы избежать потенциально взрывоопасной ситуации, 12/12 Кэйки покинул Киото и направился в Осака. Кэйки повиновался эдикту, ничем не подтверждая, что он признает его законность. Так, например, он принял отставку Мацудайра Катамори с поста протектора Киото, но причиной отставки была объявлена его болезнь, а не императорский эдикт. Между тем защитники Кэйки, включая Ёдо и Сунгаку, отчаянно пытались изменить эдикт в пользу Кэйки. Приказ императора лишал Кэйки поста сёгуна, но оставлял за ним придворную должность лорда-хранителя императорской печати (*найдайзин*). Возможно, ему удастся сохранить свои владения в качестве высокопоставленного придворного чиновника. Оставаясь в Осака, Кэйки согласился уйти с поста сёгуна и отдать свои земли, но при условии, что другие даймё тоже отдадут земли императорскому дому, чтобы он мог оплачивать свои расходы. Это была интересная идея, и даже Ивакура начал колебаться. Похоже, время снова было на стороне Кэйки.

28/12 Сайго написал отчаянное письмо Минода Дэнбэй в Кагосима. Сайго опасался, что отступление Кэйки в Осака было не столько признаком смирения, сколько способом консолидировать свои силы. Хотя смысл императорского эдикта был достаточно ясен, Токугава Ёсикацу и Мацудайра Сунгаку работали над тем, чтобы помочь Кэйки сохранить свои земли и даже получить пост сенатора в новом правительстве. Если бы двор сразу же издал указ об атаке Кэйки, то даже родственные ему даймё (*синпан*), такие, как Ёсикацу, оставили бы сёгунат. Вместо этого ситуация зашла в тупик. Однако не все было так плохо. Несколько крупных кня-

жеств отделились от сёгуната, а в политике Тоса лоялисты Итагаки, судя по всему, вытеснили со сцены Гото с его «низкими махинациями». Но ситуация оставалась нестабильной, поэтому Сайго и Окубо прилагали отчаянные усилия, чтобы сохранить антисёгунскую коалицию.

Патовая ситуация продержалась до 28/12, когда Кэйки получил новости из Эдо. Пятью днями ранее, после того как в столице много недель ходили слухи о том, что агенты Сацума собираются атаковать замок Эдо, в замке вспыхнул подозрительный пожар, уничтоживший женские покои. В тот же вечер кто-то обстрелял столичную резиденцию княжества Сонай, близкого союзника сёгуната. Когда люди из Сонай начали преследование, нападавшие побежали по городским улицам в сторону резиденции Сацума. Эти события произошли после нескольких недель уличных беспорядков, инициаторами которых называли ронинов, возглавляемых лидерами из Сацума. Власти Эдо были возмущены, разгневаны и готовы к бою. 25/12 они атаковали и подожгли резиденцию Сацума, убив нескольких людей. В Эдо, если не в Киото, война уже началась.

Кризис в Эдо был делом рук Сайго, результатом его приказов, отданных Сагара Содзэ, и этот план в конечном итоге загнал Кэйки в угол. Кэйки был готов или, возможно, даже хотел, покинуть пост сёгуна и сложить с себя ответственность за сложную ситуацию во внешней политике. Но нападения на замок Эдо и резиденцию Сонай бросали вызов достоинству Кэйки как воина. Он не мог проигнорировать такое оскорбление, сохранив уважение своих людей. Кэйки постоянно удавалось перехитрить Сайго и Окубо в переговорах, поэто-

му Сайго решил положить переговорам конец. Теперь, чтобы сохранить свой авторитет, Кэйки должен был сражаться. После того как его честь была брошена на чашу весов, Кэйки ответил на вызов Сайго. В день Нового года (25 января по григорианскому календарю) Кэйки обратился с жалобой к императорскому двору. Вероломный Симадзу Хисамицу, заявил Кэйки, действует наперекор императорской воле и обманывает молодого императора. Силы Сацума не только захватили контроль над императорским дворцом в Киото, вынудив регента императора уйти в отставку, они также «занимались грабежами и бесчинствами в городе [Эдо], обстреляв здания и персонал резиденции княжества Сакай [Сонай]». Эдо захлестнула волна бандитизма и насилия, «а вассалы Хисамицу всячески потворствуют этому, чтобы ускорить сближение востока и запада, ввергнув в хаос землю императора». Теперь Кэйки берет решение этих проблем в собственные руки. Даже если двор не издаст указ о немедленном аресте этих предателей, «их, в любом случае, ожидает смертный приговор».

Токугава и их союзники начали разворачивать свои силы. Линия фронта протянулась к югу от Киото — от деревни Тоба до города Фусими. У Тоба Токугава собрал около 2500 солдат против 900 из Сацума. У Фусими Токугава, вместе с Айдзу и союзными княжествами, сосредоточил трехтысячный контингент против 500 человек из Сацума, 725 из Тёсю и 200 из Тоса. Это было угрожающее соотношение, и новое правительство готовилось к худшему: если Киото падет, они совершат отвлекающий маневр, направив императорский паланкин на гору Хиэй, расположенную на северо-востоке Киото,

в то время как войска из Сацума и Тёсю эвакуируют императора в Хиросима. 3/1/1868 Сайго написал несколько писем Окубо. Сайго сомневался в том, что Айдзу будет атаковать без прямого императорского приказа, но тем не менее он хотел немедленно получить подкрепления для войск, развернутых у Фусими. Он пересмотрел планы сражения с Иноуэ Каору, командующим силами Тёсю, и Идзити Масахару, командующим силами Сацума в Тоба. Пока все было хорошо, но Сайго прагматично относился к внушительному размеру вражеской армии, и поэтому он дал самые подробные рекомендации о маршруте эвакуации императора. На закате того же дня артиллерия Сацума в Тоба открыла огонь по силам Токугава. Сайго отправился на фронт, чтобы посмотреть на то, как его малочисленные войска атакуют самое могущественное правительство, когда-либо существовавшее в Японии.

«РАЗГОНЯЯ ОБЛАКА»

Сайго и государство Мэйдзи¹

Конец режима Токугава

Начиная с вечера 3/1/1868 Сацума, Тёсю и их союзники за три дня ожесточенных боев полностью разгромили военные силы сёгуната. Сайго был счастлив, но в то же время удивлен своей собственной победой. В письме Кацура Хисатакэ от 10/1/1868 Сайго хвастает тем, что его войска обратили в бегство противника, имевшего пятикратный численный перевес. В письме Кавагути Сэппо, написанном в тот же день, он уже заявляет, что соотношение сил составляло десять к одному. Оценки Сайго были субъективными, окрашенными эйфорией и покрытыми туманом войны, но его войска и в самом деле находились в численном меньшинстве. Значительная часть армии Токугава существовала только на бумаге, но на линии Фусими — Тоба силы сёгуната все равно имели по меньшей мере двукратное численное превосходство над императорской армией.

Силы сёгуната были не только многочисленными. Среди них были одни из лучших воинских подразделений Японии, например, такие, как обученный французами пехотный полк. Кроме того, многие солдаты сражались на стороне сёгуната с большой отвагой. Баталь-

¹Из письма Сайго Кацура Хисатакэ от 8/7/1869.

оны из Айдзу продемонстрировали, насколько опасным может быть в современном бою традиционное оружие самураев. По меньшей мере в двух случаях солдаты Айдзу бросались на стрелков из Сацума и Тёсю с мечами и копьями и обращали их в бегство до того, как они успевали перезарядить свои винтовки. Армия сёгуната обладала превосходством в живой силе и вооружении, но ее эффективность была подорвана бездарным командованием и хронической неорганизованностью. У командования сёгунской армии отсутствовала какая-либо последовательная стратегия, и поскольку войска постоянно оказывались не в том месте и не в то время, они не могли извлечь реального преимущества из своего численного превосходства. Армия сёгуната также страдала от низкого боевого духа и неповиновения. Даже одержав победу, ее войска не наступали, предоставляя время императорской армии на перегруппировку сил. Подкрепления не разворачивались там, где им было приказано, оставляя атакующие подразделения с оголенными флангами. По мере того как запах скорого поражения становился все ощутимее, союзники сёгуната начали страховать свои ставки. Инаба Масукуни, даймё Йодо, был номинальным союзником сёгуната, но он отказался предоставить убежище войскам Токугава в своем замке. Финальный удар был нанесен 6/1, когда в ходе решающего сражения артиллерийское подразделение из княжества Суо сменило сторону и начало обстреливать силы Айдзу вместо наступающих войск императорской армии. Побитая снаружи и опустошенная изнутри, армия сёгуната развалилась.

Вечером 6/1/1868 Кэйки узнал об измене Суо и решил, оставив Осака, направиться на восток. Было неяс-

но, то ли он готовится к капитуляции, то ли пытается перегруппировать свои силы в Эдо и перейти к обороне. Заявления и действия Кэйки были крайне противоречивыми, из-за чего его союзники чувствовали себя деморализованными, враги встревоженными, а историки до сих пор испытывают замешательство. Но исход сражений на линии Фусими — Тоба был однозначным: силы сёгуната отдали западную часть страны союзу даймё юго-западных княжеств. Война была еще далеко не окончена, но инициатива находилась на стороне повстанцев, выступающих от имени императорского двора.

Сайго с головой окунулся в наэлектризованную атмосферу сражения. Как верховный командующий, он не должен был появляться на линии фронта, но не мог устоять перед соблазном.

3/1 он написал Окубо: «Сегодня, получив новость о начавшемся сражении, я не смог усидеть на месте и отправился в Фусими, хотя понимал, что этот опрометчивый поступок может вызвать неудовольствие нашего господина». Тадаёси и в самом деле упрекнул Сайго за его неосторожность, но вечером 5/1 Сайго еще раз украдкой пробрался на фронт, где он сражался рядом со своими родственниками, испытывая гордость за их отвагу. Его двоюродный брат Ояма Ивао, будущий командующий армией и военный министр, получил пулевое ранение в ухо, но продолжил сражаться, не останавливаясь ни на секунду. Младший брат Сайго, Цугумити, получил длинную рану от уха до шеи, но, как с гордостью заявил Сайго, выразил готовность при необходимости вернуться в ряды бойцов. Сайго также был обрадован признаками народной поддержки. Когда войска

Сацума проходили через населенные пункты, простолюдины высыпали на улицы, складывали перед собой ладони, кланялись и распевали: «Спасибо, спасибо, спасибо». Я никогда не осознавал, писал Сайго, как сильно население ненавидит сёгунат. Сайго был достаточно разумным человеком, чтобы понимать, что здесь также действуют факторы, далекие от политики. Простолюдины, заметил он, могли радоваться окончанию боевых действий и сопутствующему падению цены на рис, а не прибытию императорской армии. И все же он был рад видеть, как простолюдины выходят на улицы, встречая его солдат с едой и напитками.

Поражение сёгуната было личным триумфом для Сайго, но в то же время он вызывал у него глубоко противоречивые эмоции. Сайго гордился одержанной им военной победой и мужеством своих людей, но его тревожили чувства сожаления, собственного несовершенства и смертности. Он был глубоко опечален тем, что ему запрещалось принимать личное участие в сражениях, и воспринимал это как признак слабости. В первый день 1868 года Сайго, по традиционному японскому счету, исполнилось сорок, и, судя по всему, это обстоятельство заставило его задуматься о собственном возрасте. Он поделился своими чувствами с Кавагути Сэппо, его товарищем по Окиноэрабусима, который теперь заботился о семье Сайго в Кагосима:

«Я сожалею о том, что присоединился к рядам людей пожилого возраста, и поэтому больше не смогу сражаться, а всегда буду зависеть от других. Я уже решил подать в отставку и удалиться на покой, как только боевые действия закончатся. Говоря по правде, я больше не

могу служить, как мужчина, из-за чего чувствую себя робким и неуверенным. Это просто невыносимо».

Сайго метался между бравадой и сентиментальностью. Он посылал своих младших родственников в битву, угрожая отказаться от них, если они будут сражаться недостаточно отважно и вернуться домой без единого ранения. Но он чувствовал себя униженным из-за того, что сам не может ввязаться в драку. Затем он признался Кавагути: «Я рад тому, что они сражались хорошо и были ранены, так что теперь я вряд ли отрекусь от них, а скорее буду ценить как самое драгоценное имущество». Когда сражения затихли, мысли Сайго вернулись к его маленькому сыну, Торатаро, находившемуся в Кагосима. Торатаро заболел, и в необычайно личном для себя отрывке Сайго просит Кавагути не позволять ребенку есть слишком много, пока он полностью не поправится. В момент несравненного военного триумфа Сайго переживал из-за своей физической слабости и терзал себя мыслями о маленьком сыне, оставшемся в сотнях миль от него.

Пройдет более года, прежде чем Сайго полностью осознает, в чем заключаются корни его чувства отчуждения, ну а пока его беспокоило гнетущее ощущение недостатка целеустремленности. После попытки самоубийства в 1862 году Сайго обрел волю к жизни в своем чувстве долга. Небеса не дали ему утонуть в заливе Кагосима, потому что он еще не завершил свои дела на земле. Долг Сайго перед Нариакира, его единственным подлинным господином, очевидно, включал в себя и свержение сёгуната. Но теперь, когда сёгунат был разрушен, Сайго начал задумываться над тем, не завершена ли его миссия. Следует ли ему уйти в отставку, или же

основание нового, императорского государства тоже относится к его долгу? Борьба с сёгунатом поглощала всю энергию Сайго, но после того, как армия сёгуна отступила, он получил возможность задуматься над тем, что теперь от него требует лояльность к Нариакира. Это был особенно болезненный вопрос, поскольку идея Нариакира о будущем политическом устройстве Японии, центральную часть в котором занимал совет *кобу готтай*, ныне была развеяна. Кроме того, что совет даймё не сумел бросить вызов сёгунату, такие консерваторы, как Мацудайра Сунгаку и Ямаути Ёдо, использовали примирительный язык *кобу готтай* для защиты Кэйки. Сайго начал смугно ощущать, что создание нового императорского государства может потребовать полного отказа от традиционных принципов государственного устройства, таких, как независимость даймё. Другими словами, дух представления Нариакира находился в полном противоречии с элементами его политической программы. Это был конфликт, который Сайго никогда не смог полностью признать, а тем более с ним смириться. Это невысказанное и неразрешенное напряжение переросло в скрытый кризис как самого Сайго, так и всего государства Мэйдзи: один из основателей современного японского государства испытывал глубоко противоречивые чувства в отношении собственного создания.

Двойственное отношение Сайго к нарождающемуся государству Мэйдзи проявилось в первые месяцы 1868 года, когда он открыто пожаловался на императорскую армию. Новому государству требовалось новое военное командование для эффективных действий против сёгуната. Хотя императорская армия представляла собой

лишь произвольную смесь из армий различных княжеств, 2/1868 правительство создало четыре крупных воинских подразделения: Токайдо, Тосандо, Сангиндо и Хокурикудо, — каждое из которых было названо в честь основных дорог страны. Руководство этими четырьмя дивизиями осуществляло новое верховное командование — Высшее командование восточных экспедиционных войсками (*Тосэй дайсётокуфу*). Номинальным главнокомандующим был назначен принц Арисугава-но-мия, и двумя старшими офицерами штаба стали придворные аристократы. Таким образом, была осуществлена связь вооруженных сил из отдельных княжеств с императорским двором, единственным общенациональным институтом во все еще не сформированном национальном государстве. Сайго был одним из двух младших офицеров штаба, самым высокопоставленным самураем в армии. Однако Сайго скоро начал жаловаться на то, что его загрузили престижной, но ненавистной ему канцелярской работой. Штабные совещания вызывали у него невыносимую скуку, и он тосковал по настоящему командованию. 5/3/1868 он отправился с мольбой о помощи к своему товарищу Ёсин Томодзанэ, самураю из Сацума, упрасывая заменить его на штабной работе. В его письме содержалась мрачная шутка: Сайго просил освободить его от высокой должности, чтобы «я мог погибнуть в бою и подождать тебя [Ёсин] в аду».

Несмотря на свои горькие протесты, Сайго остался на службе и наблюдал за наступлением императорской армии на восток. Ее подразделения почти не встретили никакого сопротивления на всем участке продвижения от Осака до Одавара, призамкового города, располо-

женного примерно в пятидесяти милях к юго-западу от Эдо. После этого армия отступила к Сунпу (современный Сидзуока), основала командный центр и начала готовиться к атаке Эдо. 6/3 члены высшего командования восточных экспедиционных войск собрались в Сунпу, чтобы обсудить возможные условия капитуляции. Они решили потребовать казни высокопоставленных должностных лиц режима Токугава, а также сдачи всех замков, боевых кораблей и военного имущества. Если их требования не будут удовлетворены, то они атакуют Эдо 15/3. Сайго поддержал эти жесткие условия. Ничего, кроме смерти Кэйки, не могло остудить его гнев, а он чувствовал, что некоторые придворные склоняются к прощению. Согласие на мирную отставку Кэйки, писал он Окубо, стало бы типичным проявлением опасной нерешительности двора.

Однако Кэйки ловко устранил себя со сцены. 11/2 он добровольно сел под домашний арест и назначил Кацу Кайсю командующим вооруженными силами Токугава. Кацу был неожиданным, но хорошо продуманным выбором. В 1864 году Кацу подорвал авторитет сёгуната, выступив против атаки на Тёсю, но его оппозиция была принципиальной: сёгунат руководствовался стремлением к личной мести, а не общенациональными интересами. Те же самые стандарты теперь побудили Кацу встать на защиту сёгуната. Бессмысленная война против сёгуната, считал он, была такой же плохой и бесполезной, как и война против Тёсю. Кацу был высокомерным и эгоистичным, но у него существовали свои принципы. 6/3 Кацу связался с Сайго в Сунпу через посредника, Ямаока Тэсю. Кацу был не настолько прост, чтобы напрямую взывать к «милосердию» или «мягко-

сти». В конце концов, Сайго ненавидел Кэйки отчасти и за его циничный подход к «мягкости» в отношении Тёсю. Вместо этого Кацу воззвал к представлению Сайго о лояльности. Лояльность к императору, напомнил он Сайго, является всеобщей, и она не может быть основой для мелкой вражды. Япония стоит перед лицом как внутренних, так и внешних угроз: «Текущая ситуация в нашей стране отличается от прошлого в том, что хотя и раньше бывало так, что брат подкапывался под брата, они в то же время знали, когда прекратить подобное бесчестье». Далее Кацу обратился к чувству чести Сайго: «Истощать свои силы, подавляя мелких вассалов, — это не достойный путь (*мити*), а всего лишь решение принять бессмысленную, злую смерть под градом пуль».

Как и в 1864 году, Сайго убедили аргументы Кацу, и он согласился встретиться с ним, чтобы обсудить более мягкие условия капитуляции. 13/3 и 14/3 они встретились в Эдо, и Кацу снова заговорил об общих интересах противоборствующих сторон. Кэйки, утверждал он, является послушным слугой императора; именно поэтому он отступил из Кинаи и ушел с поста сёгуна. Кэйки заявил о своей готовности отдать значительную часть своих владений, а также город Эдо, и он не заинтересован в продолжении боевых действий. «Мой господин не из тех, кто, горюя о судьбе собственного дома, отправляется на войну и убивает своих соотечественников (*кокумин*)». Кацу зловеще предупреждал, что гражданская война приведет к общественным беспорядкам, с широкомасштабными волнениями среди самураев и простолюдинов. Неужели Сайго из мелкой мстительности откажет Кэйки в разумной части его наследственных вла-

дений, рискуя внутренним хаосом? И, напротив, если Сайго согласится на более мягкие условия, то тогда «не будет бесчестья под небесами и авторитет двора повысится. Убедившись в благодатной справедливости императорского правления, вся страна немедленно откликнется на это. А когда об этом услышат чужеземцы, их вера в нашу страну восстановится, и гармоничные связи будут укреплены». Аргументы Кацу совпали со стремлением Сайго к великой цели и его давно сложившимися представлениями о чести. Они также разбудили в нем мысли о трансцендентных актах добродетели. Справедливое обращение с Токугава, утверждал Кацу, распространит добродетель по всей стране. Для Сайго это был веский аргумент. Он пообещал отложить запланированную атаку и представить аргументы Кацу высшему командованию. Сайго настоял на том, что он не имеет права говорить за все правительство без предварительной консультации, но Кацу не сомневался в том, что голос Сайго будет иметь решающее значение. Сайго изложил условия Кацу принцу Арисугава-но-мия, а затем отправился в Киото, чтобы получить одобрение императорского правительства.

После нескольких недель переговоров 4/4 окончательные условия капитуляции были объявлены в замке Эдо официальным посольством императора, куда входили двое высокопоставленных придворных, представители высшего военного командования (включая и Сайго) и еще около шестидесяти сопровождающих лиц. Кэйки избежал смерти, и ему было позволено удалиться в княжество Мито, несмотря на то что он «обманывал императорский двор» и совершал преступления, караемые смертной казнью. Позднее он получил полное про-

шение и тихо умер в 1913 году, пережив почти всех своих врагов. Защитникам Кэйки, несмотря на их «тяжкие преступления», было даровано императорское помилование и позволено удалиться из общественной жизни. Замок Эдо был сдан правителю Овари из побочной ветви дома Токугава. Токугава вменялось в обязанность сдать все военное имущество, но императорское правительство при этом обещало позднее вернуть его «соответствующую часть». Эти условия стали переговорным триумфом для Кацу и явным отступлением от изначального требования Сайго, который настаивал на том, чтобы Кэйки совершил ритуальное самоубийство. Враждебное отношение Сайго к Токугава было развеяно аргументами Кацу, и, кроме того, он был тронут «величайшей покорностью» чиновников Токугава. В письме Окубо, написанном на следующий день, Сайго даже нашел несколько добрых слов для Окубо Итио, чиновника Токугава, который помогал вести переговоры об условиях капитуляции. В то же время Сайго был поражен своей новой властью, и ему казалось забавным, что он может, имея при себе меч, свободно разгуливать по внутренним покоям замка Эдо.

Сдача замка Эдо завершила первую фазу того, что японские историки называют «войной Босин»: *бо* (земля) и *син* (дракон) были китайскими зодиакальными знаками для 1868 года. Формальная церемония капитуляции прошла гладко, и 11/4 княжество Овари, выступая в роли представителя императорского правительства, вступило во владение замком Эдо. Однако простые вассалы Токугава, в отличие от своих лидеров, не торопились складывать оружие, и последующие стадии капитуляции были связаны со значительными осложне-

ниями. Княжество Кумамото, действуя как представитель императора, должно было взять под арест более 2000 солдат Токугава и все их оружие. Но на деле княжество получило 722 винтовки японского производства и горстку людей. Лучшее оружие и войска исчезли. К середине 4/1868 непокорные солдаты Токугава сформировали в Канто партизанские отряды, которые начали нападать на императорскую армию. Кацу делал все возможное, чтобы добиться соблюдения условий капитуляции, но он не мог успокоить недовольство, широко распространившееся среди союзников Токугава. В Эдо, как и на всем северо-востоке, шли разговоры о необходимости продолжить войну против «вероломных предателей».

Сайго лично столкнулся с признаками этого надвигающегося кризиса в Эдо. Город патрулировали члены «Сёгатай», или «Лиги демонстрации справедливости» — вновь сформированной бригады из бывших солдат сёгуната. Эти войска помогали поддерживать мир и порядок в период капитуляции замка Эдо, но теперь они испытывали раздражение при мысли о сдаче столицы сёгуната силам Сацума. Из своей базы, расположенной в храме Канэйдзи на горе Уэно, они дразнили императорские войска, а к началу апреля 1868 года начали атаковать императорские патрули. Кацу пытался их удержать, но безуспешно. Хотя эти факты вызывали у Сайго серьезное беспокойство, он не хотел усиливать конфронтацию. При таком большом количестве императорских войск на северо-востоке страны в Эдо силы императора находились в численном меньшинстве. На совещании командования 1/5 Сайго выступил против атаки до прибытия подкрепления, но командующий си-

лами Тёсю, Омуре Масудзиро, не согласился с ним. Императорское правительство собиралось сделать Эдо своей новой столицей, и поэтому силы сёгуната необходимо уничтожить. Сайго все еще испытывал сомнения, но когда «Сёгатай» возобновили свои атаки на силы Сацума, он сдался. Финальный штурм был назначен на 15/5. На заре этого дня императорские войска атаковали «Сёгатай». Силы Сацума бросились на штурм главных ворот Канэйдзи и встретили ожесточенное сопротивление. Части из Тёсю с большим запозданием атаковали тыльную часть территории храма, но уже после того, как силы Сацума понесли тяжелые потери. Однако, несмотря на плохую координацию и численное превосходство противника, к вечеру «Сёгатай» были разбиты. Столица сёгуната теперь стала императорской столицей. Через два месяца город был переименован в Токио, что означает «Восточная столица».

Сайго имел все основания быть недовольным кампанией в Уэно. Омуре, офицер из Тёсю и по сути всего лишь военный советник, взял на себя командование и разработал стратегию атаки. Его план привел к тяжелым потерям у Сацума, частично вызванным тем, что подкрепления из Тёсю не сумели оказать поддержку силам Сацума в критический момент. Сайго, командовавший своими войсками на месте, видел это с близкого расстояния, в то время как Омуре наблюдал за ходом сражения с командной башни, расположенной в нескольких милях от храма Канэйдзи. Но Сайго был слишком наэлектризован энергией битвы, чтобы жаловаться: «Благодаря нашей тщательной подготовке мы быстро покончили с врагом, и это доставило мне величайшее удовольствие». Вместо того чтобы отчитать

Омура за то, что он захватил командование, Сайго, судя по всему, был рад возможности затеряться в тумане войны. Несмотря на общую депрессию, Сайго нашел свое мужество в гуще сражения и возобновил былую славу. Придворный аристократ Сандзё Санэтоми в письме Ивакура Томоми написал по этому поводу следующее: «Что касается войск Сайго, то яростный бой у Черных ворот (Куромон) был исключительным по своему накалу, и своей отвагой они заслужили всеобщее восхищение». Это Синпэй вторил ему: «Я восхищен отвагой Сайго и мастерством военного стратега, которое проявил Омура».

Обеспечив безопасность в Эдо, Сайго переключил свое внимание на разрастающийся конфликт на северо-востоке. Императорское правительство ожидало встретить ожесточенное сопротивление со стороны княжеств Айдзу и Сонай, которые были одними из самых рьяных защитников сёгуната. Однако северо-восток не только оказал сопротивление, но и проявил мощную региональную солидарность. 4д/1864 старейшины из двух крупных северо-восточных княжеств, Сэндай и Ёнэдзава, ходатайствовали о подаче петиции, призывающей к прощению Айдзу и Сонай. Петиция получила поддержку в соседних княжествах, и совместное прошение быстро стало основой для более широкого регионального союза. К 5/1868 императорское правительство уже имело дело с конфедерацией из семнадцати северо-восточных княжеств, которые поклялись совместными усилиями добиться справедливого обращения с Айдзу. Союз северо-восточных княжеств не стремился к военному конфликту с императорским правительством. Напротив, многие члены союза надея-

лись на то, что они смогут избежать войны, если договорятся о более мягких условиях капитуляции для Айдзу и Сонай. Но тем не менее императорское правительство было испугано этой внезапной угрозой своей верховной власти: конфедерация оспаривала власть нового правительства над северо-восточной частью страны. Словами штабного офицера императорской армии, «вульгарные княжества», входившие в союз, «не воспринимали серьезно императорский двор», и поэтому императорскому правительству не оставалось ничего иного, кроме как «считать своим врагом весь северо-восток».

Сайго вернулся в Кагосима, чтобы собрать дополнительные войска для кампании против северо-восточного союза. Однако вскоре после своего возвращения, 14/6, он почувствовал себя нездоровым и отправился на горячие источники, чтобы подлечиться. Наконец, 6/8 Сайго покинул Кагосима с тремя полками и через четыре дня прибыл с ними в северо-восточный порт Касивадзаки. Участию Сайго в северо-восточной кампании предшествовала личная трагедия. Его брат Китидзиро был тяжело ранен в бою 2/8 и умер 14/8, всего лишь через четыре дня после прибытия Сайго. Сайго считал смерть в бою самой почетной для самурая, но при этом чувствовал, что он, как старший брат, должен был умереть первым. Из-за своей болезни Сайго пропустил значительную часть войны, и ко времени его появления на поле боя ситуация уже начала складываться в пользу императорского правительства. Сайго командовал своими войсками при осаде замка Сонай и зарекомендовал себя способным командиром, но он уже был охвачен глубокой ностальгией. В одном из немно-

гих сохранившихся писем периода северо-восточной кампании он наставляет своего офицера перед битвой следующими словами: «Если ты не проявишь праведного гнева древних времен, то уже никому не сможешь показать свое лицо». Главным достижением Сайго на северо-востоке стало милосердие, проявленное им к побежденному врагу. Поскольку в 1867 году самураи из Сонай подожгли резиденцию Сацума в Эдо, теперь они приготовились к суровому возмездию. Однако Сайго приказал соблюдать порядок при оккупации и отвел свои войска, как только капитуляция призамкового города Сонай была завершена. Этот неожиданный жест доброй воли принес ему громкую славу на северо-востоке. Теперь даже враги прославляли его как символ всех самурайских добродетелей.

Сайго и реформа княжества

К концу 9/1868 северо-восточная кампания была, по сути, окончена, и Сайго отбыл в Эдо, а оттуда домой. Оказавшись в Сацума, он сразу же направился в Хинатаяма, ничем не примечательный, но приятный курортный городок, расположенный в северо-восточном углу залива Кинко. Сайго в Хинатаяма привлекали в основном горячие источники, которые притупляли его хронические боли. Сегодня местные воды рекомендуют для лечения невралгии, мышечных болей, болей в суставах, радикулита, хронического расстройства желудка и общего истощения, но даже те, у кого эффективность этой жидкой панацеи вызывает сомнения, имеют возможность наслаждаться прекрасными пейзажами, пока они принимают слабощелочные ванны. Хинатаяма так-

же был идеальным местом для двух главных увлечений Сайго — охоты и рыбалки. Река Амorigава, которая протекает через Хинатаяма, славилась тем, что в ней в изобилии водилась *аю*, деликатесная пресноводная рыба. Окружающие горы идеально подходили для охоты на зайца, оленя и кабана.

Остается неясным, что собирался сделать Сайго — уйти из общественной жизни или просто немного отдохнуть, и похоже, он сам не был уверен в собственных планах. В середине 1/1869 императорское правительство попросило его вернуться в столицу, но он вежливо отказался. Затем, 25/2/1869, Сайго был испуган неожиданным появлением редкого гостя. Даймё Сацума, Симадзу Тадаёси, лично посетил Сайго в Хинатаяма и попросил его вернуться на правительственную службу. Это предложение не вызвало у Сайго особого энтузиазма, но он не мог отказать своему господину. Просьба Тадаёси взывала как к чувству долга Сайго, так и к его гордости. Сайго поддался на уговоры и согласился стать советником (*санъё*) в правительстве княжества.

Сайго потребовался Тадаёси, чтобы разрядить потенциально взрывоопасную ситуацию, которая возникла при решении запутанного вопроса о проведении реформ в Сацума. Реставрация императорской власти привела к обострению кризиса, давно назревавшего внутри самурайского сословия. Солдаты, которые в конце 1868 года вернулись в Сацума победителями, на протяжении многих лет испытывали на себе традиционные ограничения в ранге и чине. Выбрав победившую сторону в решающей политической схватке, они почувствовали себя вправе потребовать проведения радикальных реформ. Кроме того, вернувшись с полей сра-

жений, они больше не испытывали особого почтения к самурайской элите, которую считали изнеженной, слабовольной и трусливой. Элита княжества, известная как *монбацу*, напротив, была полностью дискредитирована. Глубоко заинтересованная в сохранении статус-кво, она до последних месяцев сопротивлялась нападению на Токугава. Недовольство простых самураев быстро вылилось в социальный конфликт, и к началу 1/1869 самураи Сацума проводили многолюдные демонстрации с требованием открыть важные правительственные должности для низких по рангу, но способных вассалов.

Эти требования о проведении радикальных реформ было трудно отклонить, поскольку они, как казалось, находились в полном соответствии с декретами центрального правительства. 3/1868 в основополагающей политической декларации, «Присяге на хартии пяти принципов», император поклялся перед своими великими предками полностью изменить государственное устройство Японии. Япония теперь будет искать знания по всему миру, важные вопросы национальной политики будут решаться «на основании общественного обсуждения», и «все классы, высокие и низкие», теперь «объединятся, чтобы энергично осуществлять управление государственными делами». Что именно это означало, оставалось неясным. Радикалы позднее утверждали, что понятие «все классы» включает и простолюдинов, а «общественное обсуждение» означает парламент. Но даже самая консервативная интерпретация директив центрального правительства была плохой новостью для *монбацу*. Государство Мэйдзи не будет помогать узкой клике семей в сохранении их монополии на политиче-

скую власть. В то же самое время государство Мэйдзи уклонялось от прямого ответа на вопрос, означает ли ликвидация наследственных привилегий конец правления даймё.

1/1869, под большим давлением со стороны самураев-реформистов, даймё Сацума, Тёсю, Тоса и Сага тщательно рассчитанным жестом отдали свои владения императорскому правительству. Император в ответ незамедлительно назначил этих же людей губернаторами их прежних владений. Таким образом, Симадзу Тадаёси стал теперь губернатором княжества Сацума, назначенным императором, но было неясно, чем эта должность отличалась от его прежнего поста даймё. Был ли институт даймё усилен императорским одобрением, или же ослаблен императорским контролем?

Симадзу Хисамицу обрисовал эту запутанную ситуацию в необычайно прямом послании Сайго. В этом послании от 2/1869 его господин замечает, что «в текущей ситуации совершенно очевидно, что назначения в правительство должны проводиться независимо от ранга», и поэтому некоторые вассалы выступают за упразднение *монбацу*. Этот аргумент показался Хисамицу «вполне обоснованным», но после «долгих размышлений» у него появились некоторые сомнения. *Монбацу* являлись потомками людей, которые были вознаграждены за «безупречную службу» дому Симадзу, так что казалось несправедливым лишать их заслуженных прав. И что более серьезно, «оставить свои собственные наследственные привилегии неизменными и при этом полностью упразднить наследственные привилегии тех, кто находится ниже меня, значит действовать наперекор своему чувству долга и гуманности и вызвать жест-

кое осуждение у истории». Эти слова Хисамицу затронули главный вопрос, стоящий перед новым государством: реставрация Мэйдзи была революционной атакой на наследственные привилегии или же восстановлением традиционных прав и обязанностей? Это была зыбкая и неопределенная ситуация: Хисамицу снова искал помощи Сайго — человека, которому он не верил и которого не любил. Точнее, Хисамицу требовалась репутация Сайго, чтобы выйти из трудного, запутанного положения. Практически Сайго ничего не должен был делать. Достаточно того, чтобы он был связан с правительством княжества, таким образом *смягчая* своей репутацией неконтролируемые требования о проведении радикальных реформ.

25/2/1868 Сайго формально стал одним из нескольких советников в правительстве княжества, контролирующим проведение реформ в социальных и политических институтах Сацума. Сайго не проявлял особого интереса к деталям реформ. Работа в административном аппарате показалась ему невыносимо скучной, и он достаточно часто уединялся в Хинатаяма. Роль Сайго была чисто символической. Его присутствие в правительстве княжества внушало простым самураям уверенность в том, что их интересы будут соблюдены. Друг Сайго, Кацура Хисатакэ, исполнял схожую роль для другого социального слоя. Кацура, младший брат старейшины княжества Симадзу Симоса, был символическим представителем традиционной элиты княжества. Сайго и Кацура имели давние отношения. Кацура был отправлен на Амамиосима для организации береговой обороны в 1862 году, как раз в то время, когда Сайго был возвращен из своей первой ссылки. Кацура присматривал

за Айганой и ее детьми, за что Сайго имел перед ним долг благодарности. Совместная работа в правительстве княжества укрепила их дружеские отношения, и Сайго начал делиться с Кацура своими самыми сокровенными чувствами. Ввиду высокого статуса Кацура письма Сайго написаны с соблюдением всех необходимых формальностей, но при этом отличаются необычайной прямоотой.

За последующие два года княжество инициировало разительные перемены во всех основных областях управления. Наиболее сильные изменения произошли в области содержания самураев. Правительство Сацума приказало *монбацу* отдать свои частные владения княжеству и использовать урожай, выращенный на этих землях, для радикального перераспределения доходов. До реформы около ста семей *монбацу* имели доход более 200 000 коку риса в год — то есть элитная верхушка, составлявшая 0,2 процента от всего самурайского населения, получала около 43 процентов от общего содержания самураев в виде независимого дохода с собственных земель. После реформы *монбацу* стали получать около 7 процентов от общего дохода, выплачиваемого в виде обычного жалованья. Эта реформа сократила доход *монбацу* более чем на 87 процентов и одновременно увеличила содержание простых самураев в среднем на 21 процент. Пожертвовав элитой княжества, Сацума сумело поднять уровень жизни большинства самураев, при этом затрачивая меньше средств на их содержание. Княжество также перестроило свою армию, внедрив большое количество вассалов низкого ранга в современную военную систему, организованную по британскому образцу. Княжество полностью реорганизовало

свой административный аппарат, распустив традиционные институты, такие, как совет старейшин, и заменив их системой департаментов и бюро. При назначении на новые должности основополагающую роль играл талант кандидатов, а не их ранг; княжество упразднило все основные статусные разграничения среди своих самураев. Правительство провело новое размежевание земель и упростило систему сбора налогов. Оно продолжило с удвоенной энергией стимулировать развитие современных отраслей промышленности, особенно текстильной и кораблестроительной.

Эти реформы оказали огромное воздействие на княжество. К 1872 году Сацума ликвидировало основные недостатки традиционного правления. Княжество имело современные вооруженные силы вместо децентрализованной феодальной армии. Его гражданская администрация была открыта только для самураев, но отбор в нее основывался на способностях, а не на наследственных правах. Княжество упразднило независимую власть семей *монбацу*, установило новый контроль над деревнями и создало эффективный централизованный административный аппарат. Удивительно, что, несмотря на стоимость войны за реставрацию императорской власти, княжество Сацума все больше процветало. Сохранив основные элементы самурайских привилегий, реформаторы сумели создать стабильный современный бюрократический режим. Это было поразительное достижение, за которое Хисамицу удостоился похвалы от императора. Но реформы в Сацума в то же время представляли скрытую угрозу для государства Мэйдзи. Радикальные реформы, проведенные правительством княжества, создали потенциальную альтернативу мощному

и централизованному общенациональному государству. Если Сацума удалось создать современное государство в границах традиционного княжества, то тогда, возможно, локальная автономия была жизнеспособной альтернативой инициативам из Токио.

Сайго одобрил реформы, но он стремился к военной деятельности. Весной 1869 года центральное правительство начало кампанию против последнего оплота военной оппозиции — самопровозглашенной «республики» Эномото Такэаки на Хоккайдо. Эномото, бывший морской офицер сёгуната, 8/1868 скрылся вместе с восемью боевыми кораблями и присоединился к северо-восточному союзу. После поражения коалиции северо-восточных княжеств он бежал дальше на север, на Хоккайдо, где оккупировал город Хакодате. 11/5/1869, после того как на севере страны закончилась весенняя распутица, правительство начало атаку на его силы. Сайго собрал войска и направился на север, чтобы принять участие в кампании. Но Эномото сдался уже на седьмой день, и Сайго прибыл после того, как война уже закончилась. Униженный и измотанный, он вернулся в Кагосима. Ожидавшие его там новости были совсем неплохими: 2/6/1869 центральное правительство назначило ему содержание 2000 коку, и это была самая щедрая в финансовом отношении награда за его службу императорскому двору. Однако ничто не могло развеять его горечи, вызванной тем, что он не успел принять участия в боевых действиях на Хоккайдо. Карьера Сайго, как солдата на службе у государства Мэйдзи, закончилась не так, как бы ему хотелось.

После возвращения в Кагосима Сайго сразу же направился на север, чтобы укрыться от жары и отдохнуть

на горячих источниках в горах Миядзаки. Здесь он получил письмо от своего друга Кацура Хисатакэ, где тот сообщал ему о том, что собирается уйти в отставку из правительства княжества. Эта поразительная новость задела Сайго за живое, поскольку он сам испытывал двойственное отношение к своей общественной службе. Сайго упрекнул Кацура в вежливом, но достаточно откровенном письме от 8/7/1869. Сайго понимал, что Кацура болен, но он не считал, что данное обстоятельство может служить уважительной причиной для отставки. Сайго сам испытывал сильное недомогание: после пяти дней на водах у него поднялась температура и заболел живот. Затем у Сайго началась диарея, и его тело покрылось волдырями и сыпью. «Я испражняюсь двадцать четыре или двадцать пять раз в день, порою с кровью, но это совершенно не меняет мое настроение». Сайго настаивал на том, что пребывает в прекрасном расположении духа, поскольку эти симптомы всего лишь свидетельствуют о том, что горячие воды очищают его тело от всех болезней. Признавшись в том, что страдает от физической слабости, Сайго рассказал про свой глубокий внутренний конфликт и мучительную тоску по Нариакира:

«Однажды я был назван неверным вассалом и даже брошен в тюрьму, однако я проявил бы крайнее неуважение к своему покойному господину [Нариакира], если бы позволил себе там сгнить. Я думал, что если у меня появится шанс принять участие в великих делах государства и очистить себя от всех обвинений в неверности, то я скромно доложу об этом Нариакира в ином мире, закрою рот и больше не произнесу ни слова. Это была моя единственная забота, и с одной этой мыслью

я служу своему господину Хисамицу. Однако нет никаких причин полагать, что господин и вассал будут испытывать одинаковые чувства любви и долга [*дзоги*] по отношению друг к другу, и я служу [своему нынешнему господину, Хисамицу], основываясь на единственном слове: «долг». Разве ты не находишь оснований пожалеть меня [в этом затруднительном положении]?»

Излив душу Кацура, Сайго попросил его отложить свою отставку на два года и уйти позднее вместе с ним. «Ты знаешь, что твоя отставка из-за болезни окажет серьезное воздействие на общественное мнение в государстве [*кокудзю*], и если даже не учитывать данное обстоятельство, с твоей стороны будет просто жестоко оставить меня одного». Сайго буквально умолял Кацура не уходить в отставку. Сайго находил детали административной реформы смертельно скучными, и перспектива работы в правительстве княжества без компании верного друга превосходила то, что он был способен вынести.

В основе страданий Сайго находилось его представление о службе самурая. Имея такую тесную связь с Нариакира, Сайго не хотел соглашаться на что-то меньшее, чем идеальные взаимоотношения господина и вассала: узы, сцементированные как глубокой личной преданностью, так и обоюдной верностью долгу, который Сайго называл *дзоги*. Большинство самураев жили и умирали, ни разу не удостоившись чести личного разговора с даймё, так что Сайго в этом отношении обладал уникальной привилегией. И вот, после того как он имел возможность наслаждаться кодексом жизни идеального самурая, Сайго не мог довольствоваться любыми другими, менее совершенными отношениями. Саму-

райский идеал Сайго не имеет аналога в современной западной культуре, но один аспект его кризиса полностью доступен для нашего понимания. Сайго не хватало страсти. Он перенес на правительственную службу те же самые двойственные, возможно противоречивые, ожидания, которые англо-американское общество теперь связывает с браком: любовь и долг. В современном идеальном браке супругов объединяет как глубокая эмоциональная привязанность, так и правовые нормы. Брак, который удерживается только за счет правовых санкций, обычно рассматривается как неудачный и пустой. Сайго связывал аналогичные ожидания с правительственной службой. Он не хотел служить исключительно по долгу верности. Сайго хотел служить, потому что он испытывает глубокое чувство. Удивительно, но Сайго не испытывал подобной проблемы в браке. Как всякий хороший самурай, он женился ради внешнего приличия и статуса. Сайго никогда не приходило в голову жаловаться на то, что он не любит свою жену. Жены должны быть послушными, и Сайго был вполне удовлетворен, как Ито исполняет свои обязанности. Сайго удовлетворял свою потребность в интимных чувствах за счет взаимоотношений с «Принцессой свиньей», и он открыто признавался в том, что любит эту гейшу, хотя их связь не имела социального статуса. Однако в политике Сайго хотел сразу иметь и чувство, и долг. Поэтому после 1869 года он писал о правительственной службе с тихим, но постепенно усиливающимся отвращением супруга, пойманного в ловушку брака без любви.

При поддержке Кацура Сайго сумел преодолеть свой эмоциональный кризис. Кацура согласился остаться в

правительстве княжества и даже умер вместе с Сайго на склонах Сиroyама через восемь лет. Сайго продолжал служить княжеству, хотя его мысли по-прежнему были сосредоточены на смерти и искуплении. Его страстное признание Кацура, по всей видимости, являлось катарсисом, и в последующих письмах Сайго проявляет большее хладнокровие. Как Сайго объяснил Окубо в письме от 3/8/1870, «теперь я преисполнен решимости развеять все сомнения Хисамицу [обо мне] или умереть», и эта решимость сделала его жизнь более легкой. Вместо того чтобы беспокоиться о будущем, Сайго теперь проживал каждый свой день так, словно он был последним в его жизни. Он отметил, что «поскольку теперь я уделяю внимание не более чем одной вещи за один раз, мне стало проще служить». Это был мрачный путь к душевному спокойствию, но он дал Сайго ощущение умиротворенности.

16/11/1870 Сайго отметил трагическую дату, тринадцатую годовщину смерти Гэссё. Сайго давно переживал из-за собственного спасения, и эта годовщина, должно быть, возродила в нем старые тревоги. Свои мысли он изложил в памятном стихотворении:

Мы поклялись броситься вместе
 в пучину вод.
 Увы, кто мог знать, что мне суждено
 возродиться из волн.
 Когда я смотрю назад, эти тринадцать лет
 мне кажутся сном.
 За границей между живыми и мертвыми
 я тщетно рыдаю над твоею могилой.

В этом стихотворении Сайго излил свою горечь, но наибольшее удивление вызывает его спокойствие. Здесь

нет ощущения настоятельности и гнетущего чувства долга. Сайго скорбит о потере друга и союзника, но он не превратил смерть Гэссё в источник вдохновения для поступков, которые демонстрировали бы его преданность, отвагу или готовность умереть. Слова Сайго о том, что последние годы жизни ему «кажутся сном», совпадают с настроением его писем, написанных в тот же период. Сайго удивлялся, почему он до сих пор жив, но этот вопрос больше не подталкивал его к активному участию в политике. Пусть и временно, Сайго отбросил в сторону вопрос о своем великом предназначении и был готов просто тихо горевать.

Таким образом, Сайго установил равновесие между отстраненностью и вовлеченностью. Он был советником в правительстве княжества Сацума и тем самым исполнял обязательства перед своим господином. Но в то же время он, по собственным словам, жил день за днем, не имея перед собой никакой иной цели, кроме как развеять сомнения Хисамицу. Вскоре он обнаружит, что больше не в силах поддерживать это тонкое равновесие.

Государственный деятель поневоле

18/12/1870 в Кагосима прибыло большое посольство из Токио. Ивакура Томоми, Окубо, Ямагата Аритомо и Кавамура Сумиёси прибыли с тем, чтобы убедить Сайго и Симадзу Хисамицу присоединиться к центральному правительству. Этот визит был вызван усиливающимся ощущением того, что автономия княжеств, особенно автономия Сацума, представляет угрозу для государства Мэйдзи. Уязвимость центрального правительст-

ва была наглядно продемонстрирована тремя месяцами ранее, когда княжество Сацума отозвало своих солдат из императорского дворца, в соответствии с планом регулярной ротации войск, но не прислало им замену. Многие расценили этот шаг как подготовку к нападению. Центральное правительство было, по сути, парализовано этой угрозой, поскольку оно не имело своей армии. Императорские вооруженные силы представляли собой смесь воинских подразделений, добровольно присланных различными княжествами. Угроза казалась настолько серьезной, что эта новость попала на первую страницу *New York Times*:

«Даймё действуют независимо от Микадо, и Принц Сацума, судя по всему, готов в любой момент перейти к открытому восстанию. Иностранцы предсказывают возобновление гражданской войны в течение ближайшего лета. Сацума вывело все свои войска из Йеддо [Токио], и общественное мнение уже начинает покидать сторону Микадо».

Немногим лучше дела обстояли в Тёсю, где 2/1870 недовольные самураи устроили крупные беспорядки. Общая ситуация, как отметил Кидо в своем дневнике, была «просто плачевной», и 11/1870 Кидо и Окубо решили вернуться в свои княжества, чтобы собственноручно решить назревшие проблемы.

Таким образом, миссия Окубо состояла в том, чтобы заручиться поддержкой Сайго для создания сильного центрального правительства, и с этой целью он ежедневно встречался с ним с 19/12/1870 по 22/12/1870. Окубо сначала беспокоился о том, сумеет ли он получить поддержку Сайго, но 22/12 он с облегчением отметил, что они пришли к «полному согласию». В этом

заявлении содержится явное преувеличение. На самом деле Окубо и Сайго имели диаметрально противоположные взгляды на будущее Японии. Если Окубо был преисполнен решимости создать современную централизованную бюрократию, то Сайго ставил под сомнение саму потребность в навязчивом управлении. Оппозиция Сайго центральной бюрократии основывалась на конфуцианском понимании власти: властители должны управлять путем предоставления общих рецептов и личного морального примера, а не за счет повсеместного регламентирования. Но Сайго и Окубо согласились в том, что существует настоятельная потребность в создании национальной армии, независимой от какого-либо княжества. Сайго пообещал прибыть в Токио, чтобы помочь превратить императорскую гвардию в национальную армию.

Сайго взялся за этот проект с большой энергией. Из Кагосима он отправился в Тёсю, где встретился с Кидо, а затем в Тоса, где у него состоялась встреча с Ямаути Ёдо и Итагаки. 2/2/1871 Сайго прибыл в Токио для проведения новых встреч, а 8/2 он и представители Тёсю и Тоса достигли соглашения о создании новой национальной армии. Неделей позже Сайго вернулся в Кагосима, чтобы забрать войска из Сацума. 21/4 он возвратился в Токио с двумя батальонами солдат, возглавляемых даймё Симадзу Тадаёси, — вкладом Сацума в императорскую гвардию.

Реорганизация императорской гвардии успокоила тревожную обстановку в столице. Газета *New York Times*, двумя месяцами ранее предупреждавшая о гражданской войне, теперь описывала новый уровень национально-го единства. «Верность Сацума Микадо, — докладывала

она, — создала ощущение безопасности, которого жители Йеддо давно не испытывали». Сандзё Санэтоми в письме Окубо от 18/2/1871 выразил схожую мысль о том, что правительство теперь имеет надежную основу для проведения дальнейших реформ, а также отметил Сайго за его «исключительные усилия». Сам Сайго испытал большое удовлетворение от своих достижений.

По узкому вопросу преобразования императорской гвардии Сайго находился в полном согласии с остальной олигархией Мэйдзи. Он, Окубо, Кидо, Итагаки, Ивакура и Сандзё Санэтоми — все были согласны с тем, что Японии необходима национальная армия. Однако за этим консенсусом начинались серьезные разногласия по поводу будущего Японии.

Волнения 1870 года убедили Кидо и Окубо в том, что Японии требуется радикальная политическая централизация. Без ликвидации власти даймё императорское правительство не сможет проводить радикальные реформы и адекватно отвечать на угрозы со стороны западного империализма. Токийские власти использовали возвращение владений даймё в 1869 году для консолидации большого количества мелких, фрагментированных княжеств и замены их на префектуры, находящиеся под контролем центрального правительства. Бывшие владения сёгуната также были превращены в префектуры. Но правительство действовало очень осторожно в отношении крупных даймё. Теперь Кидо и Окубо приготовились бросить вызов своим собственным княжествам. Пока княжества Сацума, Тёсю и Тоса не будут упразднены, утверждали они, токийское правительство не сможет чувствовать себя в полной безопасности. Как написал Кидо в своем дневнике 11/6/1871,

«теперь нам предстоит сделать второй шаг, воплотить в реальность возвращение владений и объединить нацию».

Окубо обсудил с Сайго вопрос упразднения княжеств в конце 1870 года, но Сайго с ним не согласился. Однако, как только Сайго вернулся в Токио 4/1871, Кидо и Окубо начали прилагать большие совместные усилия, чтобы добиться от него поддержки. Ввиду большого авторитета Сайго среди самураев Сацума его согласие имело решающее значение. Если Сайго поддержит план замены княжеств префектурами (*хайхан тикэн*), то тогда даже несогласные с ним самураи почувствуют себя обязанными проявить сдержанность. Кроме того, Сайго был командующим императорской гвардией, которая могла понадобиться для усмирения недовольных даймё. Кидо поначалу был разочарован уклончивостью Сайго и записал в своем дневнике, что Сайго избегает обсуждения «важнейших вопросов, связанных с заложением фундаментальных основ государства». Однако 27/6/1871 Кидо и Сайго проговорили несколько часов, и «в конце нашей беседы я [Кидо] почувствовал, что он достаточно неожиданно принял мою точку зрения. Бескорыстие Сайго тронуло мое сердце, и я высоко ценю его за это». «Этот человек, — продолжил Кидо, — наполнен искренностью», и, «радуясь за страну, я был готов прыгать от счастья».

После того как Сайго согласился с упразднением княжеств, его главная цель состояла в том, чтобы действовать быстро и решительно. Чтобы ускорить переговоры, он высказался за ограничение дебатов, то есть за то, чтобы в них принимали участие по одному представителю от Сацума, Тоса и Тёсю. Другие олигархи согласи-

лись с ним, лишь немного модифицировав его план. 25/6/1871 все семь действующих императорских советников (*санги*), включая Окубо, подали в отставку и были заменены двумя людьми — Кидо и Сайго. 14/7/1871 к ним было добавлено еще два советника — Итагаки из Тоса и Окума Сигэнобу, самурай из Сага. Эта структура, с одним советником из каждого главного княжества, продержалась вплоть до начала 1873 года. Хотя Окубо отошел в сторону, чтобы освободить путь для Сайго, он почти сразу же был назначен главой финансового министерства и остался в центре политической власти. Окубо сменил Датэ Мунэнари, даймё Увадзима, и это был первый шаг в длительном процессе политической реформы — замены даймё и придворных аристократов («знатных болванов», как их называл Сатоу) энергичными и способными администраторами. Общая правительственная реорганизация 1871 года сконцентрировала всю политическую власть в руках нескольких самураев из четырех северо-западных княжеств.

12/7 Сайго, Кидо и Окубо тайно встретились, чтобы обсудить детали упразднения класса даймё. Только после того, как между ними было достигнуто соглашение, они сообщили о своем плане Итагаки, Окума, а в их лице и всему императорскому двору. С самими даймё никто не посоветовался, и до самого последнего момента они ни о чем не подозревали. 14/7/1871, в 10:00, Симадзу Тадаёси, Мори Мотонори из Тёсю, Набэсима Наохиро из Сага и Итагаки Тайсукэ, представлявший Яманути Ёдо, были вызваны на аудиенцию к императору и проинформированы о том, что их княжества упразднены. Через четыре часа император появился перед ассамблеей из пятидесяти шести бывших даймё, а ныне

губернаторов княжеств, и объявил им о том, что для защиты японского народа и достижения паритета с ведущими мировыми государствами княжества ликвидируются. Наследственное правление княжествами, объявил император, мешало проведению реформ, и теперь императорская воля заключается в том, чтобы «покончить с угрозой неисполнения правительственных приказов». Ошеломленные слушатели поначалу не осознали полностью, что их, по сути, лишили всякой власти.

На протяжении последующих месяцев центральное правительство систематически перечеркивало местные границы и назначало губернаторов префектур вместо бывших даймё. Эти губернаторы были представителями токийского правительства, и, не являясь потомками местных феодальных правителей, они могли эффективно внедрять общенациональные стандарты в налоговую систему, гражданскую администрацию, закон и образование. Примечательно, что класс даймё поддался почти без всякого сопротивления. Многие даймё, особенно из маленьких княжеств, были испуганы превращением своих владений в современные государства, и поэтому они с облегчением приветствовали упразднение княжеств. Некоторые даймё, такие, как Уэсуги Мотинори из Ёнэдзав, считали, что реформы нарушают многовековую японскую традицию, но при этом не хотели противостоять императорскому правительству и его войскам. Другие искренне признавали потребность в радикальной централизующей реформе. Например, Мофи Мотонори из Мито открыто поддержал упразднение княжеств и даже выступил за более радикальные изменения в наследственных привилегиях. Наконец, на позицию многих даймё повлияли щедрые финансовые

условия, предложенные центральным правительством. Бывшие губернаторы княжеств получали пожизненное содержание, равное 10 процентам дохода от налоговых сборов в их княжествах, и им также гарантировался элитный статус во вновь созданной общенациональной табели о рангах. Единственным открытым противником *хайхан тикэн* был Симадзу Хисамицу. Убежденный в том, что упразднение княжеств — это не что иное, как измена, Хисамицу переходил от зловещего молчания к гневным тирадам в адрес Сайго и Окубо. Хисамицу потерял большую часть своей власти и не мог противостоять центральному правительству, но ее осталось вполне достаточно для того, чтобы мучить Сайго.

Сайго был рад спокойному, безболезненному переходу и понимал, что без его поддержки реформа *хайхан тикэн* превратилась бы в долгий и насильственный процесс. Но он испытывал двойственные чувства по поводу упразднения класса даймё. *Хайхан тикэн* поставила Сайго перед болезненным конфликтом лояльности. Сайго согласился с аргументами Кидо и Окубо, говоривших о том, что упразднение класса даймё является необходимым шагом для создания надежного фундамента японского государства, но тем не менее ему казалось, что он предал дом Симадзу. Кидо чувствовал, какое сильное внутреннее напряжение испытывает Сайго, и он аплодировал его готовности поставить благо Японии выше своих личных желаний. Но даже Кидо не осознавал всю глубину страданий Сайго. В письме Кацура, который стал его ближайшим доверенным лицом, Сайго ясно изложил суть своего внутреннего конфликта. «Если четыре княжества, которые возглавили государство и вернули владения даймё, не сумеют довести

реформы до конца, — написал он 20/7/1871, — то кроме того, что нас подвергнут всеобщему осмеянию, наша неудача будет приравнена к намеренному обману императорского двора». Это серьезно ослабит международную репутацию императорского правительства и подорвет национальную безопасность. Таким образом, Сайго поддерживал *хайхан тикэн*, но делал это с тяжелым сердцем:

«Когда император отдал свой приказ, чувства, которые я испытал, было трудно перенести, поскольку я, как и все мы, долгие годы наслаждался щедротами дома Симадзу. Но таков общий курс развития государства, и, что бы я ни сказал, мне не удастся противостоять ему долгое время: мне кажется, это движение не сможет остановить ни один человек».

Сайго поддержал упразднение княжеств только потому, что он считал себя обязанным это сделать; ему казалось, что предать своего господина не так ужасно, как подорвать престиж императорского дома. Это было мучительное логическое обоснование поддержки создания современного централизованного государства. То, что Сайго считал государство Мэйдзи всего лишь наименьшим из двух зол, было для него зловещим знаком.

Хотя Сайго с самого начала испытывал двойственное отношение к государству, которое он помогал создать, ему удавалось скрывать свой внутренний разлад. Сайго, как отметил Окубо, хорошо умел прятать свои эмоции за стоической внешностью, и теперь он прилагал все усилия для того, чтобы скрыть от окружающих свое внутреннее смятение. Всего лишь через несколько дней после объявления *хайхан тикэн* Сайго нанес визит Джозеф Хебнер, отставной австрийский дипломат,

совершавший увеселительную поездку по Японии. Хебнер позднее опубликовал свои воспоминания об этой поездке, и его описание Сайго весьма красноречиво. Хебнер ясно понимал, какое значение имеет Сайго для государства Мэйдзи, и он пояснил, что «было необходимо заручиться поддержкой Сайго, прежде чем пытаться проводить какие-либо реформы». Он также высоко оценил манеры и характер Сайго: «Сайго сложен, как Геракл. В его глазах светится ум, а черты лица исполнены энергией. У него внешность военного, а своими манерами он напоминает сельского помещика». Но Хебнер не почувствовал в нем ни внутреннего напряжения, ни дискомфорта, ни страданий и написал только о недостатке энтузиазма у Сайго: «Говорят, что ему до смерти наскучил двор и он мечтает поскорее вернуться в провинцию». Эта рассеянность, которую Хебнер описал как скуку, была внешним проявлением глубокого внутреннего конфликта, который испытывал Сайго.

Временное правительство

Успех *хайхан тикэн* заложил фундамент современного японского государства. Какие бы проблемы ни лежали впереди, олигархи Мэйдзи больше не боялись, что непокорные даймё свергнут власть центрального правительства. Это новое чувство внутренней безопасности позволило олигархам обратить свое внимание на давно назревшие проблемы во внешних отношениях. Унизительно неравноправные договоры подорвали легитимность сёгуната, и лидеры Мэйдзи хотели поскорее начать процесс их пересмотра. Ивакура давно выступал за отправку на Запад дипломатической миссии, но откла-

дывал эти планы из-за внутренних проблем. Окубо и Иноуэ Каору, быстро набравшие авторитет в министерстве финансов, были особенно заинтересованы в пересмотре договоров ввиду настоятельной потребности в реформе тарифов. Кидо изначально не испытывал особого интереса к дипломатической миссии, но его заинтриговала идея общеобразовательного тура по Европе и Америке. Несмотря на эти несколько расходящиеся программы, существовал общий консенсус по поводу того, что посольство высокого ранга должно посетить главные западные державы. Самые большие трудности возникли с определением членства, и потребовалось несколько месяцев на то, чтобы разобраться с тем, кто покинет страну, кто останется и какими правами будут обладать делегаты.

К 9/1871 олигархи согласились с тем, что Ивакура должен возглавить миссию, как полномочный посол. Его будут сопровождать четыре вице-посла, в том числе Кидо, Окубо и Ито Хиробуми, бывший самурай из Тёсю, который посетил Англию в 1863 году. Посольство также включало огромный штат помощников, более сорока человек, которым было поручено изучать западные институты.

Отбытие такого большого количества ключевых чиновников создавало угрожающую перспективу административного хаоса, поэтому посольство и временное правительство договорились ограничить свои действия. Посольство отправлялось на Запад, чтобы изучить и оценить западные институты «с целью их последующей адаптации и внедрения в Японии». Оно также было уполномочено вести предварительные консультации о пересмотре договоров, но без права заключать новые

договоры. Как заметил американский посол Чарльз Де Лонг, «судя по всему, это было посольство, которому не дали права что-либо решать, но посоветовали консультироваться обо всем». Временное правительство, со своей стороны, согласилось не делать новых назначений на высокие государственные посты и регулярно информировать посольство о внутренних делах страны. Поскольку миссия посольства частично заключалась в исследовании возможностей адаптации западных институтов, временное правительство согласилось по возможности воздерживаться от проведения серьезных внутренних реформ до возвращения посольства. 12/11/1871 Сайго, Кидо, Ивакура и Сандзё подписали по этому поводу формальное соглашение, и 12/11/1871 посольство отправилось из Йокохама в Сан-Франциско.

Сайго поначалу категорически возражал против отправки посольства и в дальнейшем сохранил свое скептическое отношение к этому проекту. Ему казалось странным, что временное правительство попросило отложить проведение внутренних реформ, хотя, как всем было ясно, для пересмотра договоров требовалось сделать именно это. В письме Кацура Сайго конкретно изложил свои мысли о том, что иностранцам необходимо предоставить право свободного проживания в Японии, а также разрешить заключение браков между иностранцами и японцами. Миссия Ивакура исследует западные модели для проведения этих реформ, но Сайго пообещал ничего не делать до ее возвращения. Сайго считал это ненужным промедлением и называл себя «страдающий опекун». Младшие члены временного правительства были еще больше, чем Сайго, убеждены в том, что реформы не могут подождать, и активно выступали за ра-

дикальные изменения. Таким образом, Сайго и Сандзё оказались в положении председателей правительства радикальных реформистов.

Министр юстиции Это Синпэй выдвинул один из самых амбициозных и прогрессивных проектов проведения реформ. Он долго изучал европейские законы и был убежден в том, что благосостояние западных наций является следствием более совершенной правовой системы. В Японии, утверждал он, запутанность и несправедливость закона означала, что любая ссуда или продажа могла привести к длительной судебной тяжбе, и это мешало развитию как сельского хозяйства, так и индустрии. Напротив, на Западе законы являются строгими и ясными, благодаря чему люди имеют возможность полностью посвящать себя бизнесу и, обогащаясь, делать богатыми свои страны. Таким образом, Это предложил ввести новый гражданский кодекс и систему судов, которые позволят японским подданным чувствовать себя более защищенными в своих правах. Это, утверждал он, является ключевым условием национального процветания. Такое же смелое предложение пришло от министра образования Оки Такато, протеже Это. Оки призвал немедленно сделать все необходимое для создания новой государственной школьной системы, которая позволит каждому японскому ребенку получить начальное образование.

Никто не оспаривал потребность в проведении судебной и образовательной реформ, но эти проекты были необычайно амбициозными и устрашающе дорогими. Стоимость реформ вызвала оппозицию со стороны Иноуэ Каору, лидирующей фигуры в министерстве финансов, который пытался решить трудную задачу со-

ставления государственного бюджета. Упразднение княжеств привело к тому, что бремя выплаты ежегодного содержания самураям легло на плечи центрального правительства, но государство Мэйдзи до сих пор не имело современной налоговой системы. Это означало, что в центральной казне была огромная дыра, и Иноуэ не думал, что Япония сумеет найти достаточно средств для немедленного создания национальной судебной системы или пяти тысяч начальных школ, предложенных Оки. На самом деле цель Иноуэ была не менее радикальной, чем у Это: он хотел, чтобы правительство создало бюджетный избыток и сделало иену свободно конвертируемой валютой. В конце 1872 года Иноуэ предложил сократить расходы на образование с к (иен) 2 миллионов (около \$2 миллионов) до к(йен) 1 миллиона, а расходы на судебные нужды с... 960 000 до кҮ (иен) 450 000. Это вызвало предсказуемо гневную реакцию со стороны Это, который пригрозил уйти в отставку. Когда Сайго и Сандзё попытались успокоить Это, пообещав ему пересмотреть бюджет, то в отставку уже пригрозил уйти Иноуэ.

Эта внутренняя борьба была осложнена военной реформой. Военные готовились к тому, чтобы начать призывать на службу простолюдинов и заменить самураев современной национальной армией. Ввиду высокой стоимости призыва и военной модернизации армия получила в 1873 году солидный бюджет в к (иен) 8 миллионов, но эта немалая сумма почти полностью исчезла в результате беззастенчивой коррупции. Например, в 1872 году Ямасироя Васукэ, бывший самурай Тёсю, одолжил из военного бюджета... 150 000, чтобы открыть текстильную фабрику. Когда его предприятие

потерпело крах, он одолжил еще денег и довел общую сумму долга до к (иен) 600 000, после чего сбежал в Европу. Похожий скандал разразился на следующий год, когда Митани Санкуро, еще один коммерсант из Тёсю, растратил около к (иен) 350 000. Эти скандалы указали на существование серьезных проблем в военной администрации и подорвали авторитет командующего армией Ямагата Аритомо. К 1873 году он утратил контроль над императорской гвардией, когда бывшие самураи из Тёсю поставили под сомнение его честность и способность командовать войсками.

Кроме этой борьбы внутри временного правительства, постепенно усиливалось напряжение между правительством и миссией Ивакура. Иноуэ, по-прежнему преисполненный решимости сократить расходные статьи бюджета, предложил заменить жалование самураев правительственными займами. Содержание самураев поглощало около половины государственного бюджета, и Иноуэ надеялся полностью прекратить эти выплаты в течение ближайших шести лет. Сайго, несмотря на свою сентиментальную привязанность к традициям, признал разумность плана Иноуэ и поддержал его программу в письме к Окубо. Но план Иноуэ вызвал ожесточенное сопротивление со стороны миссии Ивакура. Ивакура заявил, что этот план «слишком жесток», а Кидо пожаловался на то, что от самураев требуют слишком больших жертв. Их оппозиция была основана больше на власти, чем на принципе. Сайго и Кидо обсуждали необходимость отмены содержания самураев, и на самом деле члены миссии Ивакура после своего возвращения взяли предложение Иноуэ за основание для соотвествующей реформы. Но члены миссии не хотели

обсуждать детали реформы на полпути своего кругосветного путешествия.

Сайго делал все, что мог, чтобы сгладить эти противоречия, но по своему характеру он не был искусным администратором. Главными достоинствами Сайго, как политика, были его честность и харизма, а не способность находить бюрократический консенсус или перечерчивать четкие административные границы. В глубине души Сайго был против повсеместного бюрократического планирования. В свете его понимания конфуцианства, главная задача правительственной элиты состояла в том, чтобы предоставить общее моральное руководство, а не вводить мелочное правовое регулирование. По мнению Сайго, детальные правила коммерции, образования и закона — это те вещи, которые следует оставить на усмотрение функционеров нижнего ранга или самого населения. Как он написал в 1870 году, государству необходимо установить законы, но еще более важно культивировать добродетель, с тем чтобы люди в своих поступках руководствовались «преданностью, сыновней почтительностью, гуманностью и любовью». В таком случае отпадет всякая необходимость в подробном правовом кодексе. Таким образом, большую часть 1872 и 1873 годов Сайго председательствовал над тем, что он сам считал маловажными дискуссиями.

Отчужденность Сайго приводила в отчаяние его коллег по временному правительству. Например, Окума Сингэнобу описал в своих мемуарах, как недостаток интереса Сайго к политике подрывал работу правительства:

«Когда наступал перерыв на обед, Сайго и Итагаки спешили удалиться в приемную. После этого они проводили время, ведя несущественные разговоры, и почти никогда не возвращались в кабинет, где проходило совещание. В редких случаях, когда за ними посылали, их все-таки удавалось вернуть. Все их разговоры неизбежно заканчивались обсуждением известных сражений, о чем они оба могли говорить часами, борьбы сумо или же охоты и рыбалки».

Окума, вполне обоснованно, считал позицию Сайго глубоко безответственной.

Ограниченные способности Сайго в деле управления временным правительством были еще больше ослаблены непрерывными тирадами Симадзу Хисамицу. Несмотря на многократные приглашения прибыть в Токио и занять символический пост в новом правительстве, Хисамицу отказывался и оставался в Сацума, где он продолжал критиковать правительство и сеять недовольство среди местных самураев. В конце 1873 года, раздраженный упразднением княжеств, Хисамицу начал требовать, чтобы его назначили губернатором префектуры. Сайго был потрясен и испуган требованиями Хисамицу. Назначение Хисамицу в качестве губернатора Кагосима, заметил он, подорвет основу *хайхан тикен* и вызовет серьезные потрясения в стране. Сайго не хотел открыто противостоять своему господину, но он боялся, что требование Хисамицу создаст угрозу государству Мэйдзи, поэтому он тайно сотрудничал с Кацура Хисатакэ и Сандзё, чтобы блокировать требование Хисамицу. Сайго все это очень не нравилось, поскольку он подозревал, что план Хисамицу — это всего лишь предлог отложить свой официальный визит в Токио.

Сайго считал, что Хисамицу не воспринимает серьезно приказы императора. Хотя Хисамицу в конечном итоге отказался от своего плана стать губернатором, он продолжал выступать против политики центрального правительства. Возражения Хисамицу варьировались от серьезных до мелочных. Он был возмущен тем, что новое правительство лишило класс даймё власти и упразднило традиционные разграничения между самураями и простолюдинами. Но он также протестовал против принятия западной одежды, не позволяющей четко отличать благородных людей от низкорожденных; против образования женщин, что он рассматривал как нарушение ортодоксальных правил; и против браков между простолюдинами и членами самурайского сословия, которые он считал скандальными.

Выпады Хисамицу углубили внутренний конфликт Сайго между его обязательствами перед императором и долгом перед Симадзу. Его положение усугублялось тем обстоятельством, что он начал почитать императора Мэйдзи с той же страстью, которую когда-то берег для Нариакира. Император, писал он в письме своему дяде от 11/12/1871, был энергичным, умным, прилежным и доступным. Сайго испытывал благоговейный трепет от того, что император три раза в месяц приглашал его с ним отобедать и обсудить политические вопросы. «Его величество полностью отказался от высокомерных и властных манер [прошлого], благодаря чему господин и вассал теперь имеют возможность наслаждаться близкими, личными отношениями». Разумеется, Сайго изначально был готов к тому, чтобы восхвалять нового японского монарха, но даже западные наблюдатели достаточно благосклонно отзывались о Муцухито.

Уильям Уиллис, британский хирург, который встречался с императором в 1872 году, отметил, что это «несколько холодный», но «вполне здравомыслящий человек». Однако для Сайго спокойствие и учтивость императора имели первостепенное значение, и он перенес на свои отношения с императором Мэйдзи идеализированную модель взаимоотношений между господином и императором, которую он описывал Кацура в 1869 году.

Внутренний конфликт Сайго усилился 6/1872, в ходе поездки императора по юго-западу страны. Сайго был членом большой свиты, и при других обстоятельствах визит императора в Кагосима мог бы стать звездным часом в его карьере. Вместо этого Сайго мучился из-за растущего напряжения между Хисамицу и императорским государством. 19/6/1872, за три дня до той даты, на которую был назначен визит императора в Кагосима, Сайго сломался. Отбытие императора из Кумамото было отложено из-за ошибки в расписании, и Сайго, стоя в императорской гостиной, публично отчитал будущего адмирала Кавамура Сумиёси за его некомпетентность. После этого Сайго перенес свой гнев на арбуз, который был выброшен в сад и разбит вдребезги. Император при этом находился поблизости, и, согласно легенде, его забрызгало соком арбуза, но это его не обидело, а скорее даже позабавило. Данный инцидент, момент проявления искренней лояльности, нарушивший размеренное течение замкнутой жизни императора, стал одной из самых любимых его историй.

Прибытие императорской процессии в Кагосима внешне прошло абсолютно гладко. 22/6 императора приветствовал пушечный салют и военный парад, после

чего у него состоялась ничем не примечательная встреча с Хисамицу. На протяжении последующих десяти дней император посетил целый ряд местных достопримечательностей, среди которых были деревня, изготавливающая традиционную керамику, текстильная фабрика и медицинский колледж, которым руководил британский хирург Уильям Уиллис. Единственную проблему, судя по всему, создали капризы погоды, которая внесла некоторые изменения в протокол и задержала отбытие посольства. Но тем не менее 2/7/1872 император отбыл в Токио без всяких происшествий. Однако, в тайне от Сайго, 28/6 Хисамицу встретился с императорским придворным Токудайдзи Санэнори и передал ему свой меморандум, наполненный горькими обвинениями. Политика правительства, заявлял Хисамицу, своей «вызывающей бесцеремонностью» унижала императорское государство. Если ее оставить без изменений, то эта политика приведет к тому, что Япония станет колонией «варварских наций». Чтобы остановить эту катастрофу, Хисамицу советовал вернуться к традициям. Различия между людьми высокого и низкого происхождения необходимо сохранять, одежда должна быть строго регламентированной, а образовательные стандарты следует вернуть к традиционным.

Меморандум Хисамицу представлял собой общую атаку на государство Мэйдзи, и, по сути, он призывал к отказу от «Присяги на хартии» от 3/1863. Особой статьей Хисамицу выделил свою обиду на Сайго и Окубо. Он потребовал их отставки из правительства Мэйдзи и заявил, что не появится в Токио до тех пор, пока его требования не будут выполнены. Поскольку Окубо в тот

момент готовился покинуть Бостон, чтобы отплыть в Англию, главной мишенью Хисамицу стал Сайго.

Когда, по возвращении в Токио, Сайго узнал о демарше Хисамицу, он был потрясен действиями своего господина. «Заслуживает крайнего сожаления», написал он в письме Окубо от 12/8/1872, что недовольство Хисамицу стало достоянием общественности. И хотя Сайго не сомневался в том, что императорский двор проигнорирует требования Хисамицу, он тем не менее не знал, как ему справиться с этой проблемой. Он признался Окубо в том, что чувствует себе утомленным выпадками Хисамицу. К началу 11/1872 Сайго решил вернуться в Кагосима, чтобы успокоить Хисамицу, и по прибытии направил ему формальное извинение за то, что не смог найти время попросить у него аудиенции в ходе императорского визита в начале года. Однако Хисамицу был не в настроении позволять себя успокаивать, и он использовал визит Сайго как возможность отчитать его за неповиновение, неверность и стремление к самовозвеличиванию. Сайго был глубоко возмущен абсурдными обвинениями своего господина, но такое же сильное беспокойство у него вызывал политический климат в Сацума. «Настроения в Сацума, — писал он Курода Киётака 1/12/1872, — заметно отличаются от настроений в других частях страны, и ситуация ухудшается с каждым днем». Люди теперь не хотят говорить ни о чем, кроме своих обязательств перед Сацума, и это, предсказывал Сайго, несомненно, приведет к появлению серьезных проблем в будущем. Ввиду неостывающего гнева Хисамицу и этих зловещих политических признаков Сайго решил продлить свое пребывание в Кагосима.

Через месяц после того, как было написано письмо Курода, Сайго отмечал расставание с традиционным японским календарем. 11/1872 правительство издало указ о принятии григорианского календаря, вступающий в действие с 3/12/1872. Эта реформа исключила почти четыре месяца из конца года. Дата 3/12/1872 стала 1 января 1873 года, и традиционный японский Новый год пришелся на 28 января. Несмотря на странное ощущение от «потери» месяца, Сайго был не в настроении критиковать новый календарь. На фоне бесконечных тирад Хисамицу Сайго не хотел громогласно заявлять о своей собственной любви к традициям. Вместо этого он описал сельскую местность как хранилище японских традиций:

С давних пор это был день для встречи Нового года.
 Как солнечный календарь достигнет
 глухих отдаленных деревень?
 Снег говорит о приближении щедрого года,
 и стариков почитают,
 как сокровище каждой семьи.
 Как радостны крики деревенской детворы!

Здесь Сайго выражает осторожный оптимизм, который позволял ему поддерживать такое количество радикальных реформ государства Мэйдзи. Сайго был уверен, что самые важные традиции, такие, как почитание стариков, сохранятся даже при новом календаре.

Кризис 1873 года

Из-за необходимости сдерживать Хисамицу Сайго оставался в Кагосима до весны 1873 года. 12/1872, или в начале января 1873-го по новому стилю, Хисамицу дал

официальное обещание прибыть в Токио, но выполнил его только в марте, после того как Кагосима посетили Кацу Кайсю и высокопоставленный придворный Нисиёцуудзи. Они привезли с собой подарки и специальное приглашение от императора. Благодаря их визиту Сайго получил возможность вернуться в столицу, но из-за своего затянувшегося пребывания в Кагосима он оказался под огромным давлением в Токио. Власть Сайго основывалась главным образом на его статусе высокопоставленного чиновника в правительстве Мэйдзи, но он по своей природе не был сильным политиком. После отъезда Сайго Сандзё пришлось в одиночестве справляться с целой серией затянувшихся кризисов. Сандзё описал свои проблемы в письме Ивакура 6 января 1873 года. Его сильно тревожил Симадзу Хисамицу, который продолжал выступать против политики центрального правительства. Он был глубоко обеспокоен продолжающейся борьбой из-за бюджета, которая теперь превратилась в общий правительственный кризис. Вместо того чтобы уступить требованиям Это, Иноуэ отказался составить бюджет и прекратил свою работу в министерстве финансов. Сандзё надеялся на то, что Окума поможет ему выйти из тупика, но одному ему было не по силам преодолеть этот кризис. Кроме того, Сандзё столкнулся с двумя сложными внешнеполитическими проблемами, источниками которых стали Тайвань и Корея.

Тайваньский кризис был вызван крушением у берегов Тайваня корабля с несколькими чиновниками из Рюкю в 1871 году. Чиновники были убиты тайваньскими аборигенами, и японские экспансионисты ухвати-

лись за этот инцидент как за предлог для захвата Тайваня. Если правительство Цин не может держать под контролем горячие головы на Тайване, этом острове, то у него нет прав претендовать на владение островом. Эта опасная ситуация осложнялась тем, что Токио лишь недавно открыто объявил о своем контроле над Рюкю, и Китай не признал претензий Японии. Токийское правительство, объяснял Сандзё Ивакура, планирует направить в Китай для ведения переговоров министра иностранных дел Соэдзима Танэоми, но вооруженный конфликт между Китаем и Японией казался неизбежным.

Корейский кризис был таким же запутанным, но Сандзё считал его менее взрывоопасным. Корейская династия Ли, строго придерживаясь китайского дипломатического протокола, отказалась признать императора Мэйдзи, поскольку корейский король признавал только одного императора — китайского суверена. Вместо этого корейский двор настаивал на сохранении дипломатического протокола конца эпохи Токугава, когда сёгунат общался с корейским двором через представителей японского княжества Цусима. Отказ Кореи признать императорское правительство был расценен как серьезное оскорбление и вызвал разговоры о военном ответе. Поддержка военной экспедиции была особенно сильной среди самураев и в пределах бывшего княжества Сацума.

Сандзё, в последних строках своего письма Окубо, признается в том, что он чувствует себя совершенно измотанным и просит Ивакура вернуться в Японию как можно быстрее. 19 января 1873 года правительство издало по этому поводу приказ, предписывающий миссии

вернуться. Однако кризис Сандзё не был национальным кризисом, и приказ был отправлен письмом, а не по телеграфу, которое нашло миссию в Берлине двумя месяцами позже. Но к этому времени миссия уже была разделена, как и временное правительство. Проблемы начались вскоре после прибытия миссии в Вашингтон, когда Ито Хиробуми и Мори Аринори, японский консул в Вашингтоне, убедили Окубо в том, что пришло время для пересмотра договоров. Не желая упускать такую возможность, Окубо вернулся в Токио, чтобы получить дипломатическое полномочие. Однако временное правительство настояло на сохранении первоначального соглашения, по которому миссия могла вести только предварительные переговоры. 6/1872 Окубо вернулся в Вашингтон с пустыми руками, заставив Кидо испытать гнев и разочарование. Было ошибкой, написал он в своем дневнике, пытаться изменить цель миссии и пересмотреть договоры, находясь в Вашингтоне. Соединенные Штаты, осознал он теперь, не были готовы идти на уступку в каком-либо важном вопросе, и, подняв уровень переговоров, посольство только унизило Японию. «Я бесконечно сожалею, — написал он 17/6/1872, — о том, что, прибыв сюда в спешке, мы довели ситуацию до такого состояния». Все наши усилия, горевал он, «оказались напрасными».

Разочарованные, раздраженные и сердитые друг на друга, члены миссии не могли прийти к согласию о том, как им интерпретировать приказ токийского правительства. После нескольких дней дебатов члены миссии пришли к тому, что им нужно вернуться раздельно. Окубо решил выехать немедленно и прибыл в Японию 26 мая. Кидо продолжил миссию, посетив Россию, Ита-

лию, Австрию и Швейцарию, прежде чем направиться домой, и вернулся в Токио 23 июля. Ивакура появился в Японии только 13 сентября, после увеселительного круиза, который включал остановки в Шри-Ланке, Сайгоне, Гонконге и Шанхае.

Вернувшись в Токио, Окубо обнаружил, что он потерял контроль над правительством, которое помогал создавать. Борьба между Это и Иноуэ закончилась, но Это одержал победу в последнем раунде. 19 апреля Это, Оки и Гото Сёдзиро были назначены императорскими советниками (*санги*), и 2 мая Это предпринял шаги для укрепления власти императорского совета. Совет теперь получил контроль над ассигнованием бюджетных средств, монетным двором, внешними и внутренними займами. После того как его министерство было, по сути, лишено всякой власти, Иноуэ 7 мая ушел в отставку. Столкновение Это и Иноуэ стало первым политическим кризисом современной Японии. Иноуэ дал выход своему отчаянию, опубликовав цифры бюджетного дефицита в японской прессе. После этого правительство опубликовало собственные цифры и наказало Иноуэ штрафом за разглашение государственных секретов. В отличие от тайных дискуссий в администрации режима Токугава, лидеры правительства Мэйдзи начали вести борьбу за общественную поддержку.

Для Окубо эти события стали сокрушительным поражением. В 1872 году он ушел с поста императорского советника, но при этом сохранил номинальное руководство министерством финансов. Однако теперь это министерство утратило контроль над бюджетом, так что Окубо, по сути, оказался без власти. Назначение новых императорских советников и изменения полномочий

императорского совета были явным нарушением соглашения, заключенного между миссией Ивакура и временным правительством. Но у Окубо не было особых причин жаловаться, поскольку он сам попросил расторгнуть соглашение, чтобы заняться пересмотром договоров в Вашингтоне. Окубо пришел в смятение, но недостаток власти не позволял ему бросить вызов своим соперникам, и поэтому, вместо того чтобы начинать битву, в которой невозможно победить, он отправился отдыхать на горячие источники и совершил восхождение на Фудзияма.

Сайго, судя по всему, не понимал полностью последствий этих изменений в центральном правительстве. В его письмах за этот период не упоминается отставка Иноуэ или назначение новых советников. Это совпадает с воспоминаниями Сибусава Эити, главного сторонника Иноуэ, о том, что Сайго был «влиятельной политической фигурой, но он не испытывал никакого интереса к финансам». Главной заботой Сайго в апреле и мае оставался Хисамицу. Глава дома Симадзу, наконец, прибыл в Токио 23 апреля, во главе свиты из 250 слуг. Члены его свиты были вооружены мечами вместо огнестрельного оружия, а их головы украшала традиционная самурайская прическа *тёнмагэ* (волосы выбриты спереди и собраны в пучок на макушке) вместо прически в западном стиле, которую пропагандировало правительство с 1872 года. Публичная демонстрация Хисамицу своей приверженности традициям выглядела несколько абсурдно, и газета «Синбун дзасси» сообщила о том, что его слуги «были страшно горды своими мечами». Но Сайго беспокоила значительно более серьезная

проблема. В письме своему брату Цугумити от 20 апреля он предупреждает о том, что «его светлость не думает о тех, кто ниже его, и боится только армии». В письме Кацура от 17 мая Сайго еще больше встревожен. Он рассказывает о том, что в столице ходят слухи о возможных атаках против правительства и покушениях на его жизнь. Страхи Сайго оказались напрасными, и визит Хисамицу не привел к вспышкам насилия. Он был осыпан подарками от императорского дома и в конечном итоге принял предложение занять символический пост в центральном правительстве. С этой точки зрения визит был большим успехом. Однако, по сути, Хисамицу использовал свой визит в Токио для того, чтобы излить новую серию обвинительных тирад против Сайго и общего курса правительственных реформ. Но Сайго уже надоели оскорбительные выпады Хисамицу, и он втайне высмеивал «детские капризы» своего господина. Чувства Сайго вполне понятны, поскольку для него это была мучительная ситуация. 7/1869 Сайго все еще надеялся почтить память Нариакера, проявив лояльность к его единокровному брату Хисамицу. Теперь Сайго приходилось сдерживаться, чтобы не проявить открыто презрение к наследнику своего покойного господина.

Презрение Сайго к Хисамицу усилилось его растущим уважением к императору Мэйдзи. В конце апреля Сайго посетил императора в ходе военных учений в Тиба. Император принял участие в учениях и остановился в обычной армейской палатке. Ночью штормовой ветер сорвал палатку и оставил императора под проливным дождем. Сайго поспешил к месту происшествия и с ужасом обнаружил императора насквозь промок-

шим, но собранным и невозмутимым. По обычным стандартам в хладнокровии императора не было ничего примечательного, но для Сайго оно представляло резкий контраст с непрерывными тошнотворными жалобами Хисамицу.

К началу мая напряжение в политике сказалось на здоровье Сайго, и у него началась сильная ангина. Его состояние ухудшилось, и 6 июня император направил Сайго к своему личному врачу, Теодору Хоффману. Хоффман нашел у Сайго артериосклероз и объяснил ему суть проблемы в общедоступных терминах: его кровеносные сосуды сузились из-за отложений *жира*, и это вызывало боли в груди. Хоффман считал, что Сайго лишь едва избежал серьезного сердечного приступа, и прописал ему любопытную комбинацию лечебных средств: регулярные физические упражнения, низкокалорийная диета и — универсальное лекарство девятнадцатого века — сильное слабительное. Чтобы выполнять инструкции Хоффмана, Сайго переехал из своей резиденции в центре Токио, где ему не нравилось прогуливаться, в дом своего брата в Сибуя — теперь оживленный торговый район, а тогда, словами Сайго, «настоящая глушь». Оказавшись за городом, Сайго стал наслаждаться ежедневными прогулками по лесу, охотой на зайцев и вскоре почувствовал себя настолько окрепшим, что спросил у Хоффмана, не стоит ли ему возобновить занятия фехтованием или сумо, чтобы поддерживать физическую активность в дождливые дни. Хоффман вежливо попросил Сайго временно ограничить себя менее энергичными упражнениями.

Удивительно быстрое выздоровление Сайго было столько же психологическим, сколько и физическим. Хотя ангина возобновилась, как только он вернулся к работе, любовь Сайго к природе, а также давно требовавшийся перерыв от правительственных обязанностей восстановили его дух. Сайго описывал свой отдых в Сибуя как уход от суетного мира. Здесь он чувствовал себя умиротворенным, и ему не хотелось терять душевный покой, снова ввязываясь в политическую борьбу. 29 июня в письме своему дяде Сайго написал о том, что он хочет «оставить мирские пути» и избегать «мутных, бурных вод» ради «чистой воды». Вода для Сайго была глубоко значимой метафорой. В «Гэнсироку», произведении Сато Иссаи, которое Сайго переписывал, «мутная, бурная вода» представляла хаотичную жизнь, запутанную внешними отвлекающими факторами и мелкими амбициями. «Чистая вода», напротив, была метафорой моральной чистоты и способности всегда оставаться самим собой. «Укрощая себя» и соблюдая традиционные приличия, просветленный человек может оставаться самим собой даже среди царящего вокруг хаоса и, образно говоря, очищать мутные воды. Однако Сайго чувствовал, что он не подходит для такой задачи, и вместо того чтобы пить мутную воду, он предпочитал оставить общественную жизнь.

Пока Сайго находился в Сибуя, думая о том, чтобы навсегда уйти из политики, дипломатический кризис в отношениях с Кореей еще больше обострился. Корея сопротивлялась попыткам Японии превратить торговый пост Цусима в Пусане в консульство императорского правительства. Кроме того, Корея разорвала тор-

говые отношения после того, как узнала, что агенты компании Мицуи выдавались за служащих торгового дома Цусима. Местный префект Чон Хён Док приказал своим чиновникам строго придерживаться официального протокола, заявив, что японцы, сменив свою одежду и обычаи, стали «беззаконной нацией». Это было оскорбительное замечание, и хотя в адрес японского персонала торгового поста не прозвучало никаких конкретных угроз, министерство иностранных дел отнеслось к этому выпадку крайне серьезно. В июле 1873 года министерство заявило императорскому совету, что Япония должна либо репатриировать всех своих подданных, либо заставить Корею подписать договор.

Когда императорский совет собрался, чтобы обсудить этот вопрос, многие высказались за то, чтобы отправить в Корею военные корабли. Сандзё был возмущен оскорблением японского национального достоинства, а Итагаки настаивал на том, что для гарантии безопасности японских подданных необходимо отправить войска. Сайго думал по-другому. Будет неправильно, заявил он, использовать силу. Вместо этого Японии следует отправить дипломатическую делегацию, чтобы выяснить истинные намерения Кореи. Сандзё был склонен поддержать эту идею, но он считал, что роль посланника должен исполнить министр иностранных дел Созэдзима, который в то время находился в Пекине. Сайго настоял на том, чтобы ему лично позволили поехать, но встреча закончилась без принятия какого-либо конкретного решения. На протяжении всего последующего месяца Сайго оказывал давление на Сандзё и Итагаки, чтобы они поддержали его назначение специальным

послом в Корею, и 17 августа совет собрался снова, на этот раз чтобы одобрить план Сайго. 19 августа Сайго проинформировал императора о решении совета, но монарх попросил пересмотреть этот вопрос после возвращения миссии Ивакура.

Стремление Сайго отправиться в Корею озадачивало поколения историков, и политический кризис, вызванный его миссией, является одной из самых обсуждаемых тем в японской истории. На протяжении многих лет самое распространенное объяснение состояло в том, что Сайго надеялся спровоцировать в Корее насильственную стычку и своей смертью обеспечить недовольных самураев вдохновляющей идеей. Тем самым он расплатился бы с ними за то, что поддержал отмену самурайских привилегий, и тысячи самураев доказали бы свою ценность, завоевав Корею, а затем, возможно, взяв под контроль и Токио. Этот аргумент связывает миссию Сайго с последующим захватом японскими империалистами Корейского полуострова и изображает его убежденным реакционером.

Некоторые письма Сайго воинственны по содержанию и поддерживают данную интерпретацию его действий. Он несколько раз писал Итагаки о том, что хочет умереть в Корее и спровоцировать войну. 29 июля он сказал Итагаки, что полностью готов к тому, что его убьют в Корее. Создзима, признавал он, был бы лучшим послом, но поскольку миссия заключается в том, чтобы умереть, Сайго считал, что именно он должен выполнить эту задачу. В серии писем, написанных в августе, он выражал свою обеспокоенность тем, что правительство не сумеет использовать его смерть как *casus belli*, а

вместо этого представит ее как следствие его собственной несдержанности. Он призывал Итагаки проявить твердость и позаботиться о том, чтобы его смерть была не напрасной. Сайго знал о том, что у него на родине многие выступают за войну с Кореей, и, судя по всему, рассматривал свою миссию как способ отнять инициативу в этом вопросе у Хисамицу.

Однако в то же время Сайго настаивал на том, что он не собирается провоцировать войну, а всего лишь хочет укрепить японско-корейские отношения. В длинном заявлении правительственному кабинету, сделанном 17 октября, Сайго утверждал, что он никогда не хотел ничего другого, кроме мирных переговоров:

«Я полностью не согласен с идеей отправки войск и хочу сказать, что если мы будем действовать таким путем, то непременно спровоцируем войну, а это явно противоречит нашим первоначальным намерениям. Я убежден, что наиболее правильный курс состоит в том, чтобы отправить посольство в открытой манере и вести переговоры до тех пор, пока корейцы не откроют своих истинных намерений, даже если они отвергнут все наши инициативы, разорвут отношения и объявят войну».

Будет неправильно, утверждал Сайго, если Япония отправит войска, не испробовав сначала все дипломатические средства.

При рассмотрении этого вопроса со всех сторон создается впечатление, что объяснения Сайго либо непоследовательны, либо противоречивы: похоже, он сам не знал, чего он хочет — мира или войны. И все же именно эта нерешительность указывала на истинную

цель Сайго. Задача, которую он поставил перед собой, была скорее моральной, чем стратегической. В представлении Сайго главное, что требовалось сделать, — это определить истинные намерения корейцев и выяснить, хотят ли они оскорбить императорский дом. Сайго был преисполнен решимости защитить императорскую честь, а как именно он будет это делать, зависело от реакции корейцев на его требования. Таким образом, миссия Сайго в Корее была скорее личной, чем политической, и, как он объяснил Сандзё, «если вы согласитесь направить меня, то независимо от того, какое количество оскорблений мне придется выслушать, даже если я удостою их ответом, мой разум останется совершенно спокойным, и поэтому они никак меня не заденут».

Сайго выразил схожие чувства в стихотворении, которое он написал, чтобы отметить свое назначение послом в Корею:

Лютая летняя жара прошла, и осенний воздух ясен и чист
В поисках свежего ветра,

я отправляюсь в столицу Силла [Корея].

Я должен проявить стойкость Су Ву,

не ослабленную монотонной чередой лет.

Может быть, я оставлю после себя имя, такое же великое,
как имя Ян Чженьциня.

То, что я хочу передать своим потомкам,

я расскажу им без слов.

Хотя я уезжаю, я не забуду своих клятв старым друзьям.

Пока яркие осенние листья вянут в этой чужой стране,

Я буду служить высокому трону с острым мечом на боку.

То, что, Сайго упоминает в своем стихотворении Су Ву (около 140—60 г. до н.э.), представляет собой доста-

точно любопытный факт. Су Ву был полупоэтическим чиновником династии Хань, который был направлен с дипломатической миссией к гуннам, кочевому народу Центральной Азии. Гунны взяли Су Ву в заложники и заставляли его перейти на свою сторону, но безуспешно. Пытаясь сломить его волю, гунны подвергали Су Ву самым тяжким испытаниям, и изображения Су Ву, в одиночестве пасущего овец среди бескрайней среднеазиатской степи, стали излюбленной темой в китайской и японской живописи. Стойкий в своей преданности, Су Ву не только отказался присоединиться к гуннам, но и завоевал уважение ханьских чиновников, которые им покорились. В 81 г. до н.э., продержав Су Ву в плену около двадцати лет, гунны смягчились и отправили его домой. Лучшие годы своей жизни Су Ву провел в плену, но, как в старости, так и посмертно, его прославляли за негибавшую преданность принципам. Если Сайго собирался спровоцировать войну в Корее, то образ Су Ву кажется весьма странной метафорой. Напротив, история Су Ву говорит о том, что ненасильственная и негибавшая преданность принципам является признаком по-настоящему цивилизованного человека.

Второе имя, Ян Чженьиня, напоминает об одном из более ранних стихотворений Сайго, посвященных политике. Сайго сравнивал себя с Яном в 1864 году, когда он думал о войне с Тёсю. Сайго тогда не был уверен в том, кем являются лидеры Тёсю, отъявленными изменниками или же просто людьми, сбившимися с истинного пути, и поэтому он предложил отправиться в Тёсю, чтобы добиться от них признания своей вины. Сделав это, он либо спровоцирует войну, предоставив, таким

образом, конкретное доказательство измены Тёсю, либо получит извинения и тем самым гарантирует мир. На самом деле поездка Сайго в Тёсю стала отправной точкой для создания союза Сацума — Тёсю. Но в 1864 году, как и в 1873-м, Сайго не имел четкого плана в отношении своего соперника, а руководствовался лишь твердым намерением поддерживать то, что он воспринимал как честь императорского дома. Это ощущение скорее моральной, чем практической причины еще более усиливается следующей строкой стихотворения, где Сайго пишет о том, что он намерен наставлять своих наследников деяниями, а не словами. Эта строка является ссылкой на Сато Иссаи, который проводил разграничение между ученым человеком (*кэндза*) и просветленным или мудрым человеком (*сэйдзин*). Ученый человек стремится к тому, чтобы понять смерть, и, подчиняясь критическому мышлению, пытается научить своих наследников через *икун*, собрание письменных рецептов. Однако мудрец не пишет *икун*, потому что он делает свои слова и деяния моделями поведения для наследников. Мудрец, продолжал Сато, может умереть спокойно, поскольку он понимает, что жизнь и смерть, как день и ночь, всего лишь части единого целого. Здесь Сайго провозглашает, что его миссия в Корею не является практичной или рациональной: его заявления противоречивы, потому что он не обдумал полностью последствия своих действий. Однако для Сайго это не представляет никакой проблемы, поскольку он пытается подражать мудрому, а не ученому человеку. Его миссия была исключительно моральной. Сайго не беспокоило, будет

он жить или умрет, если только ему удастся отстоять честь императорского дома.

Сайго высказывал схожую позицию в своих более поздних письмах, посвященных Корее. В 1875 году, после того, как он покинул правительство, Япония форсировала развитие отношений с Кореей. 20 сентября японский корабль «Унё» зашел в корейские территориальные воды под предлогом выполнения разведывательной миссии. Японцы успешно спровоцировали огонь со стороны корейских береговых батарей, а затем ответили с сокрушительной силой, уничтожив как береговые батареи, так и форт на острове Йонджон. Японское правительство, теперь возглавляемое Окубо, использовало этот инцидент для того, чтобы отправить в Корею боевые корабли и заставить корейцев начать переговоры. Согласно заключенному вскоре договору, Корея признавала японское императорское правительство, открывала для торговли свои главные порты и обеспечивала экстерриториальность для японских подданных в Корее. По всем практическим стандартам это был подлинный триумф дипломатии канонерок, но Сайго думал по-другому. Тактика, использованная японским флотом, была нарушением «небесных принципов». Нет ничего плохого, утверждал он, в том, если Япония и Корея начнут войну, но боевые действия должны основываться на явном и серьезном конфликте принципов. Спровоцировав Корею таким «вероломным способом», японское правительство не сумело сохранить верность принципам и продемонстрировало только то, что оно «презирает слабого».

Борьба между Сайго и Окубо на этом уровне представляла собой конфликт между двумя диаметрально

противоположными пониманиями политики. Окубо был человеком целиком и полностью прагматичным, и он понимал правительство как арену для осторожного расчета. В ходе его путешествия по миру наиболее сильное впечатление на Окубо произвел Бисмарк. Как он написал Сайго в марте 1873 года, казалось, нет ничего такого, что превышало бы способности Бисмарка. Окубо давно представлял рациональное течение в японской политике, и его взгляды окончательно выкристаллизовались после путешествия по Европе. В своей октябрьской статье, посвященной корейскому кризису, Окубо открыто признавал, что действия Кореи являются оскорбительными, но в то же время он настаивал на том, чтобы императорский совет рассмотрел этот вопрос хладнокровно и рационально. Если политика нам невыгодна, то от нее следует отказаться, «даже если это повлечет за собой стыд и даже если мы должны пережить этот стыд». Применяя эту логику к Корее, Окубо приходит к выводу, что, хотя корейцы и в самом деле запятнали японскую честь, совет еще не решил, будет ли война соответствовать интересам государства. По мнению Окубо, война станет для Японии катастрофой. Она раздует и без того огромный бюджетный дефицит, подорвет проведение внутренних реформ, нанесет ущерб экономике, отсрочит пересмотр договоров с Англией и Францией. Геополитически Япония не могла себе позволить войну с Кореей ввиду существования более серьезной угрозы со стороны России. Окубо не выступал против войны с Кореей. Он просто утверждал с прагматических позиций, что Японии следует решить

важные внутренние и внешние проблемы, прежде чем начинать войну с Кореей.

По мнению Окубо, подход Сайго к дипломатии был опасным и иррациональным. Со стороны Сайго было «опрометчиво» отправляться в Корею, не взвесив предварительно все плюсы и минусы войны. Однако для Сайго логика Окубо была такой же порочной. Невозможно защищать интересы императорского дома, не принимая во внимание фундаментальные принципы справедливости и чести. Недвусмысленное заявление Окубо о том, что Япония должна «пережить стыд», чтобы избежать бюджетного дефицита, по мнению Сайго, не заслуживало даже презрения. Сайго назвал его «самым большим трусом в Сацума». Заместитель министра юстиции Сасаки Такаюки, наблюдая за этим конфликтом, симпатизировал Сайго, но в то же время он был возмущен его тактикой. Сайго, считал Сасаки, хотел восстановить воинскую честь Японии, но в то же время игнорировал интересы японской политики ради удовлетворения своих личных целей.

Этот конфликт из-за Кореи высветил основную политическую проблему: как члены миссии, которые отсутствовали почти на целый год дольше ожидаемого срока, могли быть заново введены в состав правительства? Кто должен пожертвовать своей властью, чтобы освободить место для члена посольства? К октябрю в эту борьбу включились почти все главные фигуры в правительстве. Ивакура поддерживал Окубо, разделяя его мнение о том, что план Сайго является опасным и опрометчивым. Кидо возражал против миссии Сайго, но он все еще был сердит на Окубо и раздумывал о том,

чтобы уйти из политики. Несмотря на свой пост императорского советника, он оказал Окубо лишь косвенную поддержку. Соэдзима, который стал членом императорского совета 13 октября, поддерживал Сайго. Соэдзима вернулся из Пекина в конце июля, заручившись тем, что он сам расценивал как обещание Китая не вмешиваться в отношения Японии с Кореей и Тайванем. Это была огромная победа, и поддержка Соэдзима значительно укрепила позицию Сайго. Это, Итагаки и Оки с самого начала были всецело на его стороне.

Императорский совет официально собрался 14 октября, чтобы еще раз рассмотреть вопрос о взаимоотношениях с Кореей. 12 октября Окубо был возвращен в императорский совет, но ему все еще не хватало голосов, чтобы отстоять свою программу, и 15 октября совет подтвердил назначение Сайго в качестве посланника. Окубо и Ивакура не хотели сдаваться, и они пригрозили уйти в отставку, если кабинет не отложит отправку миссии. Эта угроза была нацелена в основном на Сандзё, который чувствовал, что он не сможет руководить работой правительства без Окубо. Однако Сайго предупредил Сандзё о том, что задержка посольства уронит авторитет императора, и зловеще добавил, что такое преступление можно искупить только смертью. Находясь, с одной стороны, под давлением Сайго, требовавшего доложить о решении совета императору, а с другой — настаивавших на отсрочке Окубо и Ивакура, 18 октября Сандзё сломался, став жертвой нервного расстройства или сердечного приступа. В его отсутствие Ивакура стал премьер-министром (*дайдзёдайзин*), благодаря чему Окубо и Ивакура получили доминирую-

щий голос в правительстве. Ивакура теперь контролировал доступ к императору. 22 октября он вызвал Сайго, Итагаки, Это и Соэдзима в свою резиденцию и объявил им, что не будет докладывать императору о том, что совет подтвердил назначение Сайго. Это возмущенно заметил, что Ивакура присвоил себе слишком много власти, но Ивакура проигнорировал его. Как говорят, сопровождавший Сайго офицер императорской гвардии Кирино Тосиаки был близок к тому, чтобы обнажить свой меч. Сайго был в ярости. Окубо победил его не в открытом споре, а за счет хитроумной уловки. Но Сайго, несмотря на слова, сказанные им Сандзё, не был готов к тому, чтобы убить или умереть. Вместо этого на следующий день Сайго подал прошение об отставке с поста императорского советника, генерала армии и командующего императорской гвардией.

Отставка Сайго расколола правительство по заранее предсказуемым линиям, и 24 октября Соэдзима, Это, Итагаки и Гото Сёдзиро тоже покинули свои посты. Эти отставки стали отражением как их солидарности с Сайго, так и глубокого антагонизма, развившегося за предшествующие месяцы. Окубо надеялся на отставку Это, но волнения теперь распространились и на императорскую гвардию, где офицеры из Сацума открыто высказывали недовольство тем, как правительство обошлось с Сайго. 28 октября правительство выступило с императорской декларацией, предписывающей всем военным оставаться на своих постах, но это воззвание имело ограниченное воздействие. На протяжении недели в отставку подали пятьдесят шесть высокопоставленных военных, среди которых были генералы императорской

гвардии Синохара Кунимото и Кирино Тосиаки. Чтобы не демонстрировать публично недостаток контроля над гвардией, правительство преуменьшило значение этих отставок, отправив офицеров в запас. Если бы Сайго планировал нанести удар, то момент для этого был самым подходящим. Кидо отметил в своем дневнике, что, «хотя многие пытались успокоить ситуацию, беспорядки могли начаться в любой момент» и если бы волнения получили широкое распространение, то «работа многих лет оказалась бы напрасной». Даже лаконичный Окубо признался в том, что его беспокоили «сильные волнения в императорской гвардии». Но Сайго не призвал своих людей к восстанию. Три дня он тихо размышлял, избегая своих любимых мест. Затем 28 октября он отплыл из Йокохама в Кагосима и никогда больше не возвращался.

Победа Окубо в 1873 году предоставила ему полный контроль над японской политикой. Он заполнил вакансии в ключевых министерствах своими союзниками, и с 1873 года до своей смерти в 1878-м Окубо фактически являлся самым могущественным политиком в Японии. Прагматизм Окубо стал краеугольным камнем японской внешней политики, и за последующие десятилетия Япония превратилась в грозную империю, равномерно расширяющую свою территорию за счет тщательно продуманного геополитического и экономического планирования. Возможно, поражение Сайго спасло Японию от долгой и губительной для ее экономики войны, но, учитывая последующую колонизацию Кореи Японией, его поражение вряд ли можно считать победой мирного политического курса. Сайго, со своей

стороны, не испытывал особого интереса к расширению японской империи: убежденный шовинист, твердо уверенный в том, что защита японской чести стоит войны, он при этом не был империалистом. Призывая к войне, он никогда не говорил о том, что Япония должна захватить корейскую территорию; он считал, что война для достижения экономического преимущества является варварской и заслуживает самого резкого осуждения. Хотя Сайго высоко ценил западное искусство государственного управления, в этом он порицал Запад. Запад не был «цивилизованным», утверждал он, потому что он завоевывает слабые нации и наживается на их несчастьях. По-настоящему цивилизованные нации должны править за счет силы высшей добродетели. Сайго не считал, что призывы к войне ради чести, а не ради наживы являются традиционными или чисто японскими по своему характеру. В противовес логике Окубо, Сайго утверждал, что победа Пруссии над Францией в 1871 году была в большей степени основана на чувстве чести и отваге пруссаков, чем на лучшей геополитической стратегии. По иронии судьбы, Сайго имел много общего с теми корейскими дипломатами, которые отказывались признавать государство Мэйдзи. Они тоже основывали свои действия на конфуцианском принципе, согласно которому международные отношения должны строиться на порядке и справедливости. Существует соблазн построить романтическую теорию о том, как Сайго смог бы достичь взаимопонимания со своими корейскими коллегами, основываясь на общем конфуцианском языке. Одним из самых замечательных качеств в характере Сайго была его готовность ради-

кально изменить свою политику ради великого принципа. Сайго заключил мир с Тёсю, следуя требованиям своего представления о чести, и отказался от своего намерения убить Хитоцубаси Кэйки, потому что благородному человеку не подобало быть мстительным. Как поступил бы Сайго, если бы корейцы настояли на соблюдении традиционного протокола? И какой вывод сделали бы корейские дипломаты из обращения Сайго к образу Су Ву? Но эти беспочвенные спекуляции отвлекают нас от реального жизненного курса Сайго. Сайго умер не в Пусане или Сеуде, а на склонах Сирояма.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

«НОША СМЕРТИ ЛЕГКА»

Сэйго и война на юго-западе

Сельский политик

Люди, покинувшие правительство Мэйдзи в 1873 году, были объединены своей антипатией к Окубо и его политике, но они не имели общей политической программы. Итагаки стремился вернуть себе политическую власть, и он использовал нарождавшееся движение за народные права как средство для построения политической карьеры. Вместе с самураями из родного Тоса Итагаки начал кампанию за народное собрание, используя западную идею представительного правительства для оказания давления на государство Мэйдзи. Хотя приверженность Итагаки демократическим идеалам была своекорыстной, его вклад в японскую политику был огромным: он создал то, что стало первой японской политической партией. Это, Соэдзима и Гото поставили свои подписи под меморандумом Итагаки, требующим созыва совещательной ассамблеи, но только Гото продолжил свое участие в движении за народные права. Соэдзима покинул Японию, чтобы совершить путешествие в Китай, а позднее вошел в состав правительства в качестве советника. Это вернулся в Сага и возглавил «Сэйканто», фракцию недовольных самураев, выступавших за войну в Корее. Члены «Сэйканто» обещали

напасть на Корею даже без правительственного одобрения, и в феврале 1874 года токийское правительство направило в Сага войска, чтобы занять столицу префектуры и предупредить неприятности. Это спровоцировало атаку нескольких самурайских фракций, в том числе и «Сэйканто», и к середине февраля Сага была охвачена гражданской войной. Но мятежники находились в безнадежном меньшинстве, и их восстание продлилось всего лишь две недели. Это был схвачен, быстро осужден и казнен. Его отрубленная голова была выставлена для всеобщего обозрения.

Сайго выбрал свой собственный путь. Он отклонил просьбу Это оказать ему помощь в восстании в Сага и не проявил никакого интереса ни к движению за народные права, ни к государственной службе. В июне 1873 года Сайго написал о том, что он оставляет «бурные, мутные воды» ради чистой воды, и сохранял твердую решимость не участвовать в политической борьбе. Но его давнее желание уйти из политики теперь было неосуществимым. Он стал легендарной фигурой, и каждый его поступок был наполнен для окружающих политическим смыслом. Беспокойная политическая обстановка в Сацума усилила значение отставки Сайго, и, вернувшись в Кагосима в ноябре 1873-го, он столкнулся с глубоко парадоксальной ситуацией. Сайго поддержал многие самые смелые реформы правительства Мэйдзи, включая замену самурайского содержания долговыми обязательствами и создание армии, основанной на всеобщем призыве. Теперь самураи Сацума, возмущенные этими реформами, смотрели на Сайго как на образец традиционных добродетелей и символ сопротивления

центральной властью. Как член токийского правительства, Сайго с презрением относился к распространению местнических настроений в Кагосима, но теперь эти самые силы объявили себя его верными сторонниками.

Ввиду последующей роли Сайго в «войне на юго-западе» историки самым тщательным образом изучали его слова и поступки в поиске признаков того, что он планировал бросить вызов государству Мэйдзи. Хотя нет никаких сомнений в том, что Сайго был сильно обижен на правительство Мэйдзи, только самая односторонняя интерпретация существующих фактов позволяет поддержать версию, согласно которой он, на протяжении всего периода пребывания в Кагосима, готовился к восстанию. Вместо этого Сайго, судя по всему, предавался своим любимым занятиям: рыбалке, охоте и играм с детьми. Большую часть времени он проводил в Хинатаяма, избегая прямого участия в политике. Невестка Сайго, Иваяма Току, описала в своих воспоминаниях, как старательно Сайго пытался избавиться от политических забот:

«Многие люди прибывали из Кадзики, чтобы нанести Сайго визит в Хинатаяма. Но по какой-то причине Сайго не предпринимал никаких усилий для того, чтобы встретиться с ними. Это было тяжело для нас, поскольку мы знали, что они проделали долгий путь. Я не думаю, что такие глупые женщины, как мы, были способны понять хотя бы часть тех чувств, которые испытывал Сайго. Когда Сайго был дома один, он курил длинную трубку и полностью уходил в свои мысли, так что со стороны казалось, будто он спит. Только теперь,

сложив все вместе, я понимаю, что, оставаясь один дома, он тихо размышлял об окружающем мире. Конечно же, я даже не могу себе представить, о чем он думал».

Согласно Иваяма, Сайго развлекался играми с местными детьми и изготовлением соломенных сандалий, которые он надевал на охоту. Постоянным взрослым спутником Сайго в Хинатаяма был Наоён, борец сумо, регулярно отправлявшийся вместе с ним на охоту и рыбалку.

Достоверность этого удивительного образа Сайго подтверждают и другие источники, такие, как письма британского врача Уильяма Уиллиса, который возглавлял медицинскую школу в Кагосима. В июле 1874 года Уиллис написал: «Я ожидаю, что сегодня ко мне в дом придет бывший главнокомандующий вместе со своими мальчишками (маленькими друзьями), и собираюсь показать им, как волшебный фонарь отбрасывает разнообразные тени. Надеюсь, что это их позабавит». Это мало похоже на поведение человека, готовящего к сражению повстанческую армию. Письма Сайго за тот период тоже свидетельствуют о том, что он добровольно отошел от политики. В апреле 1875-го в письме своему двоюродному брату Ояма Ивао Сайго благодарит его за то, что тот прислал ему собачий ошейник, а затем просит прислать еще шесть таких же ошейников, но только на три с половиной дюйма длиннее. Затем Сайго мимоходом замечает, что, судя по всему, Пруссия и Франция приближаются к войне. Сайго оставался в курсе последних событий во внутренней и международной политике, но уделял значительно больше внимания своим охотничьим собакам.

Регулярное участие Сайго в общественной жизни ограничивалось его связью с «Сигацко», системой частных школ, основанной в 1874 году. Эти школы создавались для того, чтобы направить в конструктивное русло энергию молодых солдат, которые в 1873-м ушли в отставку вместе с Сайго. «Сигацко» имела два основных отделения: пехотное, которое возглавлял Синохара Кунитомо, и артиллерийское, где руководил Мурата Синпати. Учебный план был сконцентрирован на военной подготовке и китайской классике. Изначально «Сигацко» посещали менее восьми сотен студентов, но за следующие два года эти школы стали влиятельным институтом в общественной и политической жизни Сацума. В каждом округе «Сигацко» были основаны свои школы, дополнявшие существующую школьную систему. Образовательная программа напоминала традиционные *годзу*: после полудня, когда обучение в *годзу* заканчивалось, отделения «Сигацко» собирали местную молодежь для учебы и военных занятий, а вечером ученики собирались снова для дебатов.

Сайго был широко признан как политический лидер «Сигацко», и провозглашенные им принципы были вывешены в каждой школе. Но активное участие Сайго ограничивалось двумя школами, не входившими в основную систему «Сигацко»: «Сётэн-гакко» и «Ёсино кайконся». Школа «Сётэн-гакко», основанная в Токио в 1873 году под названием «Сюгудзуки», была посвящена солдатам, павшим в «войне Босин». Она получала финансовую поддержку от ветеранов Сацума, которые передавали в дар школе свои награды за доблестную службу; например, ежегодный вклад Сайго составлял 2000 коку,

Ояма Цунаёси (губернатор провинции Кагосима) давал 800 коку, а Кирино Тосиаки — 200 коку. Когда в 1873 году Сайго оставил правительство, школа «Сюгудзуки» вместе с ним переехала в Кагосима и взяла себе новое имя. Образование в «Сётэн-гакко» было сосредоточено на военном деле, но в учебный план входила и китайская классика, а также английский, французский и немецкий языки. Школа привлекала к работе иностранных преподавателей и отправляла самых одаренных студентов учиться в Европу. Сайго принимал активное участие в определении школьной политики и вербовке инструкторов.

Упор школы той программы на иностранные языки и иностранные науки отражал своеобразный взгляд Сайго на конфуцианскую традицию. Сайго был убежден в том, что основные ценности конфуцианства являются универсальными, а не привязанными к какой-то конкретной культуре. «Главная задача правительства, — заявлял он, — состоит в том, чтобы культивировать преданность, сыновнюю почтительность, доброту и любовь», и это справедливо повсюду, даже на Западе. Хотя жители Запада не изучают «путь» по китайской классике, принципы хорошего управления являются одинаковыми в Японии, Китае и Европе. Таким образом, Сайго верил в то, что Япония может изучать конфуцианские ценности путем критической оценки западных институтов. Сайго ясно изложил свои взгляды на универсализм конфуцианства, когда он хвалил европейские тюрьмы за то, что они воплощают добродетель сострадания и идеалы древних мудрецов значительно лучше, чем японские. Сайго также осуждал Запад в конфуциан-

ских терминах за то, что он стремится извлекать «прибыль» из неразвитых стран, вместо того чтобы великодушно направлять их к цивилизации. Сайго боялся не того, что Япония будет учиться у Запада, а того, что она научится у Запада плохим вещам и импортирует фасад западной культуры вместо скрытых добродетелей, составляющих основу ее силы. Он беспокоился о том, что Япония истощит свои ресурсы на такие «игрушки», как железные дороги, и привьет дух «фривольности» своему народу. Таким образом, Сайго обращался к конфуцианской классике как к средству подготовки студентов к трезвой оценке Запада. Обученные классическим китайским текстам и укрепленные любовью к японскому императору, студенты Сацума будут настроены на то, чтобы научиться дисциплине у пруссаков, а не праздности у французов. Именно вера в конфуцианство, как в общечеловеческое наследие, позволила Сайго надеяться на то, что Япония сумеет сохранить свои традиции и при этом занять достойное место среди мировых держав.

Школа «Ёсино кайконся», или «Общество освоения земель Ёсино», следовала совсем иной, но схожей по духу программе. Школа была названа по своему местоположению, маленькой деревушке возле города Кагосима. Студенты и преподаватели расчищали землю в окрестностях Ёсино и занимались сельским хозяйством, выращивая рис, просо и ямс (*сацумаймо*) на протяжении дня. Они учились по ночам, по программе, которая включала военную подготовку и китайскую классику. Сайго принимал самое непосредственное участие в строительстве и последующей работе школы. Он даже

лично вникал в такие детали, как выплата жалованья плотникам, и проводил в Ёсино длительные периоды времени. Учебный план «Ёсино кайконся» совпадал с представлением Сайго об идеальном самурае — образованном, практичном и привыкшем полагаться только на себя. Школьная программа позволяет предположить, почему Сайго публично не протестовал против отмены содержания самураев в 1876 году. Он надеялся сохранить самурайское сословие за счет приучения его к экономному самообеспечению. Эти самураи будут править за счет высшей добродетели, а не наследственных привилегий. В апреле 1875 года он с энтузиазмом описывал Ояма Ивао свои дни, проведенные в Ёсино: «В эти дни я трудился как настоящий земледелец и с интересом этому учился. Поначалу мне было трудно, но теперь я могу обрабатывать по две делянки за день. Я привык к простой пище, такой, как похлебка из соевых бобов и сладкого картофеля. Ни в чем не испытывая недостатка и ничем не обеспокоенный, я чувствую себя здесь полностью умиротворенным». Для Сайго работа в Ёсино, как и рыбалка в Хинатаяма, была фрагментом идеального мира.

Деятельность Сайго с 1874 по 1876 год на практическом уровне представляла собой уход из политики. Но оторванность Сайго от политических дел в то же время была глубоким политическим заявлением. Основное возражение Сайго государству Мэйдзи было моральным. Он был недоволен нападением на Корею в 1875 году, поскольку оно не соответствовало конфуцианскому понятию чести. Точно так же Сайго не был настроен враждебно против Запада, но у него вызывали отвраще-

ние внешние атрибуты западной культуры. Судя по всему, токийское правительство стремилось перенять такие фривольности, как бальные танцы, но не торопилось подражать неподкупности западных правительственных чиновников. Сайго, как всякий хороший чиновник-конфуцианец, был слишком принципиальным для того, чтобы публично критиковать государство. Вместо этого он надеялся на то, что примером идеальной модели поведения для политиков станет его повседневная жизнь — простая, здоровая, самодостаточная и глубоко моральная. Этот образ морально обоснованного ухода от повседневных дел наполняет его стихи и письма. Например, в стихотворении, написанном в 1875 году в честь «Ёсино кайконся», он высказывает предположение, что лишь немногие способны оценить по достоинству миссию этой школы:

Ноша смерти легка, когда я отвечаю на милость
своего господина,
Трудясь непрерывно, напрягая мышцы, возделываю поле.
Кто оценит, как во время наших коротких передышек
Мы изучаем Бан Бао, классика войны,
свободные от детских мыслей?

Схожая тема появляется в стихотворении, восхваляющем прелесть одинокой рыбалки в Хинатаяма:

Я загнал свою лодку в протоку, заросшую камышом.
С удочкой в руке я устроился на камне в центре течения.
Знает ли кто-нибудь о другом мире этого гордого человека?
Я пытаюсь поймать в осеннем ручье яркую луну
и холодный ветер.

Эти стихотворения, наполненные атмосферой морального превосходства, отчасти позволяют понять, по-

чему Окубо считал, что дзен-буддистская медитация делает Сайго невыносимо высокомерным. Но самоуважение Сайго основывалось на уверенности в том, что его уединение в сельской глуши является частью великого культурного проекта. Один из его учеников позднее вспоминал:

«Каждый день мастер Сайго с утра до вечера пропадал на охоте; натравливал своих собак, преследовал зайцев и пересекал горные долины. После того как, вернувшись домой, он совершал омовение, его дух казался заметно освеженным. С выражением абсолютного спокойствия он заявлял: «Я считаю, что разум благородного человека [*кунси*], всегда должен находиться в таком состоянии».

В китайской классике термин *кунси* означает человека добродетельного, культурного и честного, так что, говоря «благородный человек», Сайго имел в виду того, кто обладает благородным духом, а не благородным происхождением.

Довольство Сайго собственной добродетелью, конечно же, кажется малопривлекательным. Но, принимая во внимание, с каким почтением его регулярно приветствовали, удивительно, что Сайго удалось сохранить хотя бы часть своей учтивой скромности. Иваяма Току в своих воспоминаниях приводит поразительное описание Сайго в образе живой легенды. В 1875 или 1876 году Сайго отправился в Хинатаяма из Кагосима в сопровождении большой компании, куда входили его сыновья Торатаро и Торидзо, его жена Ито, мать Ито — Ёи и Току. Они планировали преодолеть весь путь на лодке, но по пути Ёи и Току укачало, и Сайго заметил, что им

не по себе. «Сайго, — рассказывает Току, — был необычайно крупным мужчиной, но при этом он всегда замечал мелкие, второстепенные вещи». Сайго направил лодку к Кадзики, населенному пункту, расположенному в нескольких милях от конечного пункта назначения, и предложил пройти пешком до Хинатаяма. Когда они проходили через город Кадзики, вспоминает Току, все жители высыпали на улицы и низко кланялись, «словно бы увидели перед собой процессию даймё». Сайго сталкивался с таким почитанием на всей территории бывшего княжества Сацума, и поэтому вполне понятно, что он начал думать о себе как о конфуцианском благородном человеке. Он решил, что будет критиковать правительство не словами, а своим молчанием.

Приближающийся кризис

При обычных обстоятельствах уединенная жизнь Сайго не представляла бы никакой угрозы для центрального правительства. Сайго критично относился к государству Мэйдзи, но публично он никогда не говорил ничего такого, что могло бы оправдать насильственные антиправительственные акции. Сайго даже помогал набирать войска для правительственной военной экспедиции на Тайвань в 1874 году. Однако центральное правительство и Сацума двигались пересекающимися курсами, и пассивность Сайго становилась все более опасной.

В центре конфликта находились две разные политические программы: желание построить мощное централизованное государство и желание сохранить Сацума

в качестве отдельного территориально-политического образования. На ранней стадии это столкновение принципов проявилось в отношении к такому вопросу, как реформа самурайского содержания. После того как центральное правительство приняло на себя ответственность за самурайское содержание, оно попыталось ввести общенациональные стандарты и в 1870 году приказало префектурам устранить все разграничения внутри самурайского сословия. Кагосима проигнорировала этот приказ и, кроме полноправных вассалов, сохранила несколько низших категорий вассалов, таких, как *асигару* и *фудзоку*. После второго приказа, в 1872 году, Кагосима перегруппировала своих самураев в две категории, но это по-прежнему было нарушением первоначального правительственного приказа. Кагосима ограничила некоторые самурайские привилегии, такие, как право самостоятельно отправлять уголовное правосудие, но власть сельского самурая над простыми жителями деревни, по сути, осталась неизменной. Правительство префектуры также проигнорировало введение общенационального земельного налога, который разрушил феодальный обычай, предоставив крестьянам право частного владения землей. В 1873 году токийское правительство распорядилось также провести новое размежевание земель для расчета земельного налога, и Кагосима провела ограниченную подготовку для новой системы, но она была введена только в 1878 году, после окончания «войны на юго-западе». Политика Мэйдзи, открывающая вакансии на государственной службе для простолюдинов, почти не оказала никакого воздействия на Сацума, и все важные должности, даже в сель-

ских администрациях, занимали самураи. Центральное правительство косвенно признало некоторую исключительность Сацума, назначив на должность губернатора префектуры местного уроженца, Ояма Цунаёси. Однако Ояма открыто противился проведению большей части правительственных реформ.

Это растущее напряжение между Сацума и Токио нашло свое отражение и в системе школ «Сигакко», которые, начиная с 1875 года, запретили своим ученикам покидать Сацума. Отныне выпускники «Сигакко» не могли продолжать свое образование в Токио или за морем без специального разрешения. Многие преподаватели и студенты нашли эти новые правила абсурдными, и из-за них повсеместно вспыхнули бурные дебаты. Например, в Кадзики, в одной из школ «Сигакко», дискуссии настолько обострились, что более семидесяти учителей и учеников покинули школу в знак протеста. В ноябре 1875 года спорящие стороны обратились к Сайго, чтобы он выступил в роле посредника. Сайго сожалел о подъеме волны сацумского сепаратизма еще в 1872 году, и введенные ограничения находились в явном противоречии с его собственными взглядами на образование. Но Сайго вел себя на удивление пассивно и не смог защитить тех, кто выступал против ограничений. Его бездействие тут же было интерпретировано как молчаливое одобрение новой политики.

В 1876 году центральное правительство начало свою самую решительную атаку на самурайские привилегии. 28 марта оно запретило носить мечи всем, кроме офицеров в парадном мундире, солдат и полицейских. В августе правительство распорядилось перевести самурай-

ское жалованье в облигации государственного займа со сроком погашения в тридцать лет. Самураи, по желанию, еще с 1873 года могли перевести свое содержание в облигации, но лишь немногие из них воспользовались этим предложением. Владельцам облигаций выплачивался процент по займу, составлявший от 5 до 7 процентов в год, но для большинства самураев это означало падение ежегодного дохода по меньшей мере на 30 процентов. В сочетании с запретом на ношение мечей эта реформа поразила самурайское сословие в самое сердце. В Кагосима губернатор Ояма не проявлял никаких намерений выполнять это распоряжение, и в сентябре Токио приказал ему уйти со своего поста. Однако все правительство префектуры пригрозило уйти в отставку вместе с ним, и в результате Ояма остался на посту губернатора. В других местах реакция была быстрой и насильственной. 24 октября около двухсот разъяренных самураев штурмовали замок Кумамото, самое мощное военное укрепление на Кюсю, убили командующего гарнизоном и смертельно ранили губернатора префектуры. Бунтовщики, известные как «Синпурэн», или «Партия божественного ветра», были культурными и политическими реакционерами. Они начали свое восстание после того, как посоветовались с предсказателем, и отказывались использовать огнестрельное оружие или любое другое оружие западного происхождения. Их яростный, массированный штурм поначалу застал врасплох гарнизон Кумамото, но на следующий день правительственные войска перегруппировались, и восстание почти сразу же было подавлено. Тремя днями позднее мятеж едва не разразился в Акицуки, призам-

ковом городе возле Фукуока, и беспорядков удалось избежать лишь благодаря тому, что правительству стало известно о готовящемся нападении на гарнизон. 29 октября несколько сотен самураев из Тёсю под командованием Маэбара Иссэй подняли оружие на центральное правительство. Маэбара Иссэй был высокопоставленным членом правительства Мэйдзи, занимая посты государственного советника и заместителя военного министра, но ушел в отставку в 1870 году. Восстание Маэбара было быстро подавлено, но только после того, как мятежники опустошили арсенал и разграбили местное казначейство.

Сайго наблюдал за всеми этими восстаниями со смешанным чувством. Он сам был глубоко обеспокоен действиями токийского правительства и поэтому симпатизировал повстанцам. Он признался в двойственности своих чувств Кацура, который уже давно был его самым доверенным другом. Восстание Маэбара, написал он в ноябре 1876 года, стало для него «удивительно хорошей новостью». Сайго узнал о мятеже по телеграфу и был уверен в том, что «Осака скоро окажется в его [Маэбара] руках». Основная критика Сайго действий Маэбара была связана с выбором времени. Он не подождал до 3 ноября, дня рождения императора, и, таким образом, не воспользовался символической датой, которая могла бы вызвать симпатии к его делу во всей Японии. Если бы Маэбара подождал, рассуждал Сайго, «то люди в Эдо, несомненно, присоединились бы к нему, и... я имел бы удовольствие наблюдать восстания во всех направлениях». Но сам Сайго не присоединился к мятежникам и отказался покидать Хинатаяма из страха, что его появ-

ление в Кагосима может быть интерпретировано как призыв к восстанию. Сайго был одновременно и доволен и обеспокоен собственным влиянием. Он не мог покинуть Хинатайма, но при этом думал, что «если я однажды сдвинусь с места, это напугает весь мир».

Сайго не объяснил причину своих симпатий к бунтовщикам, но многие историки считают, что он поддерживал их потому, что, как и они, был против отмены самурайских привилегий. Но все же, хотя это, конечно же, правда, для Сайго главным вопросом было поддержание правления, основанного на добродетели. Сайго был обеспокоен упразднением самурайского сословия, потому что он считал его тем общественным классом, который олицетворяет собой честь и беззаветную отвагу. В контексте этого общего взгляда на добродетельное правление Сайго в такой же степени беспокоило то, что инициативы центрального правительства могут подорвать моральную чистоту простолюдинов. Отрывочные записи свидетельствуют о том, что Сайго был глубоко обеспокоен последствиями введения земельного налога и института частной собственности. В двух неподписанных документах он сокрушается о том, что частная собственность «заразит» принятую в Сацума систему *кадовари*, в соответствии с которой крестьяне возделывали общую землю. Взгляд Сайго на систему традиционного землевладения в Сацума был чрезмерно оптимистичным: система была во многом несправедливой, а налоговое бремя гнетущим. Но Сайго ясно представлял себе, какие опасности связаны с введением рыночных принципов в систему землевладения. В тяжелые времена, заметил он, бедняки будут вынуждены продавать свою землю богатым, что еще больше усилит их

нищету и в конечном итоге вынудит бежать из княжества. Таким образом, Сайго высказывался за реформу системы *кадовари*, чтобы крестьяне получили одинаковые участки земли, а затем придерживались принципов общего землевладения. Это был единственный способ избежать в ближайшем будущем невиданного зрелища людей, которые «дерутся из-за земли, ослепленные перспективой быстрого обогащения». Сайго не хотел допустить, чтобы коммерческие отношения развратили крестьян Сацума, и он был готов нарушить волю центрального правительства для защиты добродетели своего княжества.

Пока Сайго размышлял о надвигающемся повсеместном распространении коммерческих отношений, радикалы из «Сигацко» открыто заговорили о том, чтобы начать войну с Токио. Даже самые умеренные из членов «Сигацко» чувствовали, что они не в силах контролировать ситуацию. Как выразился Мурата Симпати, сдерживать «Сигацко» — это все равно что пытаться «удержать воду в гнилой бочке, обвязывая ее гнилой веревкой». В январе 1877 года, предчувствуя неизбежный конфликт, токийское правительство направило грузовое судно «Сэкирюмару», чтобы вывезти из Сацума вооружение и боеприпасы. Весть об этом плане всколыхнула радикально настроенных студентов «Сигацко», и ночью 30 января маленькая группа совершила налет на склад боеприпасов в городе Кагосима. Они разоружили охрану и вынесли со склада около шестидесяти тысяч патронов. Местная полиция доложила об этом инциденте лидерам «Сигацко», но не предприняла никаких самостоятельных действий, и на следующую ночь студенты со-

вершили еще один налет, на этот раз разрушив большую часть склада. 31 января они атаковали арсенал центрального правительства и верфь в Исо, захватив оружие и боеприпасы.

Хаос в Кагосима был усилен обнаружением шпионов, работающих на государственное полицейское управление. Начиная с конца 1876 года начальник национальной полиции начал направлять уроженцев Сацума в их родную провинцию с приказом проникнуть в «Сигакко» и удерживать его членов от антиправительственных действий. Номинальный лидер этих агентов, Накахара Хисао, был исполнительным, но некомпетентным, и в конце января 1877 года он рассказал о своей миссии Танигути Тогоро, лояльному члену «Сигакко». Танигути быстро проинформировал свое начальство о том, что Накахара создал сеть тайных агентов с целью подрыва деятельности «Сигакко» и организации покушения на Сайго. Накахара был арестован, подвергнут пыткам, и 5 февраля он подписал признание, подтверждающее донесение Танигути. Позднее Накахара отказался от своего признания, но он был сомнительной личностью, и даже Кидо Коин был склонен подозревать его в предательстве. В Кагосима донесение Танигути и признание Накахара были широко восприняты как доказательства вероломства токийского правительства.

Во время всех этих волнений Сайго охотился в местечке Конэдзимэ, на полуострове Осими, и вернулся в Кагосима только 3 февраля. О реакции Сайго на все эти бурные события нет достоверных отчетов, но, согласно легенде о Сайго, он был потрясен действиями студен-

тов «Сигакко» и воскликнул: «Какое дерьмо [*симатта*]!» Затем Сайго объявил, что, хотя не одобряет действий студентов, его глубоко тронула их преданность, после чего поклялся умереть с ними в бою. Это красивая история, но письма Сайго, написанные в марте, позволяют предположить нечто иное. Арест Накахара и его признание изменили представление Сайго о токийском правительстве. Поскольку еще в 1873 году Сайго подозревал Окубо в предательстве, признание Накахара подтвердило его наихудшие опасения. Сайго давно хотел защитить Сацума от того, что он считал аморальным правлением Токио, но теперь режим сам пришел за его жизнью, и такое вероломство требовало ответа. Сайго все еще стоял перед глубокой идеологической дилеммой: токийское правительство было императорским правительством, и Сайго не хотел становиться тем, кто бунтует против императора. Но действия правительства требовали ответа. 7 февраля Сайго объявил о своем решении направиться в Токио и потребовать ответа от центрального правительства.

Теперь, под руководством Сайго, в Сацума началась подготовка к войне. Система «Сигакко» предоставила большое количество обученных солдат, которые составили ядро повстанческой армии. Студенты «Сигакко» были обучены современным методам ведения войны, и они были вооружены винтовками «Снайдер» (заряжаемые с казенной части) и «Энфилд» (заряжаемые с дульной части), различными карабинами, пистолетами, а также мечами. Два артиллерийских подразделения, собравшие почти всю полевую артиллерию Сацума, имели на вооружении двадцать восемь горных пушек

(5,28-фунтовые), две полевые пушки (15,84-фунтовые) и тридцать разнообразных мортир. В армии всего насчитывалось около двенадцати тысяч солдат, сгруппированных в семь батальонов, и их моральный дух был очень высок. Но с самого начала было очевидно, в чем заключается слабость сил Сацума. Несмотря на всю свою мощь, армия не имела тылового обеспечения. Каждый солдат сам нес свою провизию, и не существовало никакого четкого плана пополнения запасов. Изначальный запас боеприпасов позволял выделить только сто патронов на каждого человека. Напротив, императорская армия располагала всеми ресурсами национального правительства. Общая численность армии составляла сорок пять тысяч человек, но главным ее преимуществом было хорошее обеспечение. Императорская армия имела на вооружении более ста артиллерийских орудий, включая две картечницы Гатлинга, и ее изначальный боезапас составлял шестьдесят три миллиона патронов, что более чем в четырнадцать раз превышало общий боезапас повстанческой армии. Более того, к марту молодая японская военная промышленность производила около полумиллиона патронов в день. Таким образом, чем дольше продолжалась война, тем больше было преимущество токийского правительства в боеприпасах и провианте.

15 февраля первые два батальона армии Сацума собрались у замка Цурумару, под необычайно густым снегопадом, и начали свой марш на север, в направлении Кумамото. Боевой план повстанческой армии состоял в том, чтобы заставить сдаться гарнизон Кумамото, но у нее не было четкого политического манифеста. Офи-

циальная цель восстания состояла в том, чтобы сопроводить Сайго в столицу, где он сможет «допросить» (*дзинмон*) токийское правительство. Выбранное слово косвенно намекало на предполагаемую цель заговора Накахара, но это было слабым основанием для мобилизации более десяти тысяч человек. Сами солдаты в своих последующих показаниях в качестве военнопленных называли различные причины своего присоединения к повстанцам. Многие члены «Сигако» говорили о смутном ощущении национального кризиса, другие упоминали заговор с целью убийства Сайго или намекали на заморскую экспансию. Некоторые солдаты отвечали, что испытывали на себе определенное давление: Сакамото Дзунити рассказал о том, что самураи, не примкнувшие к бунтовщикам, считались такими же плохими, как и вражеские солдаты. Многие солдаты утверждали, что они не понимали полностью последствия записи в повстанческую армию. Например, как заявил Нагаси Рэндзирё, его вдохновил призыв Сайго к беззаветному служению своей стране, но он поначалу не осознавал, что это означает нападение на центральное правительство. Однако большинство допрошенных говорили о сильном, но не до конца развитом ощущении того, что война является справедливым и благородным делом. Кабаяма Сукэами, сорокатрехлетний солдат из города Кагосима, заявил, что «хотя план взять в руки оружие и направиться в столицу, чтобы допросить правительство, вызывал у меня сомнения, в то время в префектуре сложилась такая ситуация, что даже женщины и дети высказывали желание присоединиться к нам». Казалось, продолжил он, что даже ломовые извозчики в повстан-

ческой армии пользуются всеобщим уважением. «Я подумал, — заключил он, — что если это делает Сайго, то это не может быть ошибкой». Таким образом, Сайго начал восстание, не имея ясной цели.

Боевые действия официально начались днем 21 февраля, когда правительственные войска обстреляли наступающую армию Сацума возле Кавасири, в трех милях к югу от замка Кумамото. Бунтовщики продолжили наступление и на следующий день приготовились к осаде гарнизона Кумамото. 23 и 24 февраля мятежники атаковали замок Кумамото, бесстрашно бросившись на штурм его стен. «Бунтовщики с мечами в руках, — вспоминал начальник гарнизона Идэиси Такэхико, — часто перелезали через каменные стены и бросались в атаку под градом пуль. Не успевали мы отразить одну атаку, как за ней сразу же следовала другая». Однако повстанцы не вынесли интенсивности этого боя, и к вечеру 24 февраля штурм был приостановлен. Атака с ходу сменилась длительной осадой. Существует романтическое клише, согласно которому столкновение между силами Сацума и императорской армией было войной между традициями и современностью, но осада замка Кумамото представляла собой значительно более сложную картину. Хотя японское правительство экипировало императорскую армию современным оружием, главным достоянием защитников Кумамото был сам замок — одно из самых мощных оборонительных укреплений семнадцатого века. Замок имел огромные размеры: периметр его внешней стены, с более чем пятьюдесятью башнями, составляет около пяти миль, а на территории замка насчитывается более ста колодцев для обеспечения гарнизона питьевой водой в ходе длительной оса-

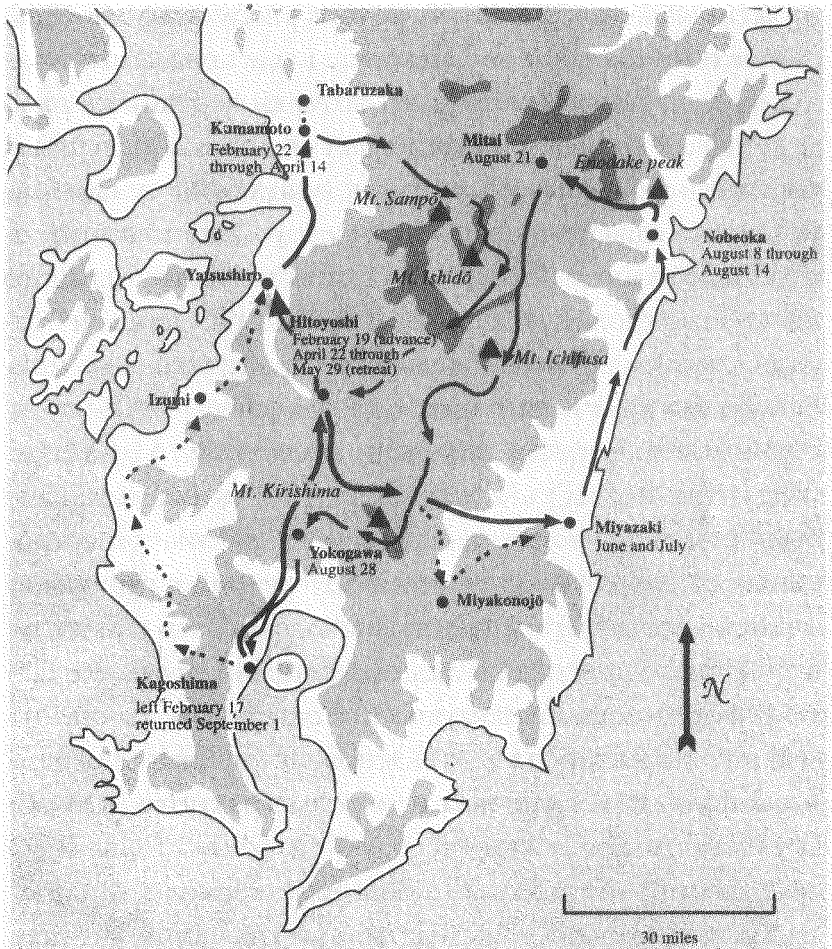

Замок Кумамото, 1871

ды. Массивные каменные стены имеют в верхней части слабый обратный изгиб, что делает их почти неприступными. Чтобы нанести замку ощутимые повреждения, повстанцам было необходимо разместить свою полевую артиллерию на близком расстоянии, но это делало их уязвимыми для ответного огня защитников замка. В данном случае современное оружие повстанцев было бессильным перед традиционной технологией, находившейся на стороне императорского правительства. В других случаях ситуация менялась на противоположную. Когда, пробив брешь в воротах замка, мятежники бросились в атаку, их остановили методично расставленные противопехотные мины — бич современных войн. Этот конфликт также принято рассматривать как битву между самураями и простолюдинами, но даже она проходила с неожиданными поворотами. В гарни-

зоне Кумамото среди солдат-призывников были артисты, которые в ходе долгой осады устраивали импровизированные представления для своих товарищей по оружию. Солдаты Сацума слышали смех и звуки сямисэна, доносящиеся из-за стен замка, и смогли объяснить их только тем, что офицеры сумели каким-то образом тайком провести в замок гейш для собственного развлечения. Эта ошибочная трактовка неожиданно получила широкое распространение за счет цветных гравюр (*нисикиэ*), изображающих, как офицеры гарнизона развлекаются с гейшами, дразня своим видом расположившихся у стен бунтовщиков.

Между тем за пределами призамкового города разворачивалась настоящая политическая драма. Марш на север армии Сацума усилил давно назревающее недовольство на всей территории Кюсю. В префектуре Кумамото вся сельская местность была охвачена восстанием после того, как тысячи крестьян высказали свое недовольство правительством Мэйдзи. Простолюдины были возмущены введением новых местных налогов, предназначенных для оплаты правительственных проектов, таких, как всеобщее образование и размежевание земель. Во всей префектуре они обращались с петициями к властям и физически атаковали местных чиновников, требуя отсрочить введение новых налогов и сократить их размер. Армия Сацума не обращалась напрямую к этим простолюдинам, но расплывчатость миссии Сайго, как ни парадоксально, оказалась ее достоинством: крестьяне приписывали Сайго свои собственные программы. Например, в деревне Катамата волнения начались после того, как некий Фудзии Ихэй 25 февра-

Перемещения Сайго в ходе восстания в Сацума

[названия на карте, сверху вниз, слева направо] —

Табарудзакэ; **Кумамото** — с 22 февраля по 14 апреля;
Митаи — 21 августа; **пик Энодакэ**; **г. Самто**; **г. Исидо**;
Нобэока — с 8 по 14 августа; **Яцусиро**; **г. Исидо**; **Хитоёси**
 — 19 февраля (наступление) — с 22 апреля по 29 мая
 (отступление); **г. Исифуса**; **Идзуми**; **г. Кирисима**; **Ёкогава** —
 28 августа; **Миядзакэ** — июнь и июль; **Мияконодзэ**;
Кагосима — отбытие 17 февраля — возвращение 1 сентября

ля вернулся из города Кумамото и рассказал односельчанам о прибытии войск Сацума. Если повстанцы придут в Катамата, объявил он, то жителям деревни не надо будет платить налоги и они сами смогут выбрать свою собственную сельскую администрацию. Местным чиновникам удавалось сдерживать ситуацию на протяжении недели, но к началу марта они почувствовали, что их жизням грозит опасность, и бежали из деревни. Порядок был восстановлен только после того, как повстанческая армия отступила от Кумамото.

Мятежники также получали поддержку от различных групп недовольных самураев. В Фукуока и Накацу были отмечены волнения среди консервативно настроенных самураев. В Кумамото к бунтовщикам присоединились члены группы недовольных самураев «Гаккото». К ним также присоединился самурайский отряд «Киёдати», сформированный членами «Уэки гакко», радикальной школы из города Уэки. Основная учебная программа «Уэки гакко» включала переводы трактатов «Об общественном договоре» Руссо, «О свободе» Милля и «О духе законов» Монтескьё, а основатель школы, Миядзаки Хати́ро, был важным участником кампании Итагаки Тайсукэ за учреждение выборного общенационального собрания. Говорят, что позднее Миядзаки утверждал, что он не присоединился к Сайго, а просто хотел использовать его для того, чтобы расшатать правительство Мэйдзи, но в тот момент это не имело значения: «Киёдати» предоставил Сайго отважных местных бойцов, готовых собирать разведывательную информацию для штаба восстания.

Расплывчатая цель Сайго «допросить» токийское правительство сделала крайне мало для объединения этих разнотипных групп его сторонников, которым не доставало общей идеологии. Однако уже через несколько недель популярная пресса придумала для Сайго лозунг: «Синсэй котоку» («Новое правительство, богатое добродетелью»). Происхождение этого лозунга неясно, но 3 марта газета «Юбин хоти синбун» сообщила о том, что Сайго использует этот лозунг на своем боевом знамени. На самом деле такого знамени не существовало: на флагах Сайго были изображены простые вариации на тему семейного герба Симадзу. Лозунг был плодом воображения авторов цветных гравюр, и газета ошибочно приняла его за факт. Этим лозунгом, появившимся на десятках различных гравюр, художники осторожно демонстрировали свою поддержку Сайго, не нарушая закона о печати правительства Мэйдзи. В сопровождающем гравюру тексте художники послушно описывали Сайго как изменника и бунтовщика, но при этом изображали его в героических позах с доблестным лозунгом над головой. Сам по себе лозунг был достаточно парадоксальным: он провозглашал новое правительство, но при этом возвращался к традиционному взгляду, согласно которому правительство должно быть добродетельным, а не бюрократическим. Смысл лозунга был противоречивым, но в нем содержалось непреодолимое желание объединить энергию свободного общества с надежностью конфуцианских традиций. Сайго, по крайней мере в народном воображении, сочетал в себе и то, и другое.

Долгое поражение

Стратегия Сайго предполагала широкую общественную поддержку, но он серьезно переоценил силу воздействия разрозненных восстаний. Его ожидания были чрезмерными, но не абсурдными. Даже командующий императорской армией Ямагата Аритомо был испуган перспективой массовых народных волнений. Однако Сайго почти ничего не сделал для того, чтобы усилить или организовать общественную поддержку. 2 марта Сайго написал Ояма Цунаёси, призывая его опубликовать признания шпионов, чтобы тем самым объяснить причины восстания. Но Сайго никогда не провозглашал свои цели и протесты, в силу чего народные восстания не стали достаточно крупными для того, чтобы повернуть ход битвы.

План Сайго предполагал быструю победу в Кумамото, и длинная осада оказалась на руку императорской армии. 9 марта правительство высадило свои войска в Кагосима и захватило контроль над всем военным имуществом, включая более четырех тысяч бочек с порохом. Они взяли под стражу губернатора Ояма и отправили его в Осака до конца войны. Императорская армия также направила в Кумамото многотысячное подкрепление, чтобы прорвать блокаду. В ответ мятежники направили часть своих войск на север от Уэки, чтобы взять под контроль главную дорогу на Кумамото, и 3 марта армии встретились у Табарудзака, небольшой горы, расположенной в двадцати милях от замка. Дорога от Табарудзака до Кумамото проектировалась как часть внешнего кольца обороны. Дорога прорезала гребень горы, из-за чего она была расположена чуть ниже, чем

окружающий ее лес, образующий два оборонительных рубежа. Гора не только служила естественным препятствием для начальной атаки, но и создавала густое, приподнятое над окружающей местностью прикрытие, позволяющее обороняющимся замедлять наступление атакующих войск с обеих сторон дороги. На протяжении восьми дней императорская армия пыталась выбить повстанцев с вершины горы, и сражение при Табарудзакэ стало решающим для всей войны. В нем принимало участие около десяти тысяч солдат с каждой из сторон, и в ходе ожесточенных столкновений стороны потеряли примерно по четыре тысячи человек. Хотя императорская армия еще не развернулась в полную силу, все равно она обладала значительным огневым превосходством, расходуя в ходе штурма более трехсот тысяч единиц боеприпасов для стрелкового оружия в день. Мятежники, напротив, страдали от недостатка боеприпасов, и, кроме того, их боеспособность была ослаблена капризами погоды. Проливной дождь делал бесполезными их заряжаемые с дула винтовки, а одежда из хлопка насквозь пропитывалась водой. Но они сражались мечами, увязая в грязи, и при этом напевали песенку о том, что они боятся дождя больше, чем пушек. Несмотря на такие тяжелые условия, повстанцы удерживали свои позиции до 20 марта, когда императорская армия прорвала их западный фланг и захватила гребень горы. Мятежники отступили на восток, до города Уэки, где они удерживали свои позиции вплоть до 2 апреля. Героические усилия повстанцев задержали наступление императорской армии с севера, но это не принесло им особой пользы. 15 апреля императорская ар-

мия, наступая с юго-запада, разбила мятежников у Кавасири и прорвала осаду замка Кумамото. За пятьдесят четыре дня осады гарнизон Кумамото потерял около 20 процентов солдат, и, поскольку запасы продовольствия в замке подходили к концу, офицеры уже строили планы самоубийственного прорыва. Как вспоминал командир гарнизона, увидев приближение правительственных войск, солдаты плакали так, «словно их дети воскресли из мертвых».

Сайго предвидел эти поражения месяцем ранее. 2 марта он все еще надеялся на то, что его сторонники в Тоса захватят Осака, после чего начнутся восстания по всей Японии, которые повлияют на ход войны. Однако к 12 марта его настроение полностью изменилось. Не прислушиваясь ни к чьим возражениям, Сайго настаивал на осаде Кумамото, а теперь осознал, что он «сам попал в их ловушку, схватив приманку, которой послужила осада замка». Враг приближался со всех сторон, угрожая постепенно ослабить его силы. Сайго еще не утратил всех надежд, но он сомневался в том, что кому-либо, будь это даже легендарный китайский воин Мэн Бень, который голыми руками вырывал рога из головы живого быка, теперь удастся повернуть вспять течение войны. Но, как утверждал Сайго, на самом деле это не имело для него большого значения. Он сражался не за победу, а за «возможность умереть ради принципа». Когда осада Кумамото была разорвана, Сайго отступил и вновь собрал своих людей у Хитоёси. Он стоял лагерем у Хитоёси с середины апреля до конца мая, надеясь получить подкрепление для своей ослабленной армии от симпатизирующих ему самураев из Тоса. Од-

нако 27 мая, после трех недель мелких стычек с бунтовщиками, императорская армия начала генеральный штурм Хитоёси, и Сайго дал приказ к отступлению.

После отступления от Хитоёси характер боевых действий полностью изменился, и наступление повстанческой армии превратилось в длительное отступление. Между маем и сентябрем 1877 года императорская армия преследовала уменьшающиеся в размерах отряды мятежников вдоль и поперек Кюсю. Бунтовщики больше не пытались добраться до Токио, а хотели лишь ускользнуть от императорской армии и пробраться домой. Ввиду отсутствия боеприпасов многие из них отказались от огнестрельного оружия в пользу мечей, и они все чаще отдавали предпочтение партизанской тактике перед общепринятой. Рассредоточиваясь и перегруппировываясь, мятежники уменьшали численное превосходство врага, заставляя императорскую армию рассеивать собственные силы. Мятежники умело использовали особенности ландшафта, просачиваясь через горы и леса маленькими группами. Преследование началось в начале июня, после того, как Сайго направил основную часть своих сил на юг, в сторону селения Мияконодзё на полуострове Осуми, в то время как сам он прошел около пятидесяти миль на восток и в результате оказался на тихоокеанском побережье, у селения Миядзаки. Императорская армия пустилась в погоню и 24 июня разбила повстанцев около Мияконодзё, после чего повернула на север, чтобы начать преследование Сайго. Силы Сайго уходили от преследователей вдоль восточного побережья Кюсю до Нобэока, где 10 августа они подверглись массированной атаке со стороны правительственных войск. Императорская армия имела по

меньшей мере шестикратное превосходство над оставшимися тремя тысячами солдат Сайго, но мятежники держали оборону целую неделю, после чего отступили в горы, на восток. Императорская армия сумела окружить Сайго на северных склонах пика Энодакэ, расположенного к северо-востоку от Нобэока. Ожидалось, что здесь будет положен конец войне. Джон Капен Хаббард, капитан американского судна, зафрахтованного «Пароходной компанией Мицубиси» для транспортировки правительственных войск и припасов, присутствовал в Нобэока. 18 августа он услышал, что «мятежники полностью окружены и к вечеру с ними будет покончено». Однако на следующий день он узнал, что «Сайго и Кирино, вместе с другими лидерами... прорвались сквозь магический круг, как они уже не раз делали раньше». Сайго сбежал, прорубившись сквозь непроходимую чашу, и вновь привел в отчаяние императорскую армию. «Лично мне кажется, — продолжал Хаббард, — что до конца еще далеко». Повстанцы в конечном итоге будут побеждены, «но я думаю, потребуется время на то, чтобы их найти, и, вероятно, они появятся там, где их меньше всего ожидают». Хаббард был прав. Менее чем через две недели, 1 сентября, силы Сайго просочились обратно в Кагосима, город, оккупированный более чем семью тысячами императорских солдат. Бунтовщики собрались снова на гребне Сирояма, чтобы основать там свой последний рубеж.

Точная роль Сайго в этом примечательном отступлении остается тайной. Не сохранилось ни одного письма за период от 17 мая до 6 августа 1877 года, а немногие дошедшие до нас свидетельства очевидцев противоречат друг другу. Часто цитируемый дневник одно-

го из современников говорит нам о том, что Сайго «скрывался» в своем штабе и редко показывался на людях. Однако, согласно другим показаниям, он любил оставлять своих телохранителей и пропадать в горах, охотясь на зайцев. Но это противоречит другим свидетельствам, которые утверждают, будто бы Сайго страдал от сильного паразитического воспаления в паху, из-за чего почти не мог ходить. Мысли Сайго также представляют для нас загадку, но очевидно, что к началу августа он уже смирился с поражением. 6 августа, на пути к Нобэока, он написал циркуляр для своих солдат. Они хорошо сражались на протяжении шести месяцев, но «когда мы уже находились на пороге победы, наш боевой дух ослаб, и теперь я сожалею о том, что в итоге мы все оказались в отчаянном положении». Сайго призывал своих людей не терять мужества и «не оставлять нашим потомкам причин для стыда». Сайго все еще сражался, но он уже приготовился к смерти.

Между тем популярная пресса подготовилась к кончине Сайго, отправив его заранее на небеса. 10 августа появилась гравюра Ханэда Томидзиро, изображающая толпу простолюдинов, которые молятся восшедшему на небеса Сайго. Ханэда использовал этот образ, чтобы предложить свои точные, но грубые комментарии по поводу быстрых культурных перемен. Например, монах на гравюре выражает благодарность за то, что государство Мэйдзи отменило традиционные буддистские ограничения, позволив ему наслаждаться мясом и женщинами. К несчастью, люди перестали заходить к нему в храм. «Пожалуйста, — обращается он к Сайго, — верни все вещи на прежние места, чтобы все было как раньше». Должно быть, эта гравюра продавалась хорошо, по-

скольку Ханэда через месяц использовал ту же самую идею, хотя теперь простолюдины были такими несчастными, что они пытались вернуть Сайго обратно на землю, притягивая его вниз при помощи веревок. На этой второй гравюре вымышленный торговец сожалеет о том, что отмена старых обычаев привела к падению спроса на традиционные праздничные товары. Лодочник жалуется на то, что строительство мостов и железных дорог лишает его средств к существованию.

В то время как взгляд Ханэда на Сайго был сатирическим, другие художники предложили более респектабельный, пусть даже и фантастический, образ Сайго. Например, 10 сентября появилась гравюра Цукиока Ёнэдзиро, на которой он изобразил, как правительственные чиновники пытаются сбить с неба звезду Сайго при помощи военного воздушного шара. Один из зрителей замечает, что благодаря своему величию Сайго способен стать звездой даже при жизни. Человек, стоящий рядом с ним, говорит, что все изменения на небесах являются отражением волнений, происходящих внизу. Третий наблюдатель, в свою очередь, заявляет, что изменения на небесах вызваны не мятежом (*хоки*) Сайго, а его революцией (*иссин*).

Тем временем, на земле, Сайго и около трех сотен оставшихся с ним человек рыли оборонительные укрепления вокруг гребня Сирояма. У них было мало еды, мало патронов и полностью отсутствовали медикаменты. Силы Ямагата окружили их позиции и начали регулярный артиллерийский обстрел, но Ямагата продолжал беспокоиться из-за того, что Сайго снова может от него уйти. Согласно легенде, 23 сентября Ямагата отправил Сайго письмо, где призывал его прекратить

борьбу. Отважно сражаясь, Сайго уже отстоял свою честь, и новые сражения ничего ему не дадут. Ямагата не использовал слова «капитуляция» и не обещал проявить мягкость, а заявил, что он понимает истинные мотивы Сайго. Сайго ему не ответил, и в 3.55, на следующее утро, императорская армия начала последний штурм Сирояма.

Смерть и канонизация

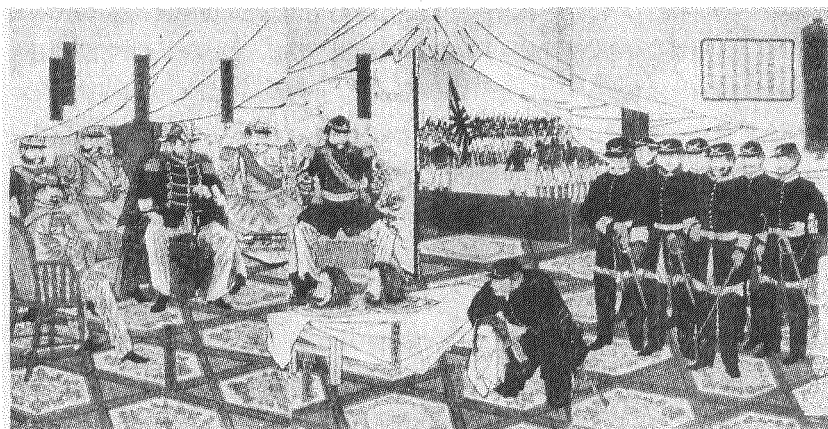
Давайте теперь вернемся к начальному вопросу: где была голова Сайго 24 сентября 1877 года? Самые надежные свидетельства отмечают только то, что голова Сайго не находилась вместе с его телом и была обнаружена позднее правительственными войсками. Согласно различным вариантам легенды о Сайго, его слуга закопал голову возле ворот частного дома, но существуют значительные разногласия по поводу как имени слуги, так и имени владельца дома. Нет ясности и в том, кто именно нашел голову Сайго, хотя чаще всего называют некого Маэда Цунэмицу, солдата императорской армии. Все эти детали являются спорными, но у нас есть хороший отчет о том, что произошло дальше: голова Сайго была воссоединена с его телом в поразительно бесцеремонной манере. Как свидетельствует капитан Хаббард, который описал это событие в письме к своей жене, тела лидеров повстанцев были выложены в два ряда на склоне горы, возле баррикад императорской армии. Хаббард быстро узнал Сайго:

«Это был большой человек могучего телосложения, с почти белой кожей. Одежда была с него снята, и он ле-

жал абсолютно нагой. Прошло несколько секунд, прежде, чем я понял, что у него нет головы. Рядом с Сайго лежал Кирино, а затем Мурата. Только у тела Сайго отсутствовала голова, хотя на тела других тоже было страшно смотреть. Их головы были сильно разрублены, и, судя по всему, они убили друг друга. Не вызывает сомнений, что они тоже были бы обезглавлены своими людьми, будь у них на то достаточно времени. Пока мы разглядывали тела, голова Сайго была принесена и положена рядом с его телом. Это была замечательная голова, глядя на которую любой человек сразу бы определил, что она принадлежит лидеру».

Письмо Хаббарда говорит о величии физического облика Сайго, которое было очевидно даже рожденному в Бостоне капитану, работающему на государство Мэйдзи.

Однако отчет Хаббарда о голове Сайго почти неизвестен в Японии. Это отчет свидетеля, но он содержит не то, что хотело бы услышать японское общество, или то, чего, судя по всему, требует история. Героический марш Сайго по склонам Сирояма навстречу неминуемой смерти и героическая попытка спрятать его голову были частью хорошо знакомой истории, фрагментом канонического рассказа о воинской доблести. Художники *нисикиэ* сразу же поняли, как должна заканчиваться история о Сайго. С первых чисел ноября художники начали публиковать гравюры, изображающие формальное представление головы Сайго (наряду с отрубленными головами Кирино, Мурата и Бэппу) лидерам императорской армии Ямагата и Арисугава-но-мия, принца из побочной ветви императорского дома и номинального

Представление головы Сайго

главнокомандующего. Гравюры обычно были подписаны *куби дзиккэн* (инспекция голов), что являлось прямой ссылкой на средневековый воинский обычай. События, изображенные на этих гравюрах, не имели под собой фактической основы, и императорская армия никогда не проводила формальной, ритуализированной инспекции голов. Однако для японской публики это было самым правильным и естественным завершением яркого жизненного пути Сайго.

Японские историки столкнулись с другим затруднением. Они тоже испытывали неловкость от бесцеремонного обращения с головой Сайго, поскольку это, как казалось, лишало его жизнь художественного завершения. Факты смерти Сайго были крайне неудовлетворительными, и им особенно не доставало величия, таинственности и глубокого символизма. Легендарная жизнь требовала легендарной смерти, и было очень трудно оставить голову Сайго брошенной возле его об-

наженного трупа, расprostертого у земляной насыпи в основании Сирояма. Но история *нисикиэ* о формальном представлении головы была явно фальшивой, поэтому защитникам Сайго требовалась более правдоподобная развязка. Наиболее стойкий миф о голове Сайго был создан в 1897 году Кавасаки Сабуро. В этой версии Маэда, действуя скорее как самурай, чем как солдат, доставляет голову Сайго для осмотра своему командиру, Ямагата Аритомо. Ямагата обращается с головой Сайго с большим почтением, соблюдая все церемонии. Сайго был мятежником, но он когда-то являлся одним из трех самых могущественных людей в Японии, главным советником государства и главнокомандующим императорской гвардией. Ямагата также вспоминает, как они сражались бок о бок за свержение сёгуната. Его отрубленная голова заслуживала всяческого уважения. Ямагата омыл голову чистой водой и взял ее обеими руками. Затем он обратился к собравшимся командирам и рассказал им о славной смерти Сайго. Он обратил их внимание на спокойное выражение лица Сайго, не измененное даже смертью. Затем, держа в руках голову Сайго, Ямагата оплакал своего павшего товарища. Это была смерть, подходящая последнему самураю.

Этот красочный отчет о смерти Сайго стал важной частью легенды о нем. Консервативный критик Это Дзюн интерпретировал данную сцену как самый значимый момент в истории Японии. В своей статье, написанной незадолго перед смертью в 1999 году, Это описывает жест Ямагата как отражение силы идей Сайго. «Это было не учение Оёмэй и даже не лозунг Сайго «Почитай небеса и люби людей», не национализм и не ксенофобия, а скорее идеология *Сайго нансю* [Сайго с

юга], превосходившая все вышеперечисленное и глубоко тронувшая сердца японцев». Ничто на свете, заявлял Это, включая марксизм, анархизм, теорию модернизации и постмодернизм, не смогло дать японцам такой мощной идеологии, как идеология Сайго. Предложенная Это интерпретация смерти Сайго проистекает из его глубоко консервативного понимания японской истории и культуры. Япония, считал он, пожертвовала своими традициями ради второсортных факсимиле западного «индивидуализма» и «свободы». Это давно подвергал самой жесткой критике поверхностность послевоенного японского материализма, и в конце 1990-х он рассматривал смерть Сайго как противоядие японскому культурному недомоганию. Это недвусмысленно называет достойную смерть Сайго на склонах Сирояма моделью для нахождения смысла в условиях кризиса японской экономики. Япония, утверждал он, проиграла дважды — сначала как военная сверхдержава, а затем как экономическая сверхдержава, но смерть Сайго показывает, как можно победить в условиях полного поражения.

Понимание Это значения головы Сайго является частью его собственных ненационалистских взглядов, но было бы ошибкой рассматривать Сайго исключительно как символ японских правых. Рассказ Это о том, как Ямагата оплакивает павшего товарища, не менее фантастичен, чем история 1870-х о вознесении Сайго на небеса, но обе эти идеи появились от желания превзойти ограничения современной жизни. Поиск мира современного и в то же время традиционного лежит в основе не только страстной политической риторики Это, но и комических сцен *нисикиэ*, таких, как сцена, изобраа-

жающая монаха, который хочет наслаждаться женщинами и мясом, но при этом не терять доверия своих прихожан. Что более серьезно, и Это, и художники «нисикиэ», придумавшие фразу «Новое правительство, богатое добродетелью», видели в Сайго потенциал для жизни, которая практична, современна и в то же время глубоко моральна. Сам Сайго не сумел примирить между собой эти противоречия. Он находил себя, только удалившись от публичной жизни, но его жизнь была слишком публичной для того, чтобы позволить ему роскошь уединения. Таким образом, можно сказать, что жизнь Сайго не удалась, но она не удалась, продемонстрировав такую целеустремленность, самоуглубленность и самообладание, что его неудача, как заметил Это, была не менее убедительна, чем любая победа. Таким образом, его пропавшая голова продолжает будоражить умы.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
Введение.....	9
Глава первая «РОМАНТИЗМ МОГУЩЕСТВА» <i>Детские и юношеские годы жизни Сайго в Сацума</i>	30
Глава вторая «ЧЕЛОВЕК ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ ПРЕДАННОСТИ» <i>Сайго и национальная политика</i>	84
Глава третья «КОСТИ В ЗЕМЛЕ» <i>Ссылка и унижение</i>	144
Глава четвертая «ВЕЛИКИЙ ГРУЗ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ГОСУДАРСТВО» <i>Свержение сёгуната</i>	194
Глава пятая «РАЗГОНЯЯ ОБЛАКА» <i>Сайго и государство Мэйдзи</i>	268
Глава шестая «НОША СМЕРТИ ЛЕГКА» <i>Сайго и война на юго-западе</i>	339

Марк Равина
ПОСЛЕДНИЙ САМУРАЙ

Ответственный редактор *Е. Басова*
Художественный редактор *Е. Савченко*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *Е. Мельникова*
Корректор *Л. Зубченко*

В оформлении использован слайд,
предоставленный FOTOBANK.COM/АГЕНТСТВО

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канд»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1. Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16,
многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канд»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:**

Центральный магазин — Москва, Сухареvская пл., 12
(м. «Сухареvская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.
Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.
Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо»:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8432) 70-40-45/46.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua

Подписано в печать 25.03.2005.
Формат 60x90^{1/16}. Гарнитура «Гарамонд». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 24,0.
Тираж 10 000 экз. (5000 экз. ТДЦ + 5000 экз. ТДЦн)
Заказ 663.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Тульская типография».
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.